

Российский Фонд культуры
Ивановское областное краеведческое общество
Приход Смоленской иконы Божией Матери в с. Старая Южа
Архивный отдел администрации Южского муниципального района

ПОЖАРСКИЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ альманах

Выпуск 2

«К 10-летию явления в граде Юже иконы
Пресвятой Богородицы Неопалимая купина»

Иваново – Южа
2007

Российский Фонд культуры
Ивановское областное краеведческое общество
Приход Смоленской иконы Божией Матери
в с. Старая Южа
Архивный отдел администрации Южского муниципального
района

**ПОЖАРСКИЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ
альманах**

Выпуск № 2
«К 10-летию явления в граде Юже
иконы
Пресвятой Богородицы
Неопалимая купина»

Иваново – Южа
2007

ББК 63.3 (2)44

УДК 9 (47)13

Пожарский юбилейный альманах посвящён подготовке к 400-летию славного освободительного похода ополчения под руководством князя Д.М. Пожарского, чья родовая вотчина Мугреево располагается на земле Южского района Ивановской области.

Выпуск № 2 включает в себя по большей части материалы научных докладов и сообщений, прозвучавших на III Пожарско-Неопалимовских чтениях, проходивших, по уже сложившейся традиции, в Юже 3—4 ноября 2006 года.

Издатели благодарят В.А. Клокова, предоставившего основную часть фотоматериалов, использованных для иллюстративного оформления альманаха.

Выпуск подготовлен под общей редакцией доктора исторических наук, профессора К.Е. Балдина.

ISBN 5-902022-16-9

© Российский фонд культуры, 2007

© Священник А.Е. Лихачёв, 2007

© ИД «РЕФЕРЕНТ», 2007

Предисловие

Ивановское областное краеведческое общество, как подразделение Ивановского филиала Российского фонда культуры, и приход Смоленской иконы Божией Матери в с. Старая Южа продолжают выпуск Пожарского Юбилейного альманаха. 2-й выпуск альманаха выходит на рубеже 2006/2007 годов, когда только что совершилось празднование первого 10-летнего юбилея незаурядного для 450-летней истории Южи события – явления на южской земле Самой Пресвятой Богородицы, очевидцами которого стали в 1996 г. двое жителей Южи. Это явление сопровождалось обретением сразу двух образов иконы Неопалимой купины – медного, вросшего в дерево, и отпечатавшегося на смежном полене, с лицевой стороной иконы. Это духовное событие очень знаменательно для нашего края, ведь именно благодаря обретению медной иконы Богородицы на пне дерева возник в начале XVII века в селе Южа-Никольское тогда ещё деревянный Свято-Никольский храм со Смоленским приделом. Места, избранные для посещения Пресвятой Девой, со временем становятся на Руси важными духовными центрами. Примеров множество: явление на Почаевской горе – Почаевская Лавра, явление у Пюхтицкого источника – Свято-Преображенский Пюхтицкий монастырь, явление на пути князю Андрею Боголюбскому – большой монастырь в с. Боголюбово... От нашего с вами усердия и духовного труда зависит также и сохранение памяти нашего Южского Явления.

Выпуск № 2 включает в себя по большей части материалы научных докладов и сообщений, прозвучавших на III Пожарско-Неопалимовских чтениях, проходивших по уже сложившейся традиции в Юже 3–4 ноября 2006 года. По сравнению с 1-м выпуском,

разделы данного сборника носят более обобщённый характер. Вместо археологии и средневековья предлагается раздел «Древности Южского района», вместо «Новой и новейшей истории» – «Южская земля за последние три века», вместо церковной истории и воспитания исторической памяти – «Духовная жизнь Южской земли». В альманах включён новый раздел – «Поэтическое приношение», где помещены поэтические опыты юных литераторов, жителей южской земли, позволяющие услышать голос молодого поколения в отношении истории малой родины. Наконец, в качестве постоянного вводится раздел «Публикации», в котором предполагается выпуск ранее не опубликованных рукописей для введения их в научный оборот.

Мы надеемся, что исторические материалы, публикуемые в нашем альманахе, послужат делу подготовки славного юбилея – 400-летия судьбоносного освободительного похода народного ополчения во главе с нашим великим земляком, князем Д.М. Пожарским.

РАЗДЕЛ 1

ИСТОЧНИКО- ВЕДЕНИЕ И ИС- ТОРИОГРАФИЯ ЮЖСКОГО КРАЯ

Ю.А. Иванов

КНЯЗЬ ПОЖАРСКИЙ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА (историографический этюд)

Празднование 4 ноября нового общенационального праздника поставило перед общественным сознанием два вопроса. Один исключительно в политическом ракурсе — что же мы празднуем в этот день. Другой — исторический: кто же были те люди, которые «спасли Отечество» в 1612 году. Как оказалось, современная российская историография не вполне готова к научно корректному ответу на этот вопрос.

В российском общественном сознании существует несколько клише и языковых штампов, которые воспроизводятся без смысловой нагрузки. Это «Маркс и Энгельс», «Ленин и Сталин» и, наконец, самое раннее, берущее начало в XIX в., — «Минин и Пожарский». При этом не осознаётся, что за каждым из этих имён стоит личная судьба и история.

Само клише «Минин и Пожарский» далеко не всегда воспроизводилось в данной последовательности. В начале XIX в. эти имена существовали и по отдельности, как в историографии, так и в литературе.

В 1809 г. появилась работа С.Н. Глинки «Минин». Ведшиеся с 1806 г. разговоры о знаменитом памятнике И. Мартоса ставили вопрос «о памятнике Пожарского и Минина»¹. Сама последовательность имён ещё не приобрела канонического характера. Были и беллетристические произведения, посвящённые только князю Пожарскому. В 1807 г. появилась трагедия М.В. Крюковского «Пожарский, или Освобождённая Москва», пользовавшаяся большой популярностью. Но следует признать, что, по мнению современников, вся пьеса «состоит из афоризмов и деклараций о любви к отечеству». Следует признать, что Минин и Пожарский очень интересовали в то время публику. Но интерес этот был чисто патриотический, он удовлетворялся высокими фразами и не толкал к научному изучению вопроса². Дух времени отразился и в серьёзном историческом труде А.Ф. Малиновского «Биографические сведения о князе Д.М. Пожарском», опубликованном в 1817 году.

Очевидно, что только после появления на Красной площади памятника с легендарной надписью «Гражданину Минину и князю Пожарскому – благодарная Россия» клише приобрело привычный для нас вид. Но это совершенно не означало, что все вопросы о роли и судьбах руководителей ополчения были решены. История Смутного времени оставляла слишком много вопросов без ответа.

Сегодня очевидно, что одним из крупнейших исследователей событий начала XVII в. был и остаётся академик С.Ф. Платонов (1860–1933), репрессированный по «академическому делу» в 1930 г. Менее известно имя его любимого ученика П.Г. Любомирова (1885–1935), в 1917 г. опубликовавшего «Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг.» Как признают исследователи, это наиболее объективное, документированное и квалифицированное описание

истории народного ополчения и биографий его вождей. Как и его учитель, П.Г. Любомиров в 1930 г. был арестован по «академическому делу», что наложило отпечаток на судьбу его творческого наследия. Только в 1939 г. была опубликована рукопись 1910 года «Источники и историография по истории Нижегородского ополчения 1611—1612 гг.», без которой трудно представить историю изучения биографии князя Д.М. Пожарского в XIX — начале XX вв. и понять, как Минин «заслонил» Пожарского в политическом лексиконе и историческом дискурсе. К сожалению, работы П.Г. Любомирова практически не переиздавались в перестроенное и постперестроенное время, в отличие от работ его учителя.

Отметим, что в дореволюционной историографии активно дискутировался вопрос о реальной роли, которую сыграли в ополчении староста Минин и военачальник Пожарский, о степени исключительности или, наоборот, заурядности их военных и политических качеств. Начало дискуссии было положено знаменитым спором Н.М. Костомарова и П.Е. Забелина. По мнению Н.М. Костомарова, главную роль в борьбе за освобождение отчизны и за православие играло духовенство; более других стояли «за старый государственный строй» люди торговые и промышленные, а роль Минина и Пожарского в спасении Отечества незначительна. В своей статье 1871 г. «Личности смутного времени» Н.М. Костомаров подверг сомнению не только подвиг Сусанина, но и роль в освобождении страны Минина и Пожарского. Против такой точки зрения с официально-охранительных позиций выступил М.П. Погодин, который «в осуждении... дорогих нам деятелей 1612 года» увидел угрозу нарушения привычной схемы истории Смутного времени как борьбы за самодержавие³. Но наиболее обстоятельный и аргументированный от-

вет определённому национальному нигилизму Н.И. Костомарова был дан в полемических статьях И.Е. Забелина, публиковавшихся в «Русском архиве» в 1872 г.; объединённые и дополненные документальными приложениями, они составили книгу «Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время», впервые вышедшую отдельным изданием в 1883 г. Впрочем, и И.Е. Забелин признавал, что выдвижение Д.М. Пожарского было связано исключительно «с желанием найти воеводу, который бы «в измене не явился»⁴.

«Над схваткой» старался остаться С.М. Соловьёв, ближе к мысли о заурядности героев 1612 г. склонялся В.О. Ключевский. Но все объективные исследования признавали, что и Минин, и Пожарский, судя по сохранившимся источникам, — «люди без биографии», которые в переломный для русской истории момент явились в общем-то «ниоткуда», а выполнив свою историческую миссию, вновь ушли в политическое небытие.

Остроты проблеме добавили коллизии новой русской Смуты 1905—1907 гг., когда Минин и Пожарский оказались политическим брендом правомонархического движения («черносотенцев»). С этого времени в либеральной публицистике утвердилось чуть ли не ругательное отношение к словам «патриоты», «наши Минины и Пожарские», в дальнейшем подхваченное марксистской и ранней советской историографией в лице М.Н. Покровского, который ещё до 1917 г. рассматривал освободительную борьбу как «помещичье восстание 1612 г.», которое «победило, опираясь на торговый капитал»⁵. Сам патриотический подвиг начала XVII в. стал ассоциироваться с реваншем консервативных сил над крестьянско-казацкой революцией».

Ситуация изменилась во второй половине 1930-х

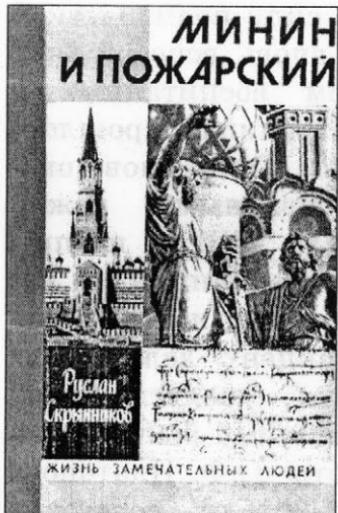

годов, когда, в силу политической конъюнктуры, вновь вспомнили о «патриотическом воспитании» и «героических страницах прошлого русского народа». Тогда вновь оказались востребованными вожди ополчения начала XVII в., но прежде всего – Козьма Минин, за его простонародное происхождение. В это время акцент делался на борьбу ополчения «с польско-шведской интервенцией», были переизданы ранее запрещённые работы С.Ф. Платонова и П.Г. Любомирова. В конце 1930-х гг. советские историки, по сути, впервые приступили к изучению исторических биографий Минина и Пожарского. Основное внимание в их характеристике уделялось патриотическому подвигу и преданности народу. Исходя из того, что Нижегородское ополчение было народным по составу, исследователи из конъюнктурных соображений обходили вопрос о характере политики его вождей⁶.

Окончательно в пантеоне советских исторических героев князь Пожарский вместе с Мининым утвердились благодаря знаменитой речи И.В. Сталина 7 ноября 1941 г. Тогда же началось восхваление военных талантов Д.М. Пожарского – речь шла даже об учреждении полководческого ордена его имени.

В послевоенный период на волне патриотического подъёма и борьбы «с космополитизмом» во всех его проявлениях продолжилось не основанное на фактах апологетическое восхваление полководческого искусства князя Пожарского. Отголоски этих взглядов можно обнаружить в многотомной «Истории Москвы» (1952 г.) и «Очерках истории СССР» (1955 г.), надолго ставших каноническими.

В начале 1980-х гг. попытку представить новую

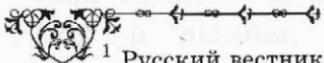

интерпретацию биографий Минина и Пожарского предпринял известный исследователь эпохи Ивана Грозного и Смутного времени Р.Г. Скрынников. Подготовленная им для серии «Жизнь замечательных людей» книга «Минин и Пожарский» при всей её популярности была основана на огромном пласте исторических источников. Главный вывод исследователя заключался в том, что, как и в XIX в., герои 1612 г. остаются «людьми без биографии»: новых

принципиальных источников не обнаружено, а уточнить можно лишь детали. По биографии Д.М. Пожарского — это его земельные пожалованья и вотчины, вклады в монастыри и послужной список. Р.Г. Скрынников справедливо отмечал, что речь может идти только о новой интерпретации хорошо известных фактов и максимальной объективности их изложения. На сегодняшний день это, пожалуй, наиболее приемлемая позиция, исключающая как возврат к апологии Пожарского времён позднего сталинизма, так и «сенсационные» псевдонаучные спекуляции на эту тему (А.Б. Широкорад, Н.Л. Бушков и др.). Поэтому, как нам представляется, сегодня надо помнить, что новый всенародный праздник — это не повод очередного переписывания истории в угоду политической конъюнктуре, тем более что патриот и национальный герой князь Д.М. Пожарский — это всё-таки

«дела давно минувших дней».

¹ Русский вестник. 1808. № 1, 2.

² Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 326.

³ Погодин М.П. Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ерсями. М., 1874. С. XIV.

⁴ Современный исследователь так интерпретирует эту мысль И.Е. Забелина: “Для ведения обычных боевых действий он не нужен, зато яркой звездой вспыхивает в годы гражданских войн, восстаний, всякого рода смут” (Володихин Д. Служил чисто, прямо и честно // Родина. 2006. № 11. С. 20).

⁵ Покровский М.Н. Избранные произведения. Т. 1. М., 1966. С. 379.

⁶ Дайри Н. Минин и Пожарский // Исторический журнал. 1940. № 8. С. 48; Генкин Л.Б. Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII в. Ярославль, 1939. С. 156—157.

Г.Р. Якушкин
М.М. Якушкина

К вопросу об описании дорог Южского района Ивановской области (Балахонская дорога)

Во 2-й половине XVIII века в России усиливается интерес к местной истории и, как следствие, создаются краеведческие описания. Появляются достаточно многочисленные труды по описанию губерний, наместничеств, городов и уездов, епархий, монастырей и церквей, отдельных помещичьих сёл. Повышенный интерес к местной истории был вызван потребностями социально-экономического и культурного развития отдельных районов и страны в целом, что требовало комплексного изучения. Следует отметить, что описания осуществлялись по инициативе как администрации (центральной или местной), так и частной, и проводились по широкому плану, включавшему разнообразные официальные и не-

официальные источники (отчёты, справки, памятники древней письменности, документы вотчинных архивов, предания, этнографические данные и др.)¹. Практически во всех описаниях приводились сведения о путях сообщений, в силу важности данной информации в хозяйственной деятельности местности. Так, в специальной анкете, составленной в Кабинете Екатерины II, один из вопросов формулировался следующим образом: «Почтовые дороги: откуда, через какие места лежат и на каком содержании лошади?»². В первой четверти XIX века данная тенденция сохранилась. Кроме того, появились так называемые военно-статистические описания, в которых пути сообщения рассматривались с позиции военно-стратегического перемещения войск.

Пути сообщения во все времена связывали людей, определяли экономическое положение населения, а порой играли и решающую роль в истории. Любая дорога – от широкой столбовой до небольшой тропинки – имеет свой возраст, хранит память о прошедших веках.

Кто не знает о дороге из Петербурга в Москву, воспетой и оплаканной А.Н. Радищевым в книге «Путешествие из Петербурга в Москву». Именно по ней в 1721 году ехал Пётр Великий праздновать в старую столицу Ништадский мир – окончание Северной войны. Но чтобы выиграть её, России нужен был флот, и строили корабли древоделы-плотники со всех концов страны. Крестьяне Сузdalских вотчин, в том числе Ландаховской, Мугреевской и Холуйской, также способствовали возвращению Балтийского моря своей державе.

В 1812 году вся Россия узнала о Старой Смоленской дороге, по которой Наполеон вошёл в Москву победителем, а ушёл побеждённым. Иконописец из деревни Сергеево Сильвестр Михайлов Июдин в своём «Диариуме» (дневнике), наряду с важнейшими

событиями в жизни своей семьи – рождением детей, смертью родителей, постройкой нового дома, записал под 1812 годом: «Того же лета было нашествие французского императора Наполеона на Россию. В месяцах июне, июле, августе разорены губернии Литовские обе, также Минская, Витебская, Могилёвская и Смоленская, а 2 сентября взята Москва, разоряемая и опустошаемая до октября, которого в первых числах вышли французы, пошли обратно»³.

Есть и в Южском районе Ивановской области дорога, вошедшая в историю нашего Отечества, именуемая в документах XVI—XVII вв. Балахонской, соединившей Холуйскую слободку с Балахной и Нижним Новгородом. Экономическое значение её, по всей видимости, связано с развитием солеварения в Холуе; который именовался в документах времён царствования Ивана Грозного Новой Солью на Холую. Дорога выполняла также функцию естественного межевого рубежа, чьему многочисленные свидетельства в разъезжих грамотах земель царя Ивана Грозного и двоюродного брата его Владимира Андреевича Старицкого в 1566 году. 12 марта 1566 г. состоялся обмен землями между Иваном Грозным и Владимиром Андреевичем Старицким, в котором были задействованы вотчины и поместья в Стародубском уезде, а в 1566—1567 году государевы писцы Фёдор Иванович Бутурлин и подьячий Майк Кузьмин сын Тукмачёв провели межевание земель – вотчин княгини Марии Семёновны Ковровой и Федосы Семёновны Пожарской (урождённых княжён Мезецких), князей Никиты и Силы Григорьевичей Гундоровых, старца Ионы Протопопова, князя Андрея Ивановича Стригина-Оболенского, князей Ивана Ивановича, Ивана Петровича, Семёна и Михаила Борисовичей Пожарских, Сузdalского Спасо-Евфимьева монастыря. Упоминаются сёла Лучкино и Васильевское, Богоявленское и деревня Родионово, село Могучево и

деревни Серенево, Клестовская, починок Олексеевский, село Волосынино, село Холуй и село Мордовское⁴.

Дорога шла по землям древнейшего Стародубского княжества, а в XVII в. – по вотчинаным землям князя Д.М. Пожарского. Именно по этой дороге из Нижнего Новгорода в родовую вотчину Пожарских – с. Мугреево-Никольское, Волосынино тож – приехали послы, уговорившие князя возглавить второе ополчение. По ней же, многажды разорённой лисовчиками дороге⁵, будущий освободитель Отечества поехал в Нижний Новгород. Балахонская дорога после 1612 г., по сути, становится главной экономической артерией между Холуйской, Мугреевской, Ландаховской и Пурецкой вотчинами князей Пожарских⁶.

Экономическое значение Балахонской дороги возрастает в XVIII в. Об этом свидетельствует описание торгов и ярмарок в селениях, расположенных на ней. В «Топографическом описании 1784 г.» имеются следующие сведения: «Торги и годовые ярмонки бывают в следующих селениях, а именно еженедельные в Холуйской слободе в субботу, в селе Мугрееве в воскресенье, а годовые ярмонки в оных селениях в Мугрееве октября 26, в слободе Холуйской июня 27, августа 28, декабря 6 и в день Введения во храм Пресвятой Богородицы... На оные приезжают из городов Шуи, Луху и Вязников купцы с тафтами, китайками, кумачами, набойками, шелковыми и бумажными платками и другими мелочными товарами, а крестьяне торгуют пенькою, санями, телегами, набойкой, кожами, колесами, льном, холстами, горшками и лыками. Стечние народа бывает в еженедельные торги от 200 до 300, а в годовые ярмонки от 500 до 2000 человек»⁷. Несомненно и влияние фабрики секунд-майора Ивана Афанасьевича Гончарова: «Фабрик полотняных 1 каменная о 200 станах, принадлежит секунд-майору Ивану Афанасьевичу Гончарову; на

оной ткут фланские полотна, каламенок, скатерти, салфетки и канифас для господского дома, а остаток отвозят для продажи в Санкт-Петербург на сумму 20000 до 150000 рублей»⁸.

Вниманию читателей предлагаются фрагменты двух не публиковавшихся ранее документов XIX в.⁹, содержащих описание дорог: историко-краеведческое исследование крестьянина села Нижний Ландех Осипа Потаповича Голикова (1742 – 7 марта 1825) «История села Нижний Ландех и Святоезерского монастыря»¹⁰ и военно-статистическое «Описание Владимирской губернии, сочинённое по обозрению оной в 1817-м году» участником Отечественной войны 1812 г., квартирмайстером 2-й армии Иваном Александровичем Фонвизиным (1790—1853), будущим декабристом¹¹.

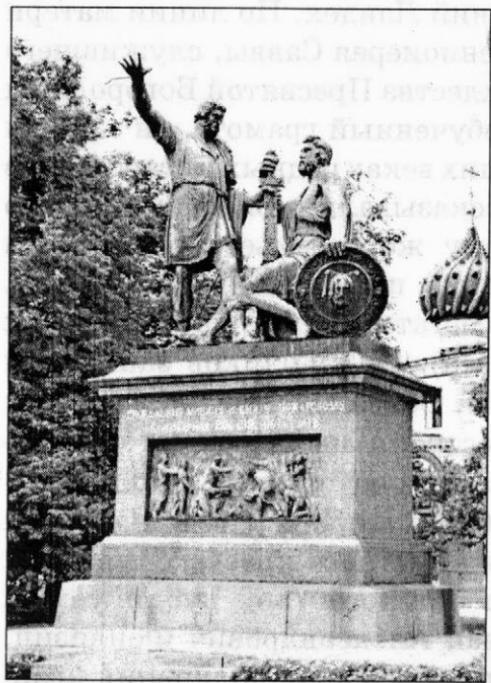
Историк и краевед Осип Потапович Голиков родился в семье бобыля в с. Нижний Ландех. По линии матери являлся потомком священноиерея Саввы, служившего в деревянной церкви Рождества Пресвятой Богородицы до 1613 года. С детства обученный грамоте, он слушал воспоминания о прошедших веках родных и старожилов села, которые много рассказывали о бывшем недавно Смутном времени. К тому же в семье существовала традиция писать записки о повседневных событиях, что привело к созданию богатого семейного архива (к сожалению, не сохранился). О.П. Голиков занимался торговлей и промыслами, объездил немало торгов и ярмарок. Разбогатев, построил ныне существующую в Нижнем Ландехе каменную церковь Рождества Пресвятой Богородицы (1805 г.). Его работа написана в характерных традициях местного краеведения.

Автором-составителем второго из публикуемых документов является Иван Александрович Фонвизин, член Союза Благоденствия, отставной полковник квартирмайстерской части. В 1817—1821 годах, состоя во Владимире в должности квартирмайстера 2-й армии, он

лично проехал по всем состоящим в губернии дорогам, как большим, так и средним и малым. Необходимость составления описания диктовалась недавно бывшей войной с Францией, охватившей внутренние губернии Российской империи. Экономико-хозяйственное состояние губерний оценивалось, прежде всего, с точки зрения путей сообщения — водных и сухопутных. Для надобности передвижения войск учитывалось наличие-отсутствие надёжных мостов и переправ, расположения на путях временных укрытий для ночёвок и на случай непогоды, а также длительного размещения войск в разное время года. Внимание уделялось местам торгов, обеспечению населения хлебом, промыслам жителей.

Однако сквозь точность и лаконичность военного отчёта явно проглядывает интерес составителя к жизни Владимирской губернии. Именно изгнание Наполеона

из России и взятие Парижа принесли славу русскому солдату и усилили интерес к истории страны, оказавшейся способной победить непобедимого. Именно в 1818 году в Москве на Красной площади ставится первый гражданский памятник — «Гражданину Минину и князю Пожарскому» работы скульптора И.П. Мартоса. И будущие декабристы, как патриоты своей страны, с интересом вглядывались в повседневную

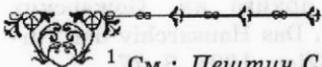

Памятник «Гражданину
Минину и князю Пожарскому»
Скульптор И.П. Мартос.

дневную жизнь россиян, желая улучшения их благосостояния. В описании отмечено:

«Фабрики и заводы хотя имеют предметами грубые только произведения, как: равендук, фланское полотно, кушаки, армяки, кафтаны, шапки, шляпы, рукавицы шерстяные, сапоги, войлоки, простое сукно, кожи, заячий мех, канаты, рогожи, деревянную посуду, горшки, стекло, железную и медную проволоку, медную латунь, мыло, свечи, клей и щетину, но фабрики эти и заводы пропитывают большое число людей, и содержат общее благосостояние жителей Владимирской губернии, которая столь не хлебородна, что родящагося ежегодно хлеба в ней недостает более как на восемь месяцев, при всём том употребляется здесь на винокурение ежегодно более 70000 четвертей хлеба, что составляет годовое продовольствие для 23000 человек. Сей недостаток и выгодное участие в работе, которое крестьяне могут принимать на вышеупомянутых фабриках и заводах: извозом изделий, доставлением мелочных материалов и рукоделий, заставляют многих даже из земледельцев, в зимнее время и женской пол, охотно принимаются за сии промыслы, доставляющие им почти главнейшую часть дохода, — особенно же чистого капитала для уплаты оброка и повинностей. Сверх того многие из крестьян, живущих в болотистых местах, по изобилию в сей губернии ягод клюквы, собирают оной к каждом году по нескольку четвертей и продают с выгодою приезжающим нарочно для сего из Москвы»¹².

В текстах документов сохранены языковые и стилистические особенности того времени, географические названия приводятся в орфографии авторов. Тексты публикуются с сокращениями.

¹ См.: Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Ч. III. Л., 1971. С. 144.

² См.: Описание Воронежского наместничества 1785 года. Воронеж.

1982. С. 16. В описании Владимирской губернии вопросник отсутствует.

— Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. Владимир. 1906. С. 6.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 195. Ед. хр. 632. Л. 6.

⁴ Акты Сузdalского Спасо-Евфимьевского монастыря. 1506—1608 гг. М., 1998. № 147. С. 286—291; № 148. С. 291—304.

⁵ Народные предания сохранили память об этом времени. В статье из газеты «Владимирские губернские ведомости» № 11 за 1853 г. приведён интересный факт о поисках клада при деревне Легково, находящейся в Вязниковском уезде. «Между жителями этой деревни издавна существовало предание, что в принадлежащей им роще со времён польских панов находился драгоценный клад. Это предание возбуждало по временам корыстолюбивое любопытство ближних селян. И вот весной 1851 года собралось несколько досужих крестьян отыскать место клада, приступили к разрытию, на одной четверти аршина найден дубовый сруб с потолком и полом, глубиною аршина на три. По мере того, как они разрушали сруб, земля осыпалась, и, наконец, обрушившийся сруб остановил работу.

Зимою прошедшего года крестьяне снова принялись за работу, но земля без сруба постоянно осыпалась, притом же будто бы показывались странные явления... Предполагается, что это труба для добывания соли или металлической руды».

⁶ Экономическое значение Балахонской дороги подтверждается документами из вотчинного архива князей Пожарских. По ней осуществлялась перевозка соли. Подорожание соли тяжело отразилось на достатке всех слоёв населения России, коснулось и Мурзинцев. Соль требовалась как для крестьянского, так и для княжеского обихода. Введение в 1646 г. соляного налога в размере 1 гривны с пуда послужило поводом к Московскому восстанию в июне 1648 г., вошедшему в историю как соляной бунт.

В 1647 г. были членом И.Д. и П.Д. Пожарские:

«Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всея Русии бывают членом холопи твои Петрушка да Ивашко Пожарские. В прошлом государь в 154[?] году по твоему государеву указу и по балахонской росписи взяты с нас холопей твоих соляные пошлины здес на Москве в приказе Большие казны с сорока рогож сто восмьдесят рублей и ныне государь на Балахне соляной закащик гостиные сотни Яков Щустов доправил на людях наших и на крестьянишках другие соляные пошлины с тех же сорока рогож сто восмьдесят рублей. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Русии пожалуй нас холопей своих. Вели государь нам холопем своим дат свою государеву грамоту на Балахну к закащику к Якову Щустову и вели государь те наши деньги отдаст людях нашим которые доправлены на людях наших в другой ряд. Царь государь смируйся». — Данный и последующие документы из вотчинного архива кн. Пожарских цитируются по изданию: Schmucker-Breloer M. Das Hausarchiv der Fürsten Pozarskij. Bohlau. Verlag. Koln. Weimar. Wien. 1996. S. 77.

Челобитная эта была вызвана в свою очередь челобитной крестьян Мурзинской вотчины от 27 декабря 1646 г.: «Государю князю Петру

Дмитриевичу государю князю Ивану Дмитриевичу бьет челом и плачутца сироты вашие государские вотчины села Мугреева крестьянишко Шюмилко Иванов, Онтонко Якимов, Никанко Тырыгин, Сергунка Обернятин. Ездили мы сироты г Балахне для соли от своеи брати из найму и как государи мы сироты купили сол и наши имена в таможне записаны а ноне на нас сиротах пала государева пошлина на однех и нам бедным вконец погибнут. Смируйтесь государь князь Петр Дмитриевич государь князь Иван Дмитриевич не дайте государи нам бедным вконец погибнут, велите государи на сиротам в тои пошлине поверстатца кто сколько у нас соли взял от ково мы сироты наимывалися по сол чтобы нам бедным вконец не погибнут. Государи смируйтесь» (*Op. cit.* S. 109).

В феврале 1649 года, в связи с военной службой Ивана Дмитриевича Пожарского, княгиня Марфа Семёновна (вдова Петра Дмитриевича Пожарского, умершего в январе 1647 г.) и князь Иван Дмитриевич велели приказному человеку Мугреевской вотчины Родивону Кривоперстову «выслати свестяся с вотчинами с Пурехом двемя Ландехи и с Мугреевым дватцать подвод на Ливны под запас» (*Op. cit.* S. 117).

С подводами следовало прислать «восмь станов колес, а коласа б были добры ступицы и спицы и ободы добрые... чтоб колеса были под меншие телеги, а привести их в Медветково [в настоящее время район г. Москвы]». Мугреевец Савелий Колесник указ выполнил, и в Москву «на дву подводах» был отпущен крестьянин Соня Лыткин (*Op. cit.* S. 265).

Вотчины князей Пожарских славились лошадьми: «Жеребец в каре пег уфинской грива налево с отметом звездинка во лбу, кобыла ворона грива направо с отметом, жеребчик темно сер грива направо с отметом, кобылка бура грива налево с отметом звездинка во лбу и на губке беленко...» Можно живо представить, как клубилась из-под конских копыт пыль Балахонской дороги. Часть коней была пригнана из-под Уфы, куда посыпался на государеву службу стольник Пётр Дмитриевич Пожарский, и помещена на конный двор в приселке Могучево (*Op. cit.* S. 443—445).

В феврале 1647 года уже упоминавшийся Родивон Кривоперстов получил распоряжение выслать «к Москве из Мугреева и Могучева конюхов и деловых всяких чинов людей» в связи с погребением Петра Дмитриевича Пожарского. — См.: *Op. cit.* S. 13.

⁷ Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. Владимир. 1906. С. 102.

⁸ Там же.

⁹ Фрагменты приведены в разделе 5.

¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Ед. хр. 290а. Подробнее см.: Якушкина М. М. Осип Потапович Голиков — историк села Нижний Ландех и Святоезерского монастыря // Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. Год 2003. М., 2004. С. 169—176.

¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 184. Ед. хр. 24.

¹² Там же. Л. 7—7об.

Раздел 2

Древности Южского района

И.Ю. Климашов

Археологические памятники окрестностей урочища «Толстуха» на реке Лух *История изучения и перспективы использования*

На сегодняшний день на территории Южского района, согласно своду «Археологическая карта России. Ивановская область» зафиксированы 44 памятника археологии, отражающие историю региона с эпохи мезолита (среднего каменного века) до нового времени.

Первый археологический памятник на территории Южского района был отмечен ещё в XIX веке. Анонимный автор заметки во «Владимирских губернских ведомостях» за 1853 год предполагал, «что городище при (селе) Лукине было некогда загородным домом которого-либо из князей Пожарских». Правда, более поздние исследования датируют городище второй половиной I тысячелетия и относят его к древностям летописного финского народа муромы.

Серьёзные археологические исследования начались с конца XIX века, с изучения крупнейшим русским археологом А.А. Спициным и И.А. Голышевым грунтового Муромского могильника у с. Холуй. В 1926 году Иваново-Вознесенским губернским научным обществом краеведения под руководством московского археолога Б.Н. Гракова проводились обследования и раскопки в окрестностях Хотимля и Холуя. В 1945 году крупномасштабные раскопки Хотимльского раннесредневекового могильника проводились под руководством старшего научного сотрудника Ивановского краеведческого музея А.Ф. Дубынина.

Планомерное археологическое исследование территории Южского района начинается с 60-х годов XX века, с момента организации одним из ведущих советских археологов, доктором исторических наук Д.А. Крайновым в Институте археологии АН СССР Верхневолжской археологической экспедиции. В 60-е, 70-е, 80-е годы сотрудниками ВВАЭ Е.Н. Ерофеевой, М.П. Шахматовой, Л.В. Кольцовым, К.И. Комаровым, О.С. Гадзяцкой, Е.М. Молодцовой, Е.Л. Костылёвой, А.В. Уткиным, П.Н. Травкиным, И.Ю. Климановым были открыты и исследованы большинство известных ныне памятников.

Обнаруженные и исследованные поселения и могильники по большей части расположены на берегах Тезы и её притоков. Около 10 памятников находятся в бассейнах озёр Ламна, Святое и реки Лух.

Из этих немногочисленных пока памятников хотелось бы выделить комплекс поселений различных эпох, сложившийся на берегах Луха близ устья впадающей в него реки Исток. Здесь в радиусе полутора километров на сегодняшний день открыты и обследованы 7 памятников.

Первым открытым и изученным памятником стало поселение Толстуха-1.

Современные "охотники"
на реке Лух.

Памятник находился на левом берегу реки Лух в четырёх километрах к ССВ от с. Мугреево-Дмитриевское Южского района в одноимённом урочище, напротив устья р. Исток. Урочище представляет собой несколько связанных между собой песчаных дюн в широкой заболоченной пойме Луха. Дюны заросли преимущественно сосновым лесом, и лишь по периметру — вблизи воды — произрастают широколиственные деревья — дубы, клёны, липы. Всхождение, где находится памятник, возвышается над меженью (средним уровнем) реки на 6—8 метров.

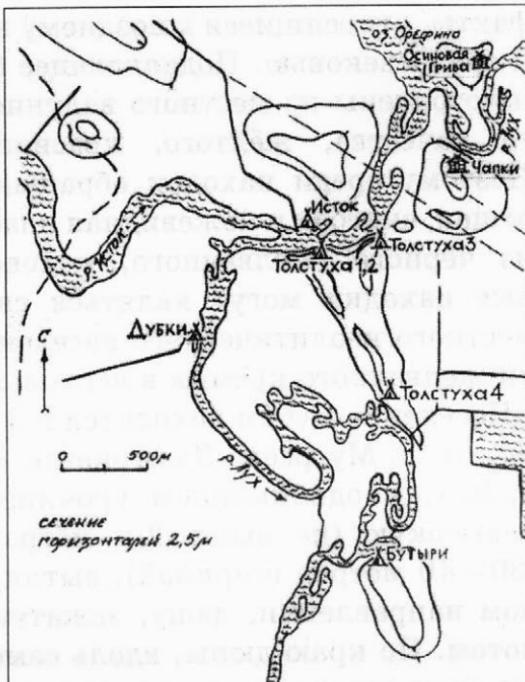
Его обнаружил мытский краевед Н.М. Романов, сообщивший о своих находках руководителю ВВАЭ Д.А. Крайнову, который провёл здесь в 1968 году небольшие раскопки. В 1981 году Е.Л. Костылёва также шурфовала этот памятник. В итоге в культурном слое были выделены четыре горизонта — неолитические (льяловский и поздневолосовский) и эпохи бронзы (поздневолосовский и фатьяновский), датируемые концом IV — серединой II тыс. до н.э.

В те же годы была открыта и обследована расположенная в 60-ти метрах ниже по течению, на более низком берегу, стоянка Толстуха-2. В культурном слое стоянки были обнаружены фрагменты сетчатой, ямочно-гребенчатой и волосовской керамики, кремнёвые отщепы и пластины, которые позволили датировать стоянку неолитом — ранним железным веком.

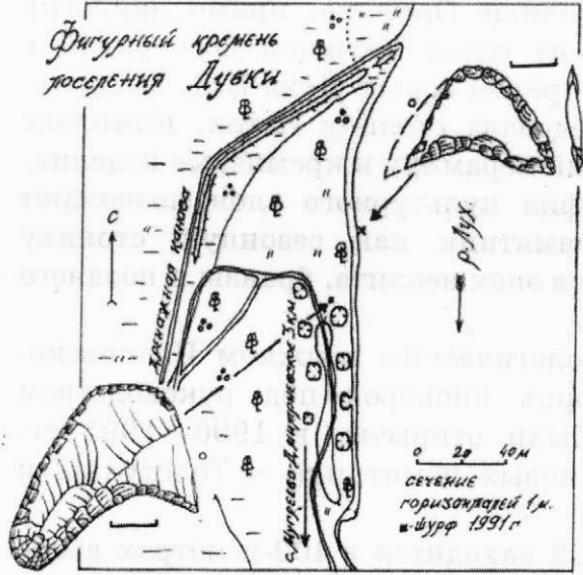
В 1981 году в урочище Орефино, прямо напротив «гривы Толстуха», на узкой песчаной косе рядом с устьем р. Исток на правом берегу Луха Е.Л. Костылёва открыла и обследовала стоянку Исток. Комплекс находок, содержащий керамику и кремнёвые изделия, а также стратиграфия культурного слоя позволяют определить этот памятник как сезонную стоянку рыболовов-охотников эпохи неолита, бронзы и позднего средневековья.

В 1968 году археологическим кружком Ивановского городского Дворца пионеров под руководством И.Ю. Климашова были открыты, в 1990—1991 гг. обследовались два новых памятника — Толстуха-3 и Дубки.

Стоянка Толстуха-3 находится в 400-х метрах выше по течению от поселения Толстуха-1, на соседнем всхолмлении, на высоком, до 5 метров высотой, берегу Луха. Северо-западная сторона дюны, на которой расположено поселение, находится на внешней стороне излучины Луха и поэтому интенсивно размывается водой. При раскопках памятника были обнаружены следы временного неолитического жилища, на дне которого были найдены фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

Археологические памятники
окрестностей урочища Толстуха.

Неплохая коллекция каменных орудий — скребки, проколки, нож, резец, наконечник стрелы, обломок тесла — даёт представление о занятиях жителей стоянки. Это место неоднократно посещалось и в более поздние времена. Здесь обнаружены артефакты, относящиеся к позднему неолиту, эпохе бронзы и средневековью. Подавляющее большинство изделий изготовлены из местного валунного камня, невысокого качества, жёлтого, красного и серого цветов. Поэтому среди находок обращают на себя внимание отщеп, скребок и ножевидная пластина, изготовленные из чёрного (желвачного, мелового) кремня. Подобные находки могут являться свидетельством связей местного неолитического населения с районами добычи желвачного кремня в верховьях Волги или Оки.

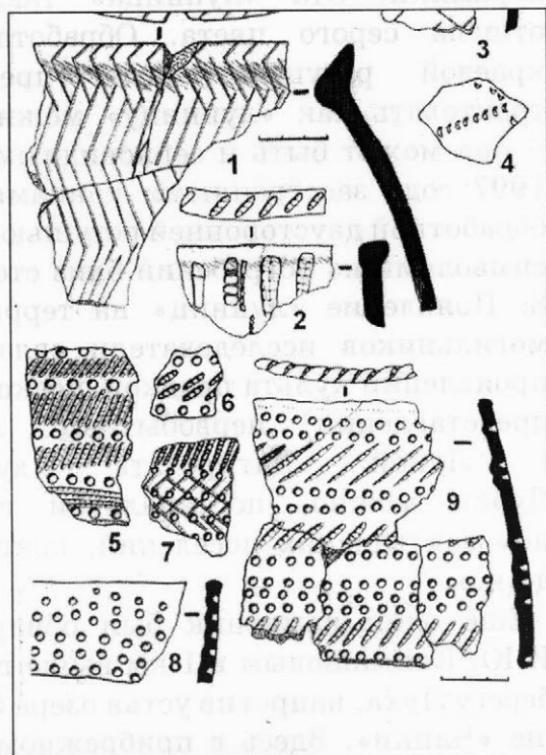
Поселение Дубки находится в 3-х километрах к северу от с. Мугреево-Дмитриевское на правом берегу р. Лух, в одноимённом урочище. Стоянка занимает невысокую (не выше 2-х метров высотой) и узкую (30—40 метров шириной), вытянутую в меридиональном направлении, дюну, зажатую между рекой и болотом. По краю дюны, вдоль самой возвышенной части, прослеживаются две линии впадин глубиной до 0,8 м, имеющих размеры 5—6 × 7—8 метров, яв-

ляющихся, видимо, следами волосовских жилищ. В расположении жилищ, в проявлении их на поверхности в виде глубоких впадин наблюдается сходство с волосовскими памятниками Среднего Поволжья.

Изучение поселения подтвердило догадку о существовании здесь долговременного поселения, состоявшего из капитальных углублённых в землю жилищ, в эпоху ранней бронзы. Найдки: многочисленные фрагменты ямочно-гребенчатой и волосовской керамики, кремнёвые орудия и отходы производства — отщепы и пластины. Типологически находки относятся к IV — началу III тысячелетия до н.э. и к началу II тысячелетия до н.э.

Среди находок, сделанных на этом памятнике за время его обследований, привлекают внимание два предмета — обломки «лунниц», обнаруженных в разное время. «Лунница» — кремнёвое украшение, которое археологи связывают с погребениями конца эпохи камня.

Первая «лунница» была найдена при шурфовке в 1991 году и первоначально была интерпретирована как скребок. Найдка залегала в тёмно-серой, почти чёрной супеси на глубине

Керамика со стоянки Толстуха-3.
1-4 — керамика эпохи энеолита — бронзы
5-9 — керамика эпохи неолита.

60 см среди множества отщепов, изделий из кремня, их обломков и заготовок. Вероятно, здесь, недалеко от жилища, западина которого находится в 6 м к югу от шурфа, в поздневолосовское время (начало II тысячелетия до н.э.) располагалась мастерская по обработке камня. «Лунница» представляет собой изделие из кремниевого отщепа серого цвета, обработанное односторонней ретушью по краю со стороны спинки. Часть одного рога «лунницы» утеряна.

Другая «лунница», также сломанная, была обнаружена в северной части поселения в прибрежном песке, при осмотре памятника во время экскурсии ребятами из «Школы путешественника» в 1997 году, среди других изделий из кремня, отщепов, керамики. Эта «лунница» также изготовлена из отщепа серого цвета. Обработана с двух сторон краевой ретушью. Если предыдущую находку трактовать как «лунницу» можно с осторожностью, — она может быть и серповидным ножом, то находка 1997 года заострёнными концами рогов, размерами, обработкой двусторонней ретушью, схожа с лунарными символами из погребений близ стоянок Сахтыш-2, 2а, 8. Появление «лунниц» на территории волосовских могильников исследователи связывают с одним из проявлений культа предков, поскольку мир мёртвых в представлении первобытных людей связывался с Луной. Датировать «лунницы» стоянки Дубки можно, по аналогии с фигурным кремнём сахтышских поселений, концом III тысячелетия до н.э.

Ещё один памятник был обнаружен в 1995 году И.Ю. Климановым в 1 км выше по течению на левом берегу Луха, напротив устья озера Орефинское в урочище «Чапки». Здесь в прибрежном песке были найдены несколько фрагментов средневековой керамики и кремнёвые отщепы. Детальное обследование памятни-

ка не проводилось, и его типология и датировка пока остаются невыясненными.

В летнее время 1997—1999 годов, во время работы палаточного краеведческого лагеря «Школа путешественника» областного Центра детско-юношеского туризма, продолжалось обследование поселения Толстуха-1.

В подъёмном материале, собранном на песчаной отмели берега и относящемся, в основном, к эпохе неолита-энеолита, наше внимание привлекли находки, не попавшие ранее в поле зрения исследователей, которые можно отнести как к эпохе бронзы, так и более поздним эпохам.

К первым относится обломок обушной части каменного шлифованного фатьяновского топора со сверлиной. Фатьяновский топор не является типичной находкой для подобного рода памятников. Известно, что находки фатьяновских «боевых» топоров приурочены к водоразделам, где находятся все известные фатьяновские могильники. На поселениях, расположенных в поймах рек, обычно находят единичные фрагменты фатьяновской керамики. Таким образом, дальнейшее исследование этого поселения может дать новые факты о взаимоотношениях племён волосовской и фатьяновской культур.

Второй ряд находок позволяет заглянуть в XVIII век. Фрагменты сероглиняной круговой неорнаментированной керамики, принадлежащие не менее чем четырём сосудам, железные кочедык (инструмент

Сбор подъёмного материала с поселения Толстуха-1.
1997 г.

для плетения лаптей) и светец (подставка для лучины) можно отнести к кругу предметов, характерных для сельских поселений XVII – первой половины XVIII веков. А находки двух медных монет – деньги и полушки времён Петра II (1727–1730) или Анны Иоанновны (1730–1740) уточняют дату существования поселения в этот период. Можно предположить, что в те времена здесь располагалось небольшое поселение типа заимки или починка.

Тогда же, в 1997 году, ребятами из «Школы путешественника» под руководством И.В. Купцова были открыты и обследованы два новых памятника – Толстуха-4 и Бутыри. Первоначально задача поиска новых памятников археологии в указанном районе перед участниками экспедиции не стояла. Однако обстоятельства сложились иначе.

При оборудовании временного бивака на излучине реки Лух в 700 метрах к югу от стоянки Толстуха-1 на гребне высокой песчаной дюны (4–5 м над уровнем воды), в южной части обширного урочища Толстуха, на левом берегу реки Лух было решено копать хозяйственную яму. На глубине 20–25 см в слое песка было обнаружено несколько фрагментов лепных сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом. Подобная керамика относится к льяловской археологической культуре и датируется V–III тысячелетиями до н.э. Среди находок также были несколько кремнёвых отщепов. По всем признакам, можно говорить об обнаружении нового памятника археологии – стоянки эпохи неолита. Было решено дать новому памятнику название «Толстуха-4». Ближайший ориентир – магистральная канава, соединяющая торфокарьер и русло р. Лух. Новый памятник находится в 300 метрах к северу от места её впадения в реку. Обследование прибрежного мелководья возле стоянки находок не дало, ввиду сильной заиленности дна.

При зачистке ямы на рыбакской стоянке в урочище Бутыри (в 500 метрах к югу от указанной канавы) было обнаружено несколько кремневых отщепов и фрагментов керамики. Самый ранний из них можно отнести к верхневолжской культуре эпохи раннего неолита (VI—V тыс. лет до н.э.).

Урочище Бутыри (бывшая дача Горбунова) находится на левом берегу Луха в 1,5 км к югу от гравы Толстуха и в 3 км к северо-востоку от с. Мугреево-Дмитриевское. Оно занимает несколько дюнных всхолмлений (до 5 м над уровнем реки). При обследовании прибрежного песка было обнаружено также несколько фрагментов поздней керамики — серо-лощёной (XVIII век) и красной поливной (XIX—XX вв.).

Более детальное обследование обнаруженных памятников не проводилось, потому что на ведение подобных работ требуется специальное разрешение.

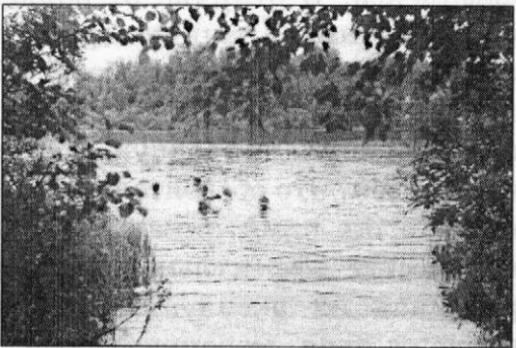
Подводя итог, хотелось бы ещё раз отметить уникальность комплекса археологических памятников, обнаруженных в окрестностях урочища Толстуха. Здесь на сравнительно небольшой территории мы можем наблюдать памятники, отражающие жизнь наших предков со времён раннего неолита (VI тыс. до н.э.) до эпохи Петра Великого (начало XVIII в.). Можно также подчеркнуть ещё одно важнейшее качество этого комплекса. В отличие от большинства археологических памятников ранних периодов истории человеческого общества, стоянки на берегу Луха находятся в контексте природной среды и ландшафта, практически повторяющих природную обстановку тех далёких от нас времён. Это обстоятельство придаёт особую наглядность этим памятникам, позволяет их использовать в качестве эффектных экскурсионных объектов. Но разумная их эксплуатация обязательно должна сопровождаться мероприятиями по сохранности этих памятников, дальнейшим их изучением и выявлением новых, во избежание их утери.

В.А. Аверин
А.В. Аверина

Кремнёвая фигурка водоплавающей птицы со стоянки Ореховое-1

Первобытное искусство всегда вызывало большой интерес у исследователей. Первая публикация фигурного кремня, подготовленная А.С. Уваровым, появилась еще в XIX столетии¹. На протяжении XX века неоднократно предпринимались попытки обобщить полученные данные, рассмотреть вопросы хронологии, этнокультурной принадлежности, смыслового назначения и использования фигурного кремня². Безусловно, для решения проблем, связанных с фигурным кремнём, необходима максимально полная информация о его находках³. Именно с целью введения в научный оборот новой информации о первобытной кремнёвой скульптуре написана данная заметка.

Летом 2005 года под руководством авторов этой публикации проведена археологическая разведка в Южском районе Ивановской области, в ходе которой были обследованы берега старицных озёр Ореховое, Долгое, Сорокино и др. Результатом исследований стало открытие ряда стоянок и отдельных местонахождений эпохи каменного века, часть из которых находится в крайне неудовлетворительном состоянии. По той причине в августе 2006 г. начаты охранные раскопки

Озеро Ореховое.

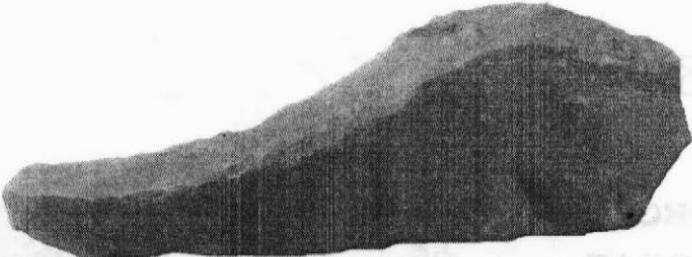
одного из наиболее сильно разрушающихся памятников — стоянки Ореховое-1.

Стоянка располагается в 4 км к юго-западу от д. Снегирёво, на высоком коренном берегу озера Ореховое. Высота над современным уровнем воды — 3 метра. Приблизительная площадь (судя по концентрации подъёмного материала) — 30×60 м. Конфигурация и площадь раскопов определялась наличием свободного пространства между большими дубами и соснами, произрастающими на территории памятника. Первый раскоп, площадью 24 кв. м, был заложен в 20 м к северу от кромки воды. Концентрация материала оказалась достаточно высокой. Встречены многочисленные фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, каменные орудия, заготовки и отходы их производства. Однако стратиграфические наблюдения показали, что культурный слой здесь перемыт ещё в древности. Второй раскоп, площадью 12 кв. м, заложен в 10 м к востоку от юго-восточного угла раскопа 1. В данном случае культурный слой в виде тёмно-серой супеси залегал в непереотложенном состоянии. В поддерновом слое найдены единичные фрагменты сетчатой керамики эпохи раннего железного века. Ниже встречены развалы нескольких сосудов с ямочно-гребенчатым орнаментом, хозяйствственные ямы, каменные орудия труда и предметы вооружения, многочисленные заготовки и отходы производства орудий. Наличие развалов сосудов и ям, а также планиграфическое распределение находок позволяет говорить о том, что раскопом вскрыта часть жилой площадки. В этом слое и была найдена небольшая орнитоморфная кремнёвая скульптурка, в виде головки водоплавающей птицы, изображённой в профиль. Изображение достаточно реалистичное. Фигурка выполнена из отщепа высококачественного жёлто-коричневого кремня. Длина её — 60 мм, ширина

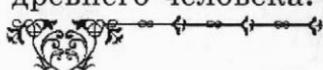
«клюва» – 8 мм, «головки» – 20 мм, максимальная толщина – 5 мм. «Клюв» изделия по краям обработан крутой ретушью, его кончик слегка загнут вверх. «Головка» оформлена полукруглой ретушью.

Материальная культура изучаемого поселения и, прежде всего, особенности орнаментации сосудов позволяют предположить, что оно оставлено носителями неолитической балахнинской культуры, которая, наряду с соседней льяловской, входила в крупную общность культур ямочно-гребенчатой керамики. Археологические и антропологические данные свидетельствуют, что названная выше культурная общность сформировалась на европейском севере и впоследствии распространилась на юг и восток. Для неё характерно наличие культа лося/оленя и водоплавающей птицы. В пользу последнего говорят не только орнитоморфные изображения из кремня, глины, кости и дерева, встречающиеся на ряде стоянок этого времени в лесной зоне северной и северо-восточной Европы, но и формы керамических сосудов, имеющих яйцеобразную форму. По мнению исследователей, названные культуры свидетельствуют о зарождении у древних охотников в эпоху неолита сложных космогонических представлений о строении мира и, в частности, о месте в нём образа птицы, что является отражением охотничьё-рыболовческого уклада их жизни⁴. Эти представления продолжали существовать у жителей лесов Восточной Европы в течение нескольких тысячелетий, вплоть до средневековья⁵. Возможно, рассмотренные выше представления впоследствии легли в основу знаменитого карело-финского эпоса – Калевалы, повествующего о происхождении мира из яйца утки.

Хочется надеяться, что публикация изображения кремнёвой орнитоморфной фигурки со стоянки Ореховое-1 будет способствовать дальнейшему изучению различных аспектов многогранной духовной жизни

древнего человека.

¹ Замятнин С.Н. Миниатюрные кремнёвые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. № X. 1948. С. 85—86.

² См., например: Гонозов А.В. Кремнёвые фигурки из фондов Павловского краеведческого музея // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002; Карабельников Д.В., Москвин А.Ю. К вопросу о культе водоплавающей птицы на Евразийском северо-западе. Н. Новгород, 2004; Китицина Л.С. Находка изображения уточек на стоянке Сахтыш-1 // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976; Крайнов Д.А. Кремнёвые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М., 1978; Недомолкина Н.Г. Сухонские кремнёвые фигурки // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000; Никитин В.В. Кремнёвая скульптура и мелкая глиняная пластика неолитических племён лесной зоны Среднего Поволжья // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994; Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зимина М.П. Искусство каменного века: Лесная зона Восточной Европы. М., 1992; Черных И.Н. Мелкая кремнёвая пластика со стоянки «Синяя Гора» (Ботово-1) на озере Селигер // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996; и др.

³ Столляр А.Д. О научном предвидении в археологии // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 10.

⁴ Гурина Н.Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племён // КСИА. № 131. М, 1972. С. 44.

⁵ Жилин М.Г., Костылёва Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское-7). М., 2002. С. 61.

Раздел 3

Южская земля за последние три века

А.Ю. Иванова

Судоходство по реке Тезе и Холуйская пристань

Холуй сегодня – небольшой посёлок Ивановской области, известный исключительно благодаря древней традиции иконописания и современной лаковой миниатюре. Полтора столетия назад иконописание не приносило особой славы жителям, так как к середине XIX в. холуйские иконы получили распространение более вследствие своей массовости и дешевизны, а не высоких художественных достоинств.

Экономически жизнеспособным Холуй делало в том числе его географическое положение, так как «жители по жизни и занятиям чужды тех трудов и забот, с которыми соединена жизнь русского крестьянина... Оброков не платят, хлебопашства не имеют, следовательно, с плугом и сохою вовсе не знакомы, редко найдётся, кто бы умел запрячь лошадь, или вспахать землю, посеять и собрать хлеб»¹. Жителей Холуя «кормили» пять ежегодных ярмарок, для которых здесь была создана развитая инфраструктура: деревянный гостинный двор из 14 корпусов на 400 «нумеров» для лавок, трактиры, постоянные дворы и др.

Из пяти годовых ярмарок четыре были «публикованными», то есть имели официально фиксированные даты проведения: Тихвинская – 26 июня, Фроловская – 18 августа, Введенская – 21 ноября и Никольская – 6 декабря. Пятая ярмарка проводилась в субботу перед Масленицей. Эта ярмарка была самой незначительной по товарообороту, возможно, из-за отсутствия чётко определённой даты проведения или отсутствия в это время года благоприятных путей сообщения.

Главной ярмаркой считалась Тихвинская. Можно назвать две основные причины её популярности. Удачно было время её проведения – конец июня, когда основные покупатели (офени) возвращались домой из крупных городов. Кроме того, ярмарка в Холуе была своеобразным перевалочным пунктом для товаров на пути на главную ярмарку центральной России – Нижегородскую (до 1817 г. – Макарьевскую). Товары отправлялись в Нижний Новгород по воде. Поэтому можно говорить о том, что основой успеха холуйской ярмарки было наличие приемлемых путей сообщения: Холуй находится недалеко от места впадения Тезы в Клязьму, где оборудована пристань. Краевед И. Лядов датировал основание пристани не позднее 1760 года, при том, что холуйские ярмарки известны не ранее 1800 года, а документально засвидетельствованы в 1837

году². Холуйская пристань считалась одной из важнейших на р. Клязьме, наряду с владимирской, ковровской, вязниковской, гороховецкой³.

Интересно, что основатель пристани был уроженцем Тамбовской губернии. Моршанский су-

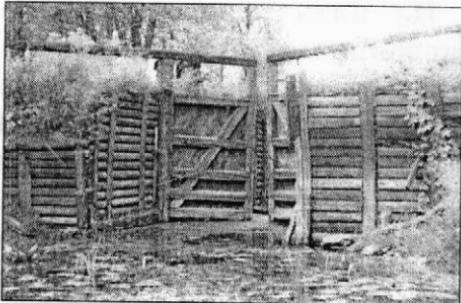
На пристани “8-е февраля”,
недалеко от впадения р. Тезы
в р. Клязьму.

допромышленник Косолапов привёл по Клязьме первое судно с хлебом. Успех продажи позволил увеличить объёмы привоза, но ежегодный оборот не превышал 5 судов малой вместимости. Лишь через сорок лет — в 1800 г. — хлебной торговлей на

Холуйском перевозе занялись владимирцы — крестьяне Ковровского уезда Симон Сосов и Андрей Балдин. Они начали создавать инфраструктуру пристани — хлебные склады, дома для зимовки торговцев. Со временем, помимо мелких судов, на Холуйскую пристань стали прибывать гусянки и мошкины. Так назывались баржи грузоподъёмностью более 30 тыс. пудов, распространённые на р. Гусь Рязанской губернии и на р. Мокше, протекавшей по территории Тамбовской губернии, обе реки являлись притоками Оки.

Начало наибольшей активности в хлебной торговле на Холуйской пристани совпадает с годом открытия холуйских ярмарок — 1800 г. Развитые пути сообщения могли способствовать становлению ярмарки в регионе, практически не имевшем собственной промышленности и не славившемся развитым земледелием.

Продававшийся на пристани хлеб дополнял перечень товаров холуйских ярмарок: сукно, ситцы, миткали, коленкор, шерстяная, гарусная и шёлковая материя, китайка, льняные и пеньковые ткани, меха, кожи, книги, картины, деревянная посуда, повозки, телеги, овощи, благовония, иностранные вина. Главными покупателями на ярмарках были офени. Что касается хлебной торговли, то она имела региональную ориентацию. Хлеб в основном покупался шуйскими,

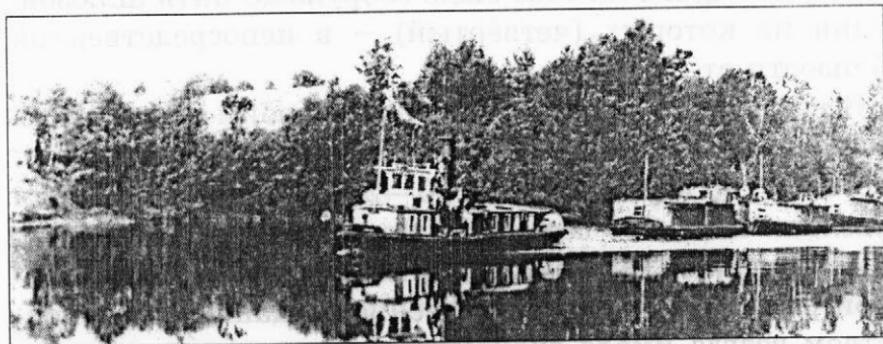

Остатки деревянного шлюза
XIX века на реке Тезе.

ивановскими и кохомскими купцами, то есть представителями местных промышленных центров, не имевших собственных источников зерна. При этом хлеботорговцы активно пользовались ситуацией острой нехватки хлеба в регионе, регулярно повышая цены. Так, оптовые цены на хлеб на Холуйской пристани в июле 1854 г. в 1,5 раза превышали цены на Муромской пристани. В Холуе четверть ржи стоила 3 р. 40 к., а в Муроме – 2 р. 20 к.⁴.

Основные холуйские ярмарки, в том числе и Тихвинская, приходились на лето – начало осени и хронологически не совпадали с периодом торговли хлебом, которая активно велась в течение зимы и в марте.

Оживление хлебной торговли и расширение ярмарок связано с развитием судоходства на Тезе. Дореволюционный краевед Иван Лядов отмечал, что с открытием судоходства по Тезе привоз хлеба на Холуйскую пристань стал более значительным. В середине XIX в. были годы, когда сюда приходили 60–70 судов с грузами более 200 тыс. четвертей⁵ хлеба. При этом доподлинно не известно, когда было открыто судоходство по Тезе. По сведениям В. Борисова, оно существовало со времён царствования Михаила Фёдоровича: в «Уставной таможенной грамоте, пожалованной

Судоходство на Тезе в 70-е годы XX века.

городу Шуе царём Михаилом Феодоровичем, в 7122 (1614), марта 7 дня» упоминается о сборе пошлин в казну с проходящих по Тезе судов⁶. Особенностью судоходства была его «периодичность»: с XVII в. известно несколько дат, когда Теза переставала быть судоходной. Как правило, это происходило по вине предпринимателей, строивших на реке мельницы. Периоды обмеления сменялись искусственным восстановлением судоходности Тезы. В 1688 г. недалеко от Холуйской слободы крестьяне князя М. Куракина самовольно построили мельницу на Тезе, но уже в 1697 г. «струговой ход»⁷ по реке был восстановлен по ходатайству шуйского земского старосты, таможенного головы и жителей Шуи. Это говорит о том, что уже в конце XVII в. пристань в Холуе играла важную роль и для Шуи.

Наиболее длительным периодом прекращения судоходства на Тезе были 1730—1833 годы, когда река вновь была застроена мельницами у Холуя, деревни Власыши и села Хотимль.

Вопрос о восстановлении судоходства по Тезе вышел на государственный уровень и рассматривался в Министерстве путей сообщения. Были проведены замеры и нивелировка русла реки двумя специальными комиссиями Корпуса Инженеров. По их рекомендациям и заключениям на Тезе было сооружено пять шлюзов, один из которых (четвёртый) — в непосредственной близости от Холуя⁸.

Всегда учитывалось, что Теза по своим параметрам никогда не была крупной рекой: длина от истока до устья — 165 вёрст, ширина 10—20 саженей, а во время разлива 100—250 саженей⁹. Достаточно многочисленные притоки Тезы (около 20) не играли самостоятельной роли. Теза с её искусственно созданным судоходством всегда имела экономическое значение только в рамках ограниченного региона.

Показателен в этом плане пример движения судов с хлебом: с реки Цны караван судов проходит в р. Мокшу, из неё — в Оку, потом в Клязьму. На Холуйской пристани происходила перегрузка хлеба на местные, более мелкие суда, а затем по Тезе товары направлялись в Шую и далее¹⁰. В середине XIX в. на Тезе наиболее распространённым типом судов были баржи-тихвинки с плоским дном и мачтой (длина — 27 аршин, ширина — 5 3/4 аршина, высота — 2 1/4, осадка — около 1 аршина, грузоподъёмность — не более 2000 пудов). По сути, использование судов такого типа было невыгодно в иных условиях, но для Тезы с её системой шлюзов более крупные суда были неприемлемы. В результате из-за малой грузоподъёмности приходилось увеличивать количество судов: в среднем за сезон по Тезе их проходило не менее двух тысяч.

Сложность товарооборота по Тезе, как своеобразному экономико-географическому придатку Клязьмы, заключалась и в несовпадении режимов замерзания этих рек. Теза всегда замерзала раньше Клязьмы. Как правило, Теза покрывалась льдом к середине ноября, а вскрывалась в апреле. В среднем река была покрыта льдом 150 дней. Но судоходный сезон отличался от природных ритмов: он продолжался с 1 июня по 31 октября¹¹. Этот показатель достаточно характерен для большинства рек Центральной России и учитывался при планировании и создании системы российского речного судоходства в XIX веке.

Официальной датой открытия судоходства по Тезе считается 10 июля 1837 г. Неслучайно этот же год является и первым годом «освидетельствования» ярмарок в Холуе. Судоходство с этого времени стало основой успеха холуйских ярмарок. Но новый расцвет судоходства по Тезе был непродолжительным. Вторая половина XIX века стала временем экономического упадка как холуйских ярмарок, так и хлебной торговли

на пристани. Постепенно снижается товарооборот Тихвинской ярмарки. Уже в 1853 г. было привезено товаров на 1 миллион, а продано на 540 тысяч рублей серебром. Тенденция 1850-х годов связана с упадком ярмарочной торговли в условиях увеличивающегося промышленного производства. Предприниматели предпочитали сбывать товар на месте, а более крупные предприятия имели торговые «амбары» в Москве и Петербурге. Тем не менее, это ещё не было окончательным прекращением ярмарочной торговли.

Очевидно, что главный удар по ярмаркам и хлебной торговле с пристани – да и по судоходству по Тезе – был нанесён развитием железнодорожной сети во Владимирской губернии (Московско-Нижегородская железная дорога была построена в 1862 г., а Шуйско-Ивановская – в 1868 г.). Характерным явлением для всех ярмарок был увеличивающийся с каждым годом разрыв между предложением и спросом. Ранее для холуйской ярмарки эта проблема не стояла, так как непроданные товары отправлялись на Нижегородскую ярмарку, – теперь центр оптовой торговли переместился из Нижнего Новгорода в Москву. В новой ситуации вышеотмеченная зависимость холуйских ярмарок от путей сообщения оказалась губительной. Железные дороги стали главным средством сообщения, как товарного, так и пассажирского, вытеснив неудобные сезонные речные перевозки, а все линии «чугунки» обошли Холуй стороной.

Красноречиво говорят об упадке холуйских ярмарок данные 1875 года, когда на зимних ярмарках торговля велась только в 3 лавках¹² (для сравнения: в 1850-е годы – 400). С 1868 г., после открытия Шуйско-Ивановской железной дороги, наблюдается упадок хлебной торговли на пристани Холуй и общее сокращение судоходства по Тезе. Одним из важнейших товаров, перевозившихся по Шуйско-Ивановской железной

дороге, стал хлеб, таким образом была разрушена монополия Холуйской пристани на обеспечение хлебом местных промышленных центров. В 1870—1880-е гг. хлебные грузы входили в тройку лидеров на обоих отделениях Шуйско-Ивановской железной дороги¹³.

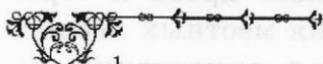
В 1870-е гг. хлебная торговля на Тезе практически сошла на нет. Главным грузом стали дрова и строительный лес. Но по мере истощения местных лесных ресурсов наблюдалась всё большая ориентация на покупку леса из Заволжья, и в этом не последнюю роль сыграло строительство ветки Шуйско-Ивановской железной дороги к р. Волге. После строительства ветки от Иваново-Вознесенска до Кинешмы дрова в промышленных центрах региона заметно подешевели. Так, в 1872 г. они стоили 12 рублей за сажень, а в 1875 г. — 10 рублей¹⁴. Это напрямую сказалось на судьбе Холуйской пристани.

На возрождённой
Тихвинской ярмарке.
2005 г.

На рубеже 1870—1880-х гг. в Холуе, как сообщали «Владимирские губернские ведомости» в 1876 г., «корпуса лавок без поддержки падают и пилятся в дрова; один корпус перенесён на старую базарную площадь, трактир заколочен, дома, бывшие постоянными дворами, стоят скрытыми». То же самое происходило и на холуйской пристани¹⁵. Так завершился небольшой, но яркий период экономического «бума» холуйского края. Пара-доксально, что почти 40-

летний расцвет Холуя имел в своей основе регрессивный вариант развития региональных водных путей сообщения на основе дорогостоящего инженерного обустройства малых и средних рек. Новый, более прогрессивный, железнодорожный транспорт свёл на нет все достижения предыдущего периода.

- ¹ Владимирские губернские ведомости (далее – ВГВ). 1854. № 20.
² ВГВ. 1854. № 21.
³ Малый энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефона. СПб, 1907. Т. 3. С. 54.
⁴ ВГВ. 1854. № 30.
⁵ Четверть – русская мера сыпучих тел. В торговле принято считать в четверти $9\frac{1}{2}$ пуда пшеницы (155 кг), $6\frac{1}{4}$ пуда ржи (102 кг), $7\frac{1}{4}$ пуда ячменя (118 кг), 6 пудов овса (98 кг).
⁶ ВГВ. 1848. № 19.
⁷ Струг – плоскодонное гребное судно для перевоза товаров, в основном – хлеба, иногда – перевозное судно с отдельной каютой.
⁸ ВГВ. 1848. № 19.
⁹ ВГВ. 1878. № 28.
¹⁰ ВГВ. 1854. № 21.
¹¹ ВГВ. 1869. № 11.
¹² ВГВ. 1876. № 32.
¹³ Отчёт правления Шуйско-Ивановской железной дороги за 1881 г. М., 1882. С. 4.
¹⁴ Отчет правления Шуйско-Ивановской железной дороги за 1887 г. М., 1888. С. 67.
¹⁵ ВГВ. 1876. № 32.

О.И. Захарова

Семья и дело Асигкрита Балина

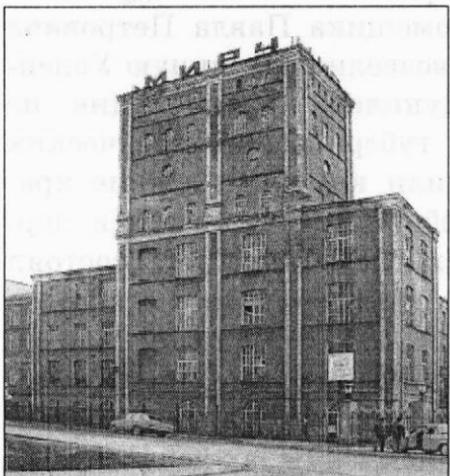
В 1865 году небольшая прядильная фабрика в девяти верстах от села Холуй обрела настоящего хозяина: 23 августа жена поручика Марья Евлампиевна Протасьева продала приобретённую ею с аукциона в 1858 г. от поручика Николая Петровича

Нарышкина землю при с. Южа и в деревнях Омелово, Нефёдово, Тарантаево, Реброво, Костяево, Сойно и Русиново шуйскому 1-й гильдии купцу Асигкриту Яковлевичу Балину. Сделка была очень выгодной для купца: за 325 тысяч рублей серебром он приобрёл 8 463 дес. 390 саж. земли со всеми «лесами, водами и всякого рода угодьями, а равно с находящимися постройками, каменным трёхэтажным корпусом для бумагопрядильни со всеми машинами, приводами, паровиком, с принадлежащими к оному корпусу двумя трёхэтажными казармами, тремя домами для помещения служащих, помещениями для заготовления газа, торговым заведением и другими постройками, конторю в лесу, сторожкою и сараев на пристани реки Клязьмы»¹. Новому владельцу переходили и состоявшие при фабрике лошади, экипажи, содержимое амбаров, строительные материалы и др. По доверенности родительницы акт купли-продажи подписал коллежский асессор Николай Иванович Протасьев. С тех пор вся дореволюционная история предприятия, известного сейчас как АО «Южская

прядильно-ткацкая фабрика», была связана с купеческим родом Балиных.

Основатель династии Семён Иванов сын Балин (1761*—1831) проживал с женой Маремьяной Михайловой (р.1765*) в с. Дунилово Шуйской округи, где имел красильное заведение. Бывший крепостной, он в 1830 г. числился купцом 3-й гильдии и проживал

Башня Гринель южской прядильно-ткацкой фабрики.

Село Дунилово. Церковь, построенная Балинами на месте единоверческой часовни.

по выдаваемым из думы Московского градского общества «пачпортам». Но московскому купцу торговать в г. Шуе без дополнительных взносов воспрещалось, и он с января 1831 г. решил приписаться к шуйскому купечеству, объявив капитал по 3-й гильдии². Расколь-

ник «поповщинской» секты, Семён Балин тридцать лет содержал раскольническую часовню, построенную им в центре Дунилова, и управлял ею.

В 1820 г. богатые старообрядцы села во главе с Балиным подали прошение о постройке единоверческой церкви, а в 1821-м по их просьбе деревянная часовня была освящена и переименована в церковь по обряду Русской православной церкви. В том же году часовню перенесли в усадьбу помещика Павла Петровича Нарышкина, а на её месте возвели деревянную Успенскую церковь³. Так в Дунилове возник один из первых во Владимирской губернии единоверческих приходов. В 1831 г. освятили каменное здание храма. Дед Балин, как незлобиво величают его в церковно-приходской летописи, несколько лет состоял попечителем и церковным старостой. Он с женой, с сыном Яковом (1792*—10.04.1852)⁴ и снохой Марьей Петровной (1791*—08.12.1850)⁵, внуками Асигкритом и Анной отличались «усердием к хождению в храм» и участвовали «своим достоянием в нуждах церковных». Особенно выделяли священники Асигкрита Яковлевича, который «по усердию своему и капиталу

устроил и расширил приписную Крестовоздвиженскую церковь⁶.

Кроме покупки фабрики, 1865 год для А.Я. Балина был знаменателен ещё и тем, что с начала года Асигкрит Яковлевич с семейством — женой и шестью детьми — был возведён в потомственное почётное гражданство⁷. До этого семья 13 лет состояла в первых гильдиях купечества г. Юрьевца и г. Шуи. Дела складывались удачно, купец был предприимчив, скор в решениях и действиях. Однако необузданность нрава чуть было не помешала получению им почётного гражданства.

Василий
Асигкритович
Балин

Случай произошёл на Нижегородской ярмарке. Замыслил фабрикант обзавестись собственной лавкой, постройку заказал местному умельцу Пирожникову, а когда тот пришёл за расчётом, «Балин, придя в азарт, толкнул П. в шею, отчего будто бы П. в то время повихнул левую ногу...». На купца завели дело, но Шуйская городская дума отстояла своего именитого гражданина, дав положительные отзывы. Ведь тщанием Балина в Дунилове была устроена богадельня да была расписана Покровская тёплая церковь... Так что дума засвидетельствовала, что купец несостоятельностью и судебным приговором опорочен не был⁸.

Через два года после покупки

Николай
Асигкритович
Балин

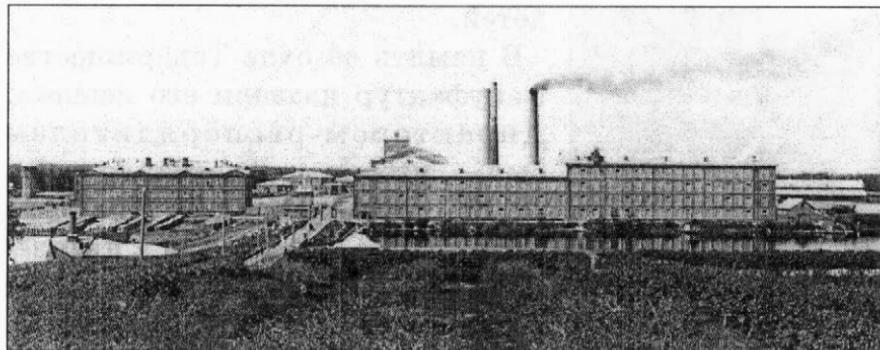
Валентин
Асигкритович Балин

фабрика была увеличена на четыре тысячи веретён, в 1868 г. устроили механическую ткацкую на 108 станков. В 1879-м предприятие сгорело, но уже в следующем году было отстроено вновь, работало 30 тысяч веретён и 120 ткацких станков.

Производство расширялось с каждым годом. Сбыт товара шёл бойко, в том числе и в Вознесенском посаде, где у Асигкрита Яковлевича была лавка в гостином дворе, при торговле находился сам — торговал оптом бумажной пряжей.

В начале 1885 г. Балины учредили товарищество с основным капиталом в три миллиона рублей. Оно было утверждено 31 мая, но Асигкрит Яковлевич не дожил до этого события — умер 18 мая 1885 г. в возрасте 69 лет⁹. В товарищество вошли члены семьи — вторая жена Балина Илария Николаевна и сыновья Николай и Александр. Младшие — Леонид, Владимир, Валентин — пока участия в семейном деле не принимали.

У Асигкрита Яковлевича было 13 детей от двух браков. Смерть часто посещала дом. Первой жены, Марии Авксентьевны, не стало 15 апреля 1852 г. В 35 лет она сгорела от чахотки¹⁰, подарив мужу 24 марта того же года первого сына Василия¹¹, казалось, наследника. Ударом для Балина была смерть дочери Надежды 14 октября 1872 г.¹² — в 23 года умерла от чахотки. В 1874-м потеряли Василия. В память о детях А.Я. Балин пожертвовал в Успенскую церковь священнические ризы и диаконовский стихарь серебряной парчи¹³. В 1877-м не стало и старшей дочери Анфисы (1840*—18.04.1877)¹⁴, вдовы Петра Кузьмича Коновалова, кинешемского купца, умершего в 30 лет (25.06.1837—08.06.1867); двое детей Коноваловых — Александр и Елизавета — умерли в младенчестве¹⁵. В феврале 1885 г. проводили в последний путь на родину и жену Александра Асигкритовича — Ольгу Харлампиевну, младшую дочь Х.И. Куваева, осно-

Общий вид фабрики. 1910 г.

вателя Куваевской мануфактуры в Иваново-Вознесенске, сестру известной благотворительницы Надежды Харлампиевны Бурылиной. Члены рода Балиных покоились на дуниловском кладбище при Успенской единоверческой церкви. Там похоронили и Асигкрита Яковлевича.

За год до смерти А.Я. Балин распорядился своим имуществом. Дома в с. Дунилово со всеми постройками и землёй, фабрика в Юже со всеми угодьями, по три части в фабриках в с. Ваулино и г. Клине Московской губернии, всё фабричное производство и товары, капитал Балин завещал в пожизненное владение жене Иларии Николаевне¹⁶. Они были вместе более 30 лет. 25 января 1854 г. восемнадцатилетняя Илария, дочь ярославского купца Николая Григорьевича Киселёва¹⁷, венчалась с человеком вдвое старше её с тремя малолетними детьми на руках, хотя старшая Анфиса была младше мачехи всего на четыре года. Восприемниками при крещении в 1855 г. первенца молодой пары – Николая – были старшие дети Василий и Анфиса¹⁸. 9 октября 1856 г. на свет появилась Елизавета, в замужестве Ямановская, 17 июня 1858 г. – Людмила¹⁹, ставшая в 1884 г. женой кинешемского купца Сергея Александровича Морокина²⁰. Во втором браке у Асигкрита Яковлевича родилось десять

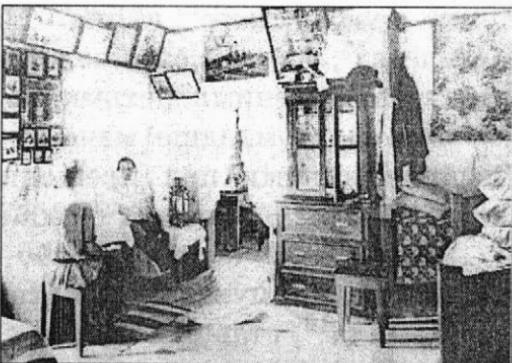

Владимир Асигкристович
Балин

детей.

В память об отце Товарищество мануфактур назвали его именем. Директором-распорядителем был избран Александр (р. 29.11.1860)²¹, позднее – Николай, а в качестве директоров в правление вошли Владимир и Валентин Асигкристовичи²². Правление и контора Товарищества находились в Москве. По заказу Балиных в Москве были построены два дома, один располагался на Большой Никитской (ныне здание посольства Турции), другой – на углу Поварской и Борисоглебского переулка. Н.А. Балин построил для себя отдельный особняк в Грохольском переулке²³.

В 1887–1889 гг. количество веретён на фабрике увеличилось почти на 10 тысяч и прибавилось 192 ткацких станка. В 1890-м построена отдельная ткацкая фабрика с новым оборудованием, а в 1896-м началось строительство каменного четырёхэтажного прядильного корпуса. Старый корпус освещался 746 газовыми рожками, газ изготавливали сами из нефтяных остатков на газовом заводе. В ткацкую фабрику провели электричество. Для нужд строительства завели кирпичное производство; в год вырабатывалось от 600 тысяч до двух миллионов кирпичей. Лес-

Внутренний вид комнаты рабочего.
Начало XX века.

ные материалы разрабатывали на своём лесопильном заводе, а сырьё поступало из собственного строевого и дровяного леса — товариществу принадлежало около 13 тысяч десятин земли. Сучья и вершинники, остававшиеся при разработке рощ, вязались в пучки и скигались в фабричных шуровках. В топливо шли дрова, пни, сучья и щепы, древесный уголь; подвозку из складов производили по конной железной дороге.

На случай пожара устроили депо из пяти ручных пожарных машин и постоянного насоса системы «Вортион», от которого водопроводные трубы тянулись вокруг всей фабрики. Насос всегда стоял под парами в готовности выбрасывать в час до 6500 вёдер воды. В фабричном корпусе действовал насос системы «Камерон» меньшей мощности.

Для хранения готовой продукции построили склады при станции Шуя. Балиным принадлежало и собственное пассажирское и буксирное пароходство по рекам Ока и Клязьма (2 пассажирских парохода и 3 буксирных)²⁴.

В 1894—1895 операционном году на фабриках товарищества работали уже 3301 человек и 665 лошадей; переработали 175 912 пудов американского, египетского, ост-индского, хивинского, бухарского и среднеазиатского хлопка; выработали 154 387 пудов пряжи и 5 631 пуд ваты. Каждый день 20 возчиков на 110 лошадях доставляли товар на железнодорожную станцию — отправляли в Москву и на Нижегородскую ярмарку. Продукция Товарищества — в год её выпускали на сумму более 6 млн. рублей — пользовалась спросом, доходы шли немалые. Как же они расходовались?

Жалованья рабочим и служащим выдано до 550 тысяч. Ежегодно они ещё получали по завещанию Леонида Асигкритовича (27.01.1865—18.04.1890)²⁵ из его дивидендов 18 500 рублей. Из прибылей товарищества более 12 тысяч рублей отчислялось в наградные служащим.

Все текстильщики пользовались бесплатным жильём и отоплением. Продукты покупали на еженедельных базарах при фабрике или в фабричной лавке по более низким ценам, чем у частных торговцев. Для престарелых рабочих в 1893 г. в каменном двухэтажном здании открыли богадельню на 32 человека, живших под надзором смотрительницы на полном содержании. С 1895 г. при богадельне действовала фабричная церковь с самостоятельным причтом. Работала больница на 27 коек, а на случай эпидемии устроили барак. Для рожениц построили родовспомогательное отделение, в 1895 г. там увидело свет 257 младенцев. При родильном приюте проводили оспопрививание. Лечение и содержание в больнице были бесплатными, а товариществу лечебные учреждения обходились в сумму около 8 000 рублей в год, до 3000 рублей уходило на фабричное училище, открытое в 1875-м (через 25 лет преобразовано в двухклассное с пятилетним курсом обучения). Кроме общеобразовательных предметов, там учили пению и гимнастике, а девочек — рукоделию.

В 1890 г. товарищество обзавелось своим почтово-телеграфным отделением со сберегательной кассой — рабочие помещали там свои сбережения.

Жили южские рабочие в пяти казармах — от 400 до 500 человек в каждой, но, сознавая неудобства казарменной жизни, товарищество выделило землю близ фабрики, где для семейных нарезали небольшие участки, предоставляемые в многолетнюю аренду за ничтожную плату. Рабочие строили дома на 2—3 квартиры, получая под строительство беспроцентные ссуды. Отапливались дома слободки бесплатно. Обеспечивали ёщё даровыми пастбищами для выпаса коров. Желающих поселиться особняком и жить своим хозяйством было много.

Не забывали Балины и Дунилово. Поддерживали цер-

ковь, богадельню, а в 1892 г. открыли школу грамоты, размещённую в каменном доме вместе с больницей. Братья Балины – Александр и Владимир – были там попечителями. Владимир состоял ещё попечителем Шуйской мужской гимназии, где ежегодно жертвовал 1000 рублей на содержание параллельных классов; ремонт училища проводили тоже за его счет. Николай и Валентин были попечителями Иваново-Вознесенского низшего механико-технического училища²⁶.

В духовном завещании А.Я. Балина, подводившего итог жизненного пути, есть проникновенные слова умудрённого житейским опытом человека, обращённые к потомкам: «В заключение, призывая Божие Благословение на смиренную, честную и трудолюбивую жизнь всех присных моих, прошу их всех во имя моей любви к ним и постоянного в течение своей жизни попечения о них, уделить мне после моей смерти небольшую долю памяти обо мне в своих молитвах к Богу, об упокоении души моей в загробной жизни»²⁷.

Наследники Асигкрита Яковлевича Балина вносили значительные суммы в церковь на помин его души. Но лучшей памятью предпринимателю было процветание его детища – Южского товарищества, дававшего работу и обеспечивавшего безбедное житьё тысячам рабочих.

¹ ГАИО. Ф.366. Оп.1. Д.1. Л. 22–23.

² Там же. Ф.21. Оп.1. Д.725. Л.1.

³ Там же. Ф.395. Оп.2. Д.7. Л.1.

⁴ Там же. Д.За. Л.25 об.

⁵ Там же. Л.9об.–10.

⁶ Там же. Д.7. Л.8об.–9.

⁷ Там же. Ф.21. Оп.1. Д.6101. Л.1–2.

⁸ Там же. Д.5694. Л.23.

⁹ Там же. Ф.394. Оп.11. Д.53. Л.17.

¹⁰ Там же. Ф.395. Оп.2. Д.За. Л.25 об.–26.

¹¹ Там же. Л.19 об.–20.

¹² Там же. Д.6а. Л.163 об.–164.

¹³ Там же. Д.7. Л.14 об.

- ¹⁴ Там же. Ф.394. Оп.11. Д.52. Л.29 об.–30.
- ¹⁵ Притяжение рода. Методические и справочно-информационные материалы по генеалогии / Авт.-сост. О.И. Захарова. Иваново, 2004. С. 279.
- ¹⁶ ГАИО. Ф.366. Оп.1. Д.17. Л.1–3.
- ¹⁷ Там же. Ф.395. Оп.2. Д.За. Л.43об.–44.
- ¹⁸ Там же. Л.50об.–51.
- ¹⁹ Там же. Л.63об.–64.
- ²⁰ Там же. Л.84об.; Ф.1155. Оп.6. Д.11. Л.320 об.–321.
- ²¹ Там же. Ф.395. Оп.2. Д.6а. Л.4 об.–5.
- ²² Там же. Ф.366. Оп.1. Д.153 А. Л.5.
- ²³ Кузнецова О.А. Культурный облик российской провинциальной буржуазии в XIX – начале XX в. Иваново, 2006. С.158, 182.
- ²⁴ История торговли и промышленности в России. СПб, 1914. С. 43–44.
- ²⁵ ГАИО. Ф. 395. Оп.2. Д.6а. Л.64 об.–65; Ф.394. Оп.11. Д.55. Л.11 об.
- ²⁶ Захарова О., Яблокова Л. Оставить память добрым делом. Балины // Ивановский архив: Вып. 2. 1998. С.65–66.
- ²⁷ ГАИО. Ф.366. Оп.1. Д.17. Л.2.

К.Е. Балдин

Из истории Мугреевского торфопредприятия

История Мугреевского торфопредприятия (МТП) пока почти не изучена местными исследователями. В настоящее время в конторе этой фирмы хранится рукопись, составленная в 1970-х гг.

Болото Большое.

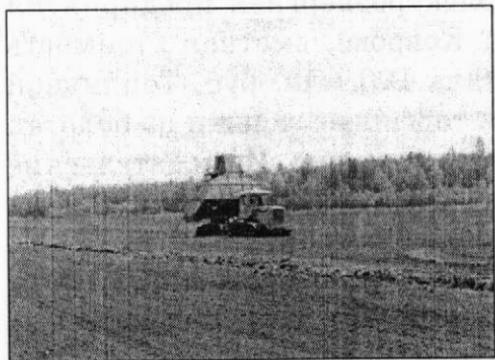
горьковскими архивистами, т.к. вся документация предприятия хранится в Нижегородском государственном архиве. Настоящая публикация основывается на материалах этой рукописи, также автором ис-

пользованы факты, почерпнутые из его личных бесед со старожилами посёлка Мугреевский Южского района. В данной публикации рассматривается начальный период истории МТП с конца 1930-х до конца 1940-х годов.

Торф как топливо стал известен людям давно, первые попытки добывать его были предприняты ещё в конце XVIII века. Торф представляет собой органическую массу, состоящую из полуразложившихся растений, за сто лет образуется слой его в 8–10 сантиметров. В зависимости от растительности, дающей материал для этого полезного ископаемого, различают сфагновый (моховой), тростниковый и осоковый торф. Неслучайно, имея в виду его растительное происхождение, раньше торф называли «зелёным углём», хотя по цвету он, конечно, не зелёный, а коричневый.

Первые попытки промышленного освоения торфа в Ивановском крае были сделаны во второй половине XIX – начале XX вв. Это объяснялось тем, что каменный уголь и нефть постепенно дорожали, и торф оказался наиболее выгодным видом энергоносителей, тем более что его не нужно было везти за тридевять земель, залежи находились, что называется, под рукой.

На болотах возле села Южа Вязниковского уезда Владимирской губернии торф стало добывать Товарищество мануфактур А.Я. Балина. Где конкретно происходили эти первые разработки в Южском районе, автору не удалось точно установить. По нашему предположению, это

Разработки торфа на одном из болот Южского района.

были залежи около деревни Костяево по дороге из Южи в Холуй. Объём добычи у Балиных был не очень велик. В 1914 году здесь было произведено 3,5 тыс. кубических саженей топлива, использовавшегося для котельной южской прядильно-ткацкой фабрики.

В первые годы Советской власти добыча торфа во вновь образованной Иваново-Вознесенской губернии росла очень быстро. Если в 1924 г. здесь было произведено 49 тыс. тонн этого топлива, то в 1927 г. – уже 381 тыс.т. Двумя годами позже в нашем крае был создан трест «Ивгосторф», объединявший целый ряд предприятий, которые действовали на базе обширных торфяных массивов.

Торф использовала ИвГРЭС – главная электростанция Ивановского края, построенная в годы первых пятилеток и находившаяся в посёлке Комсомольск неподалёку от Иваново-Вознесенска. Пуск её первой очереди состоялся в 1930 году. Второй по счёту крупной электростанцией ивановского края должна была стать Южская ГРЭС. Её планировалось построить на территории современного Южского района рядом с рекой Лух, там, где сейчас находится деревня Взвоз по соседству с посёлком Талицы. Мощность станции была определена в 220–250 тыс. киловатт, т.е. вдвое больше, чем ИвГРЭС. Южская станция должна была снабжать электроэнергией предприятия в Юже, Шуе, Вязниках, Коврове, сметная стоимость её строительства составляла 100 млн. руб. Топливной базой для неё определили торфяные залежи на болотах так называемой Мугреевской группы. Изыскательские работы на берегу Луха начались ещё в конце 1920-х гг. В 1931 году предполагалось построить здание ГРЭС, жильё для рабочих, школу, больницу, а в 1932 году ГРЭС должна была дать первый ток. Одновременно планировалось проложить к ней узкоколейную железную дорогу от Шуи через Южу и продолжить её

далъше на посёлок Флорищи, чтобы электростанция и промышленные центры Ивановской области были напрямую соединены с Нижним Новгородом. Однако «планов громадьё», характерное для первых пятилеток, не всегда претворялось в реальность. Из-за недостатка средств проект Южской ГРЭС так и не был осуществлён. Правда, железную дорогу от Шуи до Южи проложили, но это была всего лишь узкоколейка, сквозная эксплуатация которой прекратилась в последнее десятилетие XX века.

Изыскательские работы на болотах, которые должны были стать источником топлива для будущей электростанции, начались ещё в 1927 г. Тогда специалисты определили запасы топлива Святоозерского торфяного массива в 136 миллионов кубометров, глубина залежей равнялась в среднем 2,82 м. Торфопредприятие, которое планировалось как базовое для Южской ГРЭС, сначала решили назвать «Святоозерским». В результате нового обследования болот Мугреевской группы, проведённого в 1930–1931 годах, подходящие для разработки площади были оценены в 8686 гектаров. Это было немало, предполагалось, что новое торфопредприятие будет снабжать топливом и НиГРЭС – Нижегородскую электростанцию, расположенную в городе Балахне (впоследствии переименована в ГоГРЭС – Горьковскую ГРЭС).

Проект Святоозерского торфопредприятия был утверждён в Москве «Союзгосторфом» 27 сентября 1932 года (позже его стали называть Мугреевским торфопредприятием). Разработку залежей топлива было решено начать в 1935 году, а за 1933–1934 годы – подготовить площади болот, чтобы запасы торфа осели, слежались и давали больший процент сухого топлива. За работу взялись рьяно: уже в 1931 году начали строить центральный посёлок, который получил

название «Пробуждение», но оно не прижилось, и по сей день посёлок именуется Мугреевским. Для того чтобы приблизить жильё к местам будущей добычи торфа, на некотором отдалении от «Пробуждения» строились посёлки № 1 и 2. Одновременно шла корчёвка леса, рытьё крупных магистральных и мелких канав для осушения местности. Условия труда и быта первостроителей были скверными. Все работы велись вручную с помощью лопат и тачек, люди жили в землянках и шалашах. Заселение первых примитивных бараков на берегу Святого озера стало из ряда вон выходящим событием.

Однако энтузиазм первостроителей иссяк, и материальные средства во многом оказались потраченными впустую. Как уже отмечалось, Южская ГРЭС так и осталась в стадии проекта. Строительство нового торфопредприятия также было законсервировано, хотя в него было вложено около 10 миллионов рублей. В 1934 году работы возле Святого озера уже замерли. В этом рельефно проявился казённо-бюрократический подход к делу — соседняя Горьковская (Нижегородская) ГРЭС уже в первой половине 1930-х годов начала испытывать недостаток топлива, и пуск в действие нового торфопредприятия по соседству с ней был бы для этой электростанции как нельзя кстати.

К проекту вернулись только через четыре года, когда нехватка топлива стала особенно острой, давали себя знать и многочисленные пожары на соседних Чернораменских болотах, на которых добывали торф для ГоГРЭС. Работы на берегах Святого озера были возобновлены в 1938 году, и сдача в эксплуатацию нового предприятия, получившего название Мугреевского, намечалась на следующий год. Оно должно было работать на базе болот Мугреевской группы — Святоозерского, Демидовского, Большого, Дубовичьего.

Добычу топлива стали осуществлять способом

гидроторфа. Это был наиболее дорогой и сложный способ, но при условии комплексной механизации работ он сулил в перспективе низкую себестоимость продукции. Способ гидроторфа был изобретён талантливыми русскими инженерами Р.Э. Классоном и В.Д. Кирпичниковым ещё в 1915 году. Он предусматривал размывание торфяного массива водяной струёй под давлением 12–19 атмосфер. Затем смесь воды и мелких частичек торфа (гидромасса), содержащая от трёх до семи процентов условного сухого вещества, забиралась торфососом, подвешенным к стреле крана, и по трубам подавалась на специально подготовленные площади – поля разлива. Здесь гидромассу разливали слоем от 20 до 40 сантиметров толщиной. Под солнцем она подсыхала, и специальные формирующие машины делали из неё «кирпичи». Их вручную складывали для дополнительной просушки различными способами – «змейкой», «решёткой» и т.д. Когда влажность торфа снижалась до 30–40 %, он считался готовым. В конце 1930-х годов добыча способом гидроторфа была очень широко распространена.

Проектная мощность нового торфопредприятия была определена в 283 тыс. тонн в год. Оно было организационно подчинено Чернораменскому торфотресту, основные мощности которого находились на территории Горьковской области. На 1938 год Мугреевскому торфопредприятию был определён лимит затрат в 3580 тыс. рублей. Большую часть этих средств (1914 тыс.) предстояло вложить в строительство железнодорожной ветки узкой колеи от посёлка Мугреевский до разъезда Чистое. Однако организационная неразбериха привела к тому, что вербовка рабочих началась поздно, и строительство было обеспечено рабсилой только на 40 %. В результате выполнение плана было сорвано по всем показателям. В конце 30-х годов виновников, как реальных, так и

мнимых, находили быстро: на это время приходился пик жестоких сталинских репрессий. Вина была возложена в данном конкретном случае на главного инженера А.И. Варламова. Ему предъявили стандартное обвинение во «вредительской деятельности», сняли с работы и отдали под суд. Дальнейшая судьба его неизвестна, но можно предположить, что либо он был расстрелян, либо сгинул в сталинских лагерях.

Между тем добыча торфа на Чернораменских болотах продолжала снижаться, и организацию нового предприятия стали форсировать. Программа, определённая на 1939 год, как и план предыдущего года, была далека от реальности — предполагалось полностью завершить организацию МТП. Первым участком, запланированным для добычи торфа, стала болотистая местность между посёлками № 1 и 2, здесь был заблаговременно выкорчеван лес и выкопаны дренажные канавы.

В начале сезона 1939 года должно было поступить всё необходимое оборудование, но быстро доставить его не было никакой возможности. Железную дорогу от Балахны до Мугреевского так и не дотянули, стальные пути оканчивались у разъезда Луполово неподалёку от одноимённой деревни современного Пестяковского района Ивановской области. Поэтому оборудование приходилось тащить по болотам и бездорожью почти 30 километров. Грузы доставлялись с помощью трактора по раскисшим колеям. На погрузке и разгрузке люди работали по колено в талой холодной воде. В результате шесть новеньких тракторов, только что полученных Мугреевским торфопредприятием, так износились за весну, что в разгар летней торфодобычи их часто приходилось ставить на ремонт. Да и само оборудование для добычи было не «первой свежести» — оно было передано в МТП с других предприятий Чернораменского треста.

Условия быта людей оставляли желать много лучшего. К началу работ в распоряжении торфяников имелись пять бараков, громко именовавшихся общежитиями, и двухквартирный дом. В период вынужденной консервации 1934–1939 годов эти здания стояли нежилыми и постепенно разваливались: бревенчатые фундаменты подгнили, печи дымили и крыши напоминали сито. В импровизированных общежитиях порой в комнату набивалось до 30 жильцов. Использовались для жилья и обветшавшие постройки бывшего Святоезерского монастыря.

Несмотря на это, люди работали с энтузиазмом, характерным для эпохи первых пятилеток. Для того чтобы больше сделать, многие торфяники приходили на место работы за час до начала смены. План разлива торфомассы выполнялся порой на 130–140 %. Бригады женщин, занятых на просушке торфа, перекрывали задания в полтора раза. Однако первый в истории МТП сезон 1939 года характеризовался множеством организационных неурядиц, без которых не обходится, наверное, ни одно новое дело. Из-за этого период добычи был очень кратким – всего 69 дней. Пока явно недостаточно было техники, работали только два агрегата по добыче торфа. Поэтому план, спущенный сверху, был выполнен только наполовину. Вместо 60 тысяч тонн торфа было произведено всего 33 тысячи. Почти столько же (30 тыс. тонн) остались недосушенными, и виновата была в этом не только погода, но и недостаток производственных навыков – торф сушили с нарушениями элементарной технологии.

Второй предвоенный сезон 1940 года был более удачным. На добычу торфа работало больше техники – 5 кранов, 2 формующих машины, а также более 800 человек, из них на сушке трудилось 670 женщин-торфяниц. Многие из них были не обычными

сезонниками, которые нанимались на первую попавшуюся работу, — они имели стаж работы на торфе по четыре, пять и даже семь лет. Результаты сезона были весьма весомыми, топлива добывали в пять раз больше, чем в 1939 году — 150 тыс. тонн.

Начавшаяся 22 июня 1941 года Великая Отечественная война в корне изменила жизнь страны, каждого города, посёлка, деревни. Десятки жителей Мугреевского ушли на фронт, оставшиеся в тылу работали, не покладая рук, всё было подчинено единой цели — разгрому врага. Для рабочих и служащих были введены обязательные сверхурочные работы, отменены отпуска. Как и везде, в Мугреевском были созданы отряды местной противовоздушной обороны (МПВО), обучение в этих группах в обязательном порядке проходили все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет и женщины — от 18 до 50 лет. К счастью, вступать в боевые действия формированиям МПВО здесь не пришлось. В посёлке появились другие приметы военного времени, об этом свидетельствуют сухие цифры бюджета предприятия, в расходной части которого значатся затраты на светомаскировку, на устройство бомбоубежищ. Жители посёлка рыли земляные укрытия, в зимнее время заготавливали дрова как для себя, так и для городов, испытывавших острый недостаток топлива.

Массовая мобилизация на фронт началась в самый разгар добычи торфа — в июле 1941 года. Сезон заканчивали в основном женщины и подростки, большинство мужчин, в том числе опытные и квалифицированные работники, ушли на фронт. Между тем торфа требовалось всё больше и больше. Донбасс — основной источник угля для промышленности — был захвачен немцами, а с выходом врага к Волге во время Сталинградской битвы была затруднена и доставка бакинской нефти. От успешной работы

торфопредприятий зависело теперь многое. Чернораменский торфотрест, которому подчинялись мугреевцы, снабжал торфом Горьковскую ГРЭС. А она, в свою очередь, подавала электроэнергию на многие военные предприятия Горьковской области, которые выпускали для фронта танки, «катюши», миномёты и самоходные орудия. Поэтому число работников в МТП в военные годы увеличилось. В 1942 г. здесь трудилось 1017 рабочих, а в 1943 г. – 1564.

Однако уровень механизации мало изменился, в 1940 г. на предприятии было 5 агрегатов по добыче торфа, а в годы войны – 7. Количество формующих машин возросло с двух до трёх. Пожалуй, наиболее весомой прибавкой в парке оборудования были установка и подключение к ГоГРЭС 6 новых электроагрегатов, которые Мугреевское торфопредприятие получило в 1941 году. Несмотря на то, что новой техники поступило немного, площадь используемых торфяных полей выросла приблизительно втрое, в 1939 г. она составляла 431 га, а в 1945 г. – 1345 га. Этот рост был достигнут, в основном, благодаря трудовому энтузиазму, крайнему напряжению сил работников МТП.

Наиболее продуктивным в годы войны был сезон 1943 года, когда было добыто 220 тыс. тонн топлива, хотя до проектной мощности, определённой ещё в конце 30-х годов (283 тыс.т), предприятие так и не дотянуло. А наименее удачным был 1945 год, когда в результате проливных дождей вместо 310 тыс. тонн по плану было произведено всего 86 тысяч.

Несмотря на трудности военного времени, посёлок торфянников постепенно расширялся. Правда, это происходило исключительно за счёт индивидуального строительства, общественный сектор был представлен по-прежнему бараками. В 1942 году открылся первый детский сад на 55 мест. Несмотря на то, что нового

детсада было явно недостаточно для разраставшегося посёлка, такое событие было явно не рядовым по местным масштабам.

Первое послевоенное десятилетие (1946–1950 гг.). историки обычно называют восстановительным периодом. В эти годы страна залечивала раны, нанесённые войной, восстанавливались промышленность и сельское хозяйство, вставали из руин города и сёла. Своим чередом шла работа и на Мугреевском торфопредприятии. Временем наибольшего напряжения сил было лето. Сезон обычно начинался во второй половине апреля, добыча торфа заканчивалась во второй половине июля. Разлив торфомассы производился на Мугреевских и Демидовских полях. В 1948 г. их площадь достигала 1357 гектаров. В конце лета шла сушка торфа. В ряде случаев из-за погодных условий на полях оставались десятки тысяч тонн некондиционного влажного топлива, и досушка его откладывалась до следующего лета.

Зима не была периодом полного затишья. Работа шла в мастерских торфопредприятия, здесь ремонтировали различные машины, электрооборудование. Не пустовали и торфяные поля, — мугреевцы, готовясь к новому сезону, корчевали пни, рыли дренажные канавы. Немало беспокойств доставляла каждая весна — талая вода могла надолго затопить подготовленные для добычи торфа поля и далеко отодвинуть начало сезона. Для того чтобы не было таких неприятных неожиданностей, заранее готовили водоотливные сооружения, через которые вешние воды уходили в реку Лух.

Добыча торфа на Мугреевском предприятии росла, но по отдельным годам она весьма заметно колебалась, здесь очень многое зависело от погоды. Так, в 1948 г. мугреевцы дали 333 тыс. тонн топлива, а в следующем сезоне — только 204 тыс. Торфодобыча была заведомо

убыточной отраслью, и Мугреевское предприятие не было исключением. Убыток заранее планировался сверху, для МТП он составлял в среднем 4–6 млн. рублей в год. Иногда мугреевцы «перевыполняли» этот план, так, в 1946 г. убыток составил 8,1 млн. рублей.

В первые послевоенные годы выросло количество техники на предприятиях. В 1948 г. здесь работали уже 12 агрегатов по добыче торфа. Из расформированных воинских частей мугреевцам досталась кое-какая армейская техника — два отечественных грузовика марки ЗИС и один американский «Форд», теперь на МТП было 7 машин. Вспомогательную работу выполняли лошади, они возили хлеб и другие продукты, почта из Талиц доставлялась также с помощью гужевой силы. В 1949 г. в посёлке была построена просторная конюшня. На многих участках удалось отказаться от ручного труда. Теперь секции временных железнодорожных путей, прокладывавшихся по замёрзшим топям, таскал уже трактор, избавивший людей от этого крайне тяжёлого труда. В 1949 г. была введена также механическая подкатка вагонов к штабелям торфа, подготовленным к отправке. За счёт этого удалось на четверть сократить число грузчиков.

В 1946 г. на МТП трудились 2397 чел., к 1949 г. за счёт механизации многих работ число рабочих и служащих снизилось до 1439 чел. Однако по-прежнему, наряду с постоянными кадровыми работниками, на торфодобыче трудилось много сезонников, их набирали на лето с помощью организованной вербовки. Временные рабочие приезжали в Мугреевский обычно из Горьковской и Кировской областей, много было также жителей Марийской, Чувашской и Мордовской республик. На торфе использовался и «спецконтингент» — военнопленные из лагеря НКВД, который находился рядом с современным поселком Талицы. Квартировали немцы в бараках в посёлке № 2.

Руководителем Мугреевского торфопредприятия в этот период стал Николай Петрович Краснов. Он стоял во главе МТП около трёх десятилетий, многое сделал для его развития, для благоустройства посёлка, умел держать жёсткую дисциплину на производстве и в то же время пользовался большим уважением, люди часто шли к директору со своими насущными проблемами и просьбами.

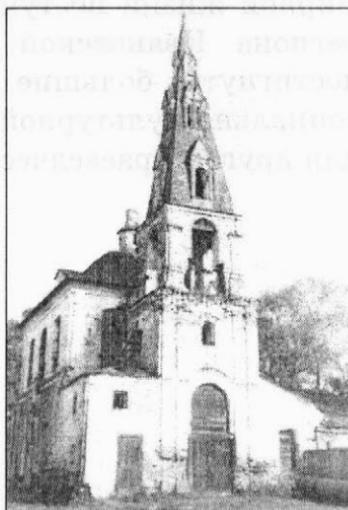
Уровень зарплаты рабочих в 1948 г. составлял 6327 руб. в год, учеников — 2954 руб., младшего обслуживающего персонала — 2846 руб., инженеров — 12547 руб. Размер заработка напрямую зависел от того, как трудился тот или иной работник. На МТП было немало своих передовиков. Так, коллектив крана № 4 выполнял нормы на 150–180 % и был в 1946 г. занесён на доску почёта Чернораменского треста. В том же году члены этой бригады — старшие смен И.Д. Елагин, П.В. Маркелова, Е.А. Журавлёва, бригадир Н.И. Демидов — получили почётные звания «Мастер торфяного производства».

Сложнее обстояло дело в бригадах по сушке топлива. Они состояли, в основном, из женщин-сезонниц, многие из них попадали на торфопредприятие впервые. Для таких прямо на рабочих местах было организовано обучение элементарным производственным приёмам. Занимались с новичками и отстающими специальные инструкторы, имевшие большой опыт работы. В 1949 г. такие курсы, громко называвшиеся «стахановской школой», прошли 132 торфяницы. Для того чтобы стимулировать нелёгкий и однообразный труд на сушке торфа, работницам ежедневно сообщали об их заработке. Вычислить его и определить, кто работает хорошо, а кто с прохладцей, было несложно — женские бригады, трудившиеся на сушке, были сравнительно малочисленными.

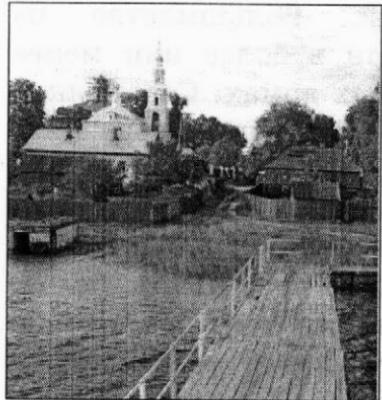
Увеличивалось население посёлка. В 1946 г. здесь

насчитывалось 3312 жителей. Большинство из них (около 2 тысяч) проживали в более или менее благоустроенных индивидуальных домах. Сезонников приходилось селить в бараках и ближайших деревнях. Бараки, выстроенные ещё в 30-х годах, изрядно обветшали, и в 1946 г. был проведён их капитальный ремонт. Кроме того, здесь устанавливались новые койки, тумбочки, появилось приличное постельное бельё, занавески. В общежитии поставили так называемые «красные столы» с книгами, газетами, настольными играми, купили гармонику и баян. Несмотря на это, жилищные условия в общежитиях-бараках были далеки от нормальных: хотя электричество здесь было проведено, но о водопроводе, канализации и центральном отоплении пока приходилось только мечтать.

В Мугреевском работали магазины, столовая; для того чтобы обеспечить людей продовольствием, каждую осень заготавливали картофель и овощи. Хранилища для них были в посёлках №№ 1 и 2, а кирпичное овощехранилище в Мугреевском из-за недостатка жилья переоборудовали в общежитие. Однако в послевоенные годы как продовольственных, так и промышленных товаров не хватало. В условиях карточной системы, существовавшей до 1947 г., некоторые товары распределялись по широко известному принципу — «каждому по труду». Так, выполнившим план на 100–110 % выдавали по 2 метра ткани, 110–120 % — 3 метра, 120–150 % — 4 метра, более 150 % — 5 метров.

Церковь св. Афанасия
Афонского до
возобновления монастыря
(ок. 1980 г.)

Святое озеро с видом на возобновлённый Иверский монастырь.

Постепенно посёлок обзаводился различными заведениями соцкультбыта. В 1946 г. на МТП работали три бани на 80 мест. В два детских сада ходили 90 ребятишек. В 1946 г. на берегу озера был заложен клуб с залом на 200 мест, вскоре он стал главным центром общественной и культурной жизни посёлка. Началось озеленение, появился свой стадион. В 1949 г. был построен пионерский лагерь, расположенный на берегу Святого озера.

Предвоенные годы, период войны и послевоенное восстановление народного хозяйства были, пожалуй, самыми трудными в жизни посёлка и Мугреевского торфопредприятия. В последующие годы в условиях мирной жизни поступательное развитие этого микрорегиона Ивановской области продолжилось. Были достигнуты большие успехи в производственной и социально-культурной сфере. Однако это уже сюжет для другой краеведческой публикации.

Раздел 4

Духовная жизнь южской земли

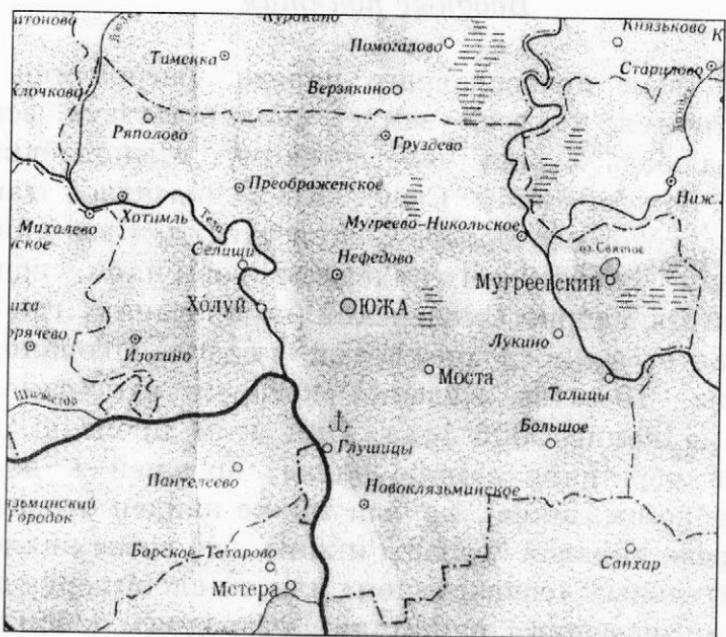
Священник Алексий Лихачёв

История почитания Пресвятой Богородицы на южской земле *Вводные понятия*

По вере православного народа, Богородица является по всей земле, свидетельствуя всюду Свою любовь к роду человеческому, усыновлённому Ею в Божественном Сыне. Южа оказалась таким местом, которому Матерь Божия уделила Своё личное внимание – почтила его явлением Своих икон, сначала медной Одигитрии Смоленской (по преданию, где-то в XVII веке), а в последнее время – медной Неопалимой купины, 10-летие Явления которой мы отмечаем ныне, в конце 2006 года. При этом произошло не только обретение самой иконы, вросшей в дерево (подробно см. ниже), но был также найден отпечаток на дереве лицевой стороны иконы, что вовсе является удивительным «совпадением» или, по слову верующего сердца, знамением внимания Богородицы к южской земле. В настоящее время, после 70 лет господства

атеизма, народная вера и благочестие подорваны по всей Руси, и в Юже это особенно заметно. Поэтому явление Богородицы в конце XX века, само по себе уникальное явление, следует воспринять, пожалуй, как задание или призвание Матерью Божией вспомнить былое Её почитание здесь, на южской земле. Данной статьёй мы вносим посильный вклад в это дело.

К понятию «Южская земля» мы будем относить все земельные угодья, которые ныне входят в Южский административный район, возникший при Советской власти и многократно изменявший свои границы. В средние века это были земли Стародубского княжества, постепенно вошедшие в состав Сузdalских земель, а в XVIII веке отошедшие в состав Владимирской губернии. В настоящее время к его территории относятся такие имеющие разную историю земли, как Мугреевская вотчина князей Пожарских и Митрополичья волость в районе Святого озера (на востоке района), Холуйская

Южский район Ивановской области.

слобода и Алексинский стан (на западе района), имения Ряполовских князей (северо-западная окраина района), вошедшие со временем в состав Ковровского уезда, а также Груздевская слобода, самостоятельная волость Вязниковского уезда с Ламенским озером и болотом (на севере района).

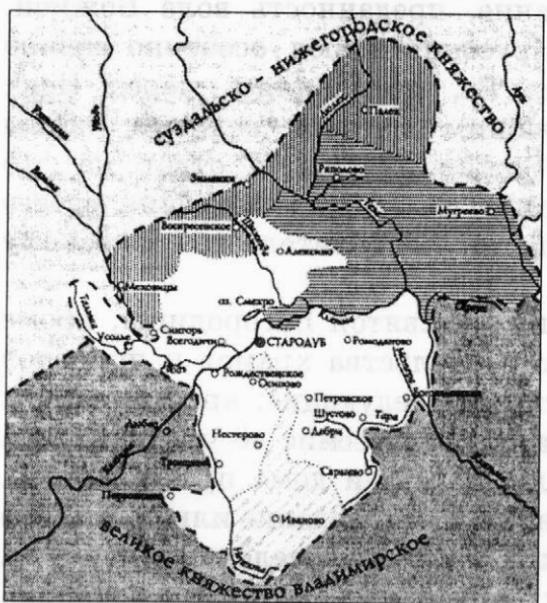
Почитание Пресвятой Богородицы, Матери Господа нашего Иисуса Христа, было глубоко воспринято русским народом вместе с принятием православной веры от Византии. Первая же церковь Печорского монастыря в Киеве была посвящена Успению. Епископ Иерапольский Аверкий, лично знавший духовную жизнь первой половины XX века как во многих областях России, так и во многих странах Зарубежья, пишет в своём труде «Россия – Дом Пресвятой Богородицы»: «Сердцу русского человека, глубоко воспринявшему евангельское учение, особенно близки и дороги были возвышенные добродетели Пресвятой Девы: её девственная чистота и целомудрие, её смиление и послушание, преданность воле Божией. За эти добродетели русский народ особенно нежно и благоговейно чтил Её, преклоняясь перед Нею, как перед достойнейшим сосудом великой тайны воплощения Сына Божия, а Она в ответ на это благоговейное почитание её являла знамения своего особого благоволения и покровительства русскому народу»¹.

К формам почитания Пресвятой Богородицы, кроме самой очевидной – строительства храмов и приделов в её честь, можно отнести следующие: крестные ходы с её чтимыми образами, принесение её чтимых икон из удалённых обителей в сёла и дома православных, украшение икон, а также наименование или постройка в честь неё источников, часовен, населённых пунктов. Труднее поддаются историческому исследованию, как практически не фиксируемые в письменных

источниках, такие формы почитания Матери Божией, как специальные богослужебные молебствия и, тем более, народная вера, свидетельства об исцелениях по вере, предания и сказания об участии Пресвятой Богородицы к жизни и нуждам простых людей. Какие же формы народного почитания Богоматери мы можем в историческом плане проследить на южской земле?

Храмы и престолы, посвящённые Пресвятой Богородице и её иконам

Прежде всего, это посвящение Ей храмов и святых Престолов в них. Почитание Пресвятой Богородицы на землях, сопредельных со стародубским княжеством, восходит ещё к Средневековью, ко времени первых письменных упоминаний о поселениях и людях, живших здесь. Одна из древнейших в этих местах обителей — Святоезерский Иверский монастырь, возникновение которого восходит к рубежу XIV—XV веков и предположительно связано с деятельностью Московских митрополитов Кирилла и Фотия².

Стародубское княжество в XIV веке.

По свидетельству Никоновской летописи, «преосвященный Фотий митрополит поиде из Владимира в свою митрополичью волость... и бывшу ему на Святе-озере своем, у церкви святого Пре-

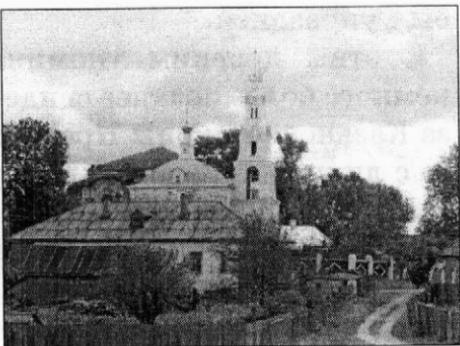
ображения Господня, юже постави митрополит Киприан... Митрополит же Фотий отыде на свои озера Сенежские в лесы крепкиеместа... и поставил у своего озера на Сенгу на бреге в лесе церковь Рождества Пречистыя Богородицы... Преосвященный же пребысть в Сенгу четыре седмицы

и три дня на месте том в молчании и безмолвии³. Итак, посвящение храма Матери Божией, устройение отхожей пустыни и оставление при ней на жительство священноинока Пахомия болгарина, в случае подтверждения этого летописного свидетельства как относящегося к южской земле, говорит о почитании здесь Богородицы ещё в начале XV века.

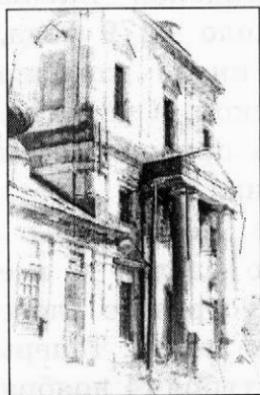
Была и ещё одна древняя обитель на южской земле – Хотимльская пустынь Успения Пресвятой Богородицы, основанная, по преданию, иноками Троице-Сергиевой лавры на берегу р. Тезы в начале XVI века,

упоминаемая впервые в 1565 г. в духовной грамоте княгини Пронской-Шемякиной (урожд. Мезецкой).

Сохранились древние упоминания о посвящении Божией Матери храма и в Алексинском стану: тёплая церковь с престолами Благовещения и Рождества Христова в сельце Лучкино упоминается в данной грамоте владелиц Спасо-Евфимьеву монастырю в Суздале от 1572 г. С построением каменной церкви в 1812 г. богородичный престол в селе

Святоезерский Иверский монастырь
в 2005 году.

Порталы Успенской церкви в селе Хотимль.

был упразднён.

К этим древним упоминаниям можно приобщить немного более позднее свидетельство о почитании образа Казанской иконы Пресвятой Богородицы, связанного с личностью владельца Мугреевской вотчины князя Д.М. Пожарского. В 1612 г., во время стояния ополчения в Ярославле, эта икона была прислана князю из Казани (возможно, она была принесена в марте 1612 г. с Казанским ополчением Ивана Биркина). Князь приказал списать для себя с этой иконы копию, которую взял в поход на Москву, а после победы поместил

в свой приходской храм Введения на Сретенской улице и обставил дорогой утварью⁴. Принесение ратными людьми из Казани Казанской иконы было знаком широкого распространения по Русской земле сказания, написанного будущим патриархом Ермогеном, тогда митрополитом Казанским, о чудесном обретении этого святого образа⁵. Событие обретения Казанской иконы произошло около 1579 года, т.е. детство князя совпало

Казанская икона Пресвятой Богородицы.

с самым началом почитания Казанской. Очевидно, что ещё до начала Смуты икона была признана всем православным народом как чудотворная, как «врата Божией благодати и заступничества Богородицы», почему князь Пожарский не только сделал с неё для себя списки, но и поставил этот образ во главе ополчения для воодушевления ратных людей. Теперь день последнего штурма Кремля 22 октября (4 ноября по н.ст.) установлен как церковный и государственный праздник. Дмитрий Михайлович имел и чтил этот об-

раз в своём доме. Об этом свидетельствует его духовная грамота, согласно которой он после кончины пожертвовал свою домашнюю Казанскую икону в Сузdalский Спасо-Евфимьев монастырь, образ «богато украшенный жемчугом, бирюзой, серебром»⁶. По окончании судьбоносного для Руси похода князь, построив

в знак победы Казанский собор на Красной площади (1635), перенёс туда Казанскую икону со Сретенской улицы⁷. О почитании Казанской иконы в XVIII—XIX веках будет сказано ниже.

Новый материал о храмах, посвящённых Божией Матери, располагавшихся на южной земле, дают переписные книги 1628 года, в которых переписчики, имея задачу переписать податное население, потрудились указать и все сельские приходы с церквами, духовенством и причтом.

В переписных книгах отмечено, что в с. Ряполово, принадлежавшем Афанасию Матвееву, сыну Вол्वянинову, находились две деревянные церкви, одна из которых была посвящена Благовещению Пресвятой Богородицы (вторая — св. Николаю). Эта же перепись свидетельствует, что в с. Груздево в то время тоже были две деревянные церкви, одна из которых была посвящена празднику Покрова. Со временем, в начале XIX века, на её месте построили одноимённый каменный храм с приделами Рождества Божией Матери и святителя Николая, сохранившийся в полуразрушенном виде до настоящего времени.

Казанский собор на Красной площади, построенный на средства князя Д.М. Пожарского.

Церковь Владимирской иконы в селе М. Ламна.

В начале XIX века деревянные церкви в селе Б. Ламна сгорели, и на их месте был выстроен каменный храм уже в честь Сретения Господня. Буквально через несколько лет при строительстве каменного храма в с. Малая Ламна (на другой стороне озера) его снова посвящают Владимирской иконе, хотя издревле здесь существовал храм святителя Николая. Святителю в новой церкви, конечно, посвящают придел. Всё это свидетельствует о народной памяти тех далёких исторических событий, связанных с Владимирской иконой, в результате которых стольный град Руси переместился

Почиталась в южском крае и Владимирская икона. Из Суздальских переписных книг 1628—1630 гг. известно, что рядом с Мугреевской вотчиной Пожарских на озере Богоявленском (ныне Ламенское) находился храм в честь Сретения Владимирской иконы Божией Матери, располагавшийся близ села Большая Ламна⁸. Есть интересный исторический факт, который можно интерпретировать как доказательство того, что почитание Владимирской иконы было в народе не формальным.

Владимирская икона Пресвятой Богородицы.

сначала из Киева во Владимир-на-Клязьме, а затем – в Москву. Святыня не случайно почитается в народе как хранительница Московского царства, она многократно, к удивлению историков, спасала Москву от разорения монголо-татарских полчищ, как, например, в 1395 г. произошло, немыслимо для естественного хода событий, спасение столицы от огромного войска Тамерлана (это и есть историческая основа праздника Сретения Владимирской иконы, празднуемого 26 августа ст. ст.)⁹. Именно перед ней в день своего помазания на царство пели молебен русские государи и прикладывались к ней в самом чине венчания на царство. Конечно же, особенно почитали свою святыню владимирцы, а Южа входила в Вязниковский уезд Владимирской губернии¹⁰.

Начиная с XVII века появляются данные о почитании на южской земле Иверской иконы Пресвятой Богородицы. Это достаточно интересные факты, ибо прославление Иверской иконы относится именно к тому времени, середине XVII века, и само существование в Свято-Езерской обители храма Иверской иконы Божией Матери говорит о тесной связи этой отдалённой обители с самыми современными событиями духовной жизни в первопрестольной Москве. В 1647 г. инок Иверского Афонского монастыря рассказал о чудотворной афонской иконе государю Алексею Михайловичу, и по Высочайшему повелению в 1648 г. в столицу был доставлен список, сделанный прямо в Иверской обители на греческом Афоне. Его встречали сам государь с семейством и патриарх с духовенством. В 1654 г., после возвращения Иверской иконы из похода на поляков, куда её брали для сопровождения войск, в Москве для иконы была сооружена часовня у Воскресенских ворот¹¹. Спустя всего несколько лет после этих событий, а именно в 1663 г., в документах Спасо-Евфимьевого монастыря упоминается «погост в

Сеньгу у Святого озера», в котором уже действуют храмы Иверской иконы и преп. Афанасия Афонского. Очевидна прямая связь храмостроительства на южской земле с благочестием патриаршего двора. Всё это является косвенным подтверждением того, что Патриаршая (прежде бывшая митрополичьей) волость, упоминаемая в Никоновской летописи, действительно располагалась в районе здешнего Святого озера. Историческая топонимика южского края только начинает развиваться благодаря трудам Якушкиных, но и сейчас есть веские основания считать упоминание Никоновской летописи относящимся к обители нашего района. Даже Православный энциклопедический словарь поддерживает эту версию, отмечая: «Святоезерский Спасский Сенегский заштатный женский монастырь, находящийся во Владимирской губернии, в 62 верстах от города Гороховца, основан в XIV веке...»¹²

В 1889 г. появился новый престол в честь Иверской иконы Божией Матери в с. Хотимль (относившемся после 1775 года к Ковровскому уезду Владимирской губернии). Иверский придел был пристроен к устроенному там в 1791 г. каменному храму.

Во времена Екатерины II, при новом всплеске строительства храмов, когда повсеместно деревянные обветшавшие церкви заменялись каменными, на южской земле появляются новые храмы или приделы, посвящённые Пресвятой Богородице. Прежде всего, следует упомянуть

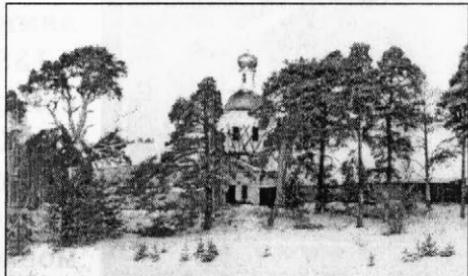
Вид на р. Тезу в районе села Хотимль.

Казанская церковь в селе Мордовское.

посвящения в честь Казанской иконы, потому что ещё изволением императора Петра I она, наряду со св. апостолами Петром и Павлом, стала почитаться покровительницей новой столицы (Казанская икона была в наших войсках во время победоносной Полтавской битвы 1709 г.)¹³. В 1765 г. была построена каменная Казанская церковь в Николо-Борковской пустыни, близ с. Холуй¹⁴. В этом храме находилась глубоко чтимая

Казанская икона, украшенная серебряной вызолоченной ризой с 40 частицами святых мощей. А ещё ранее, в 1745 г. в соседнем с. Мордовское тоже была выстроена деревянная церковь в честь этого образа. В 1799 году была выстроена деревянная Казанская церковь на юге южских земель, в с. Рыло (ныне Новоклязьминское, что недалеко от р. Клязьмы), вместо которой в 1826 г. был выстроен новый трёхпрестольный каменный храм с Казанским приделом. В XX веке к вышеперечисленным храмам в честь Казанской иконы прибавился ещё один: в Святоозерской обители вместо сгоревшей при пожаре 1903 г. Иверской церкви был отстроен новый пятиглавый собор, который в 1907 г. был освящён в честь Казанской иконы. Но Иверский престол в обители был сохранён: в 1834 г. к каменному храму преп. Афанасия Афонского был пристроен южный тёплый придел, который также был посвящён Иверской. Таким

Церковь Рождества Богородицы с Казанским приделом. Село Рыло, ныне Новоклязьминское.

образом, на южской земле были созданы 4 престола в честь образа, почитаемого нашим великим южским земляком, князем Д.М. Пожарским.

В Холуйской слободе храмоздатели тоже посвящают свои труды Пресвятой Богородице: в 1775 г. рядом с существующим Троицким храмом строится невысокая, но просторная каменная церковь в честь праздника Введения во храм Божией Матери, действовавшая практически всё время даже при Советской власти. Кроме того, в 1739 г. там была построена церковь в честь Тихвинской иконы, один из боковых приделов которой был также посвящён празднику Успения Божией Матери. Таким образом, в XIX веке на южской земле стала почитаться, кроме вышеназванных, Тихвинская икона Пресвятой Богородицы, имеющая древнюю историю, связанную с северными землями Руси: она была явлена в 1383 г. на Ладожском озере в окрестностях Тихвина, около 1530 г. ей был устроен каменный храм, а вокруг него около 1550 г. — мужской монастырь. Наибольшее почитание принесло образу явленное через него за-

Ансамбль Троицкой и Введенской церквей в с. Холуй.

Тихвинская икона Пресвятой Богородицы.

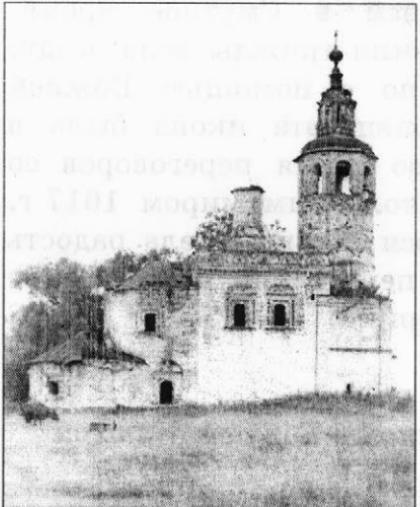
ступничество Матери Божией в Смутное время, когда в 1613 г. шведская армия трижды вела осаду, чтобы захватить обитель, но с помощью Божией защитники устояли¹⁵. Наконец, эта икона была в стане русского посольства во время переговоров со Швецией, закончившихся Столбовым миром 1617 г. Совсем недавно, в 2005 г., вся Россия имела радость встречи подлинной иконы, переданной для Русской православной церкви из Америки.

Почитание Смоленской иконы Божией Матери

Почтание Смоленской иконы Божией Матери на южской земле должно быть отмечено особо. Возможно, оно связано с появлением здесь Смоленских служилых людей, которые после взятия Смоленска польскими войсками Сигизмунда не пожелали остаться на занятой врагом территории, но со своими дворянами перешли на службу первому земскому правительству Ляпунова и Заруцкого. Было принято решение испоместить их на дворцовых землях в районе Арзамаса, Курмыша и Алатыря, но после распада ополчения (в результате гибели Ляпунова) некому было провести решение в жизнь. Крестьяне воспротивились и даже подняли восстание против новых хозяев, которые разошлись по городам Руси, ища службы и пропитания. Многие из них тогда пришли в Нижний Новгород и в составе нижегородской делегации посещали Мугреево. Кроме смолян, в Ярополческой волости по деревням стояли

Смоленская икона
Пресвятой Богородицы.

Церковь Преображения в селе Волокобино с нижним Смоленским приделом (до начала реставрации).

вяземские и дорогобужские помещики, с которыми князь Д.М. Пожарский имел деловые сношения¹⁶. Зная благочестие русских людей того времени, легко предположить, что они принесли с собой глубокое почитание Смоленской Одигитрии, главной святыни и заступницы Смоленска.

Как бы то ни было, Смоленская икона испокон века почиталась по всей Руси, принесённая сюда из Византии в 1046 г. и перенесённая в Смоленск в 1101 г. князем Владимиром Мономахом¹⁷.

По вере народа, в 1239 году она спасла Смоленск от взятия войсками Батыя. В трудные времена монголо-татарского ига эта икона около 1400 г. была принесена в Москву и только по настоятельной просьбе смолян вновь возвращена в Смоленск в 1456 г., но в столице остались её списки. Один из них – в Новодевичьем монастыре, основанном в 1524 г. (в память возвращения Смоленска) на том месте, где за 68 лет до того москвичи служили последний молебен перед отправкой святыни на родину. В 1666 г. святыня снова привозилась в Москву для поновления. В 1812 г., когда Смоленск был оставлен французам, она была вывезена артиллерийской ротой полковника Глухова в Москву¹⁸. М.И. Кутузов обошёл с ней перед битвой Бородинское поле. Митрополитом Смоленским Иларионом она была вывезена при отступлении из Москвы. После победы над Наполеоном Смоленская икона стала ещё более почитаться народом как спасительница.

сительница от галльского (французского) нашествия.

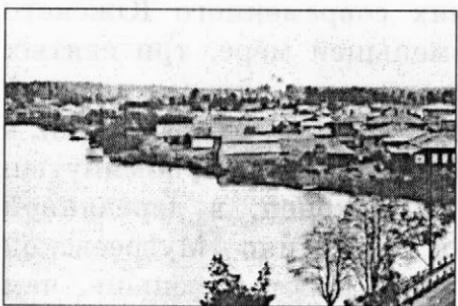
Почитание Смоленской иконы на землях Южского района восходит, по меньшей мере, к XVII веку. Её почитали на севере района в Ряполовском стане: в каменной двухэтажной церкви Преображения (1692 г.) в с. Волокобино на берегу р. Люлех ей был посвящён нижний престол. По данным церковно-приходской летописи Свято-Смоленской церкви в с. Южа, ещё в XVII веке деревянный Никольский храм имел Смоленский придел, но в переписных книгах 1628—1630 гг., где упоминается деревянный Никольский храм, к сожалению, упоминание названий приделов не предусмотрено¹⁹. Первое определённое именование Смоленского придела можно отнести к 1737 году. К концу XIX века на землях современного Южского района существовали, по меньшей мере, три святых Престола в честь этого стариинного образа: в самой Юже (в селе Южа-Никольское, ныне с. Старая Южа), в каменном храме 1795 г. постройки, вышеупомянутый престол в с. Волокобино и, наконец, в деревянной кладбищенской церкви в с. Лукино Мугреевской волости (1865 г.), это на один престол меньше, чем было посвящено Казанской иконе.

Явление Одигитрии-Смоленской в Юже

Особым почитанием на Руси пользовались явленные иконы, одна из которых — Смоленская — почтилась в с. Южа-Никольское. До нашего времени дошло не так много документированных народных преданий, восходящих ко времени ранее XIX века, и одно из них запечатлено в чудом дошедшей до нашего времени церковно-приходской летописи, начатой в 1874—1875 гг. прот. Андреем Миртовым, настоятелем Свято-Смоленского храма в Юже с 1847 г.²⁰. Предание о событиях, связанных с явлением в Юже Одигитрии

Смоленской и основанием Смоленского придела, было записано первым автором летописи со слов дьячка Никанора, одного из сыновей священника Аверкия Михайлова (1749—1824) (о. Аверкий служил в Юже с 70-х годов XVIII века до самой своей кончины). По свидетельству о. Андрея, Никанор скончался в 1860 г. в возрасте почти 90 лет. Таким образом, в лице Никанора Аверкиева мы имеем очевидца событий 220-летней давности (!), т.е. 80—90-х годов XVIII века.

Вот что записано в церковно-приходской летописи с его слов. «В древнее время на месте села была небольшая деревушка, окружённая густым непроходимым лесом... В одно время жители этой деревушки на срубленном толстом пне находят медную небольшую

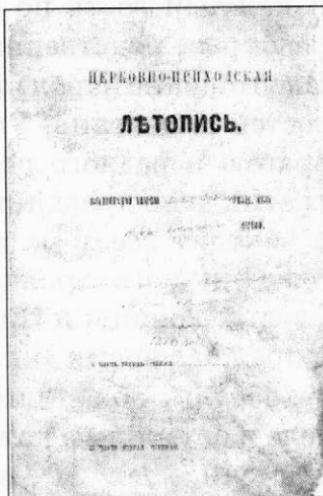
Село Южа-Никольское
Вязниковского уезда Владимирской
губернии в начале XX века.

икону Смоленской Божией Матери. Считая эту икону явленную, они надумали на этом месте построить храм и тотчас же приступили к делу, вырубивши кругом лес, очистили место и испросивши разрешения начальства на месте явления иконы, из нарубленного кругом лесу,

построили деревянный храм, посвятили имени Святителя и Чудотворца Николая, а в честь Смоленской Божией Матери устроили придел. Найденная икона хранится в храме и в настоящее время». Итак, упоминаемый в Сузdalских переписных книгах под 1628 г. Никольский храм, со слов Никанора, изначально имел Свято-Смоленский придел.

Согласно краткой описи наиболее примечательных икон, помещённой в той же летописи, самым

большим почтением в храме и самой замечательной считалась именно та медная икона Одигитрии, явление которой послужило основанием для создания храма. Престольным праздником храма почитались, по свидетельству церковно-приходской летописи Свято-Смоленской церкви, 6 декабря (19 декабря н. ст.), зимняя память святителя Николая, и 28 июля (10 августа н. ст.), день памяти Смоленской иконы Божией Матери²¹. Но южский народ отмечал и другие праздники, посвящённые Пресвятой Богородице. По свидетельству жителя Южи И.П. Трусова (1892—1974), «религиозных праздников в деревнях много, например, начиная с весны: Троица, Духов день, Владимирская икона Божьей Матери, Восьмая пятница, Боголюбовская, Петров день, Владимирская икона Божьей Матери, Ильин день, ранней весной Вознесение, Смоленская, и так дальше к осени Успение, Воздвижение, Казанская осенняя, Покров и многие-非常多的 другие»²². Из 14 названных праздников осенне-летнего периода 7, то есть половина, посвящены Пресвятой Богородице и её иконам. Вот описание праздников, согласно летописи, которое приводим почти полностью (описание 1875 г.): «После обедни поднимаются из храма святые иконы и в сопровождении всего почти приходского народа относятся в праздничную деревню. Здесь прежде всего на конце деревни совершается водосвятный молебен, после которого святые иконы обносятся вокруг деревни в сопровождении священно-церковнослужителей с пением ду-

Титульный лист рукописи
Церковно-приходской
летописи
Свято-Смоленской церкви,
1876 год.

Село Преображенское
Южского района.

ховных песней и окроплением Святою водою полей. Молебны служатся во время обхода и в других местах: на полях, на перекрёстках дорог и, наконец, один общий молебен служится Празднику с во доосвящением среди деревни. По окончании общего молебна священно-церковнослужители, после небольшого отдыха обходят со святыми иконами все дома деревенских жителей и служат молебны на дворах. Этим оканчивается духовное торжество в деревне, и иконы переносятся в другую деревню тем же порядком, и совершаются такие же Богослужения, а народ, оставшийся в первой деревне, принимается за угощение. Гостей собирается на Праздник со всего прихода, иногда очень много, и каждый гость по порядку ходит из дома в дом, не разбирая, родственники ли его живут в доме, или нет. На угощение народ приходский очень добр и при приёме гостей приветлив. Угощают обыкновенно вином, чаем, брагою и разного рода закусками. На другой, или на третий день праздника причт опять является в деревню и обходит все дома жителей, окропляя их, при пении праздничного тропаря, Святою водою. В праздники Святой Троицы и Смоленской Иконы Божией Матери, в прежнее время священно-церковнослужители утром, до обедни, обходили со святыми иконами все дома в селе и служили в каждом доме молебны, но с недавнего времени, лет 10 назад обычай этот, по причине чрезвычайной трудности служения причту, с согласия жителей села, изменён и обходить с иконами дома и служить в них праздничные молебны установили за несколько дней до праздника».

Летопись сохранила для нас упоминание и о другой форме почитания Пресвятой Богородицы в Юже – принесении сюда с крестными ходами читимых святынь. На листе 23 рукописи говорится: «Село Южа имело благодатное утешение несколько раз принимать у себя Чудотворную Икону Боголюбивыя Божия Матери, из Боголюбского монастыря. В каждый раз принесение иконы в Южском приходе составлялся в честь её Праздник и Богомолье и святую Икону обносили по многим домам прихожан для освящения их и служения молебнов. Несколько также раз приносилась в Южу Чудотворная Икона Успения Божией Матери из Флорищевой пустыни. Святой иконе також учреждались Праздники и обносили её по домам».

Флорищевская Успенская пустынь – это общежительный мужской монастырь, примерно в 40 км от Южи на юго-восток, в описываемое летописью время относился к Гороховецкому уезду Владимирской гу-

Крестный ход на улицах Южи. Начало XX века.

бернии, его развалины ныне находятся на территории Нижегородской области. Обитель была устроена на берегу р. Лух в 1651 г., имела 4 каменных храма и 69 насельников²³. Летопись, в разделе современных церковно-приходских событий, упоминает о пронесении через с. Южа Успенской иконы в 1878 и в 1880 гг., причём в последней записи указано и число – 13 июля. В честь иконы в храме было совершено специальное богослужение. Эта икона, как наиболее чтимая святыня обители, хранилась в соборном храме Флорищевой пустыни. Она была написана Симоном Ушаковым ещё для деревянной церкви и считалась чудотворной, о чём имеется свидетельство в жизнеописании митрополита Сузdalского Илариона²⁴. Икона была большого размера, 2 аршина в высоту и 1 3/4 аршина в ширину. Богомольцы, благодарные Божией Матери за те исцеления и вспоможения, которые они получили через этот образ, украсили его ризами с драгоценными украшениями: золотом, серебром, китайским жемчугом, аметистами и даже алмазом, вставленным в венец Спасителя.

Традиция крестных ходов, иногда многодневных и многоступенчатых, была широко распространена на Руси XIX – начала XX века. Очевидно, что и южский край был приобщён к этой форме христианского благочестия, но исторические данные об этом надо ещё собирать. Известно, например, что в Свято-Езерской Иверской пустыни почиталась чудотворной Иверская икона Пресвятой Богородицы, хранившаяся после постройки там Казанской церкви у правого клироса. Икона была богато украшена позолотой, слюдой и жемчугом. С этой иконой совершались ежегодные крестные ходы в находящееся в 12 верстах с. Нижний Ландех, где икона пребывала некоторое время и потом возвращалась в обитель²⁵. Известно также о традиции крестных ходов на праздник Троицы из Николо-

Борковской пустыни в Холуйскую слободу и обратно, а также проводимые духовенством пустыни крестные ходы 1 августа, 26 сентября и в Преполовение Пятидесятницы.

Об атмосфере, царившей в православном народе в праздник принесения чудотворной Успенской иконы, можно отчасти судить по фотографиям крестного хода, относящимся к началу XX века, где видна огромная толпа фабричного люда и святыни с духовенством впереди. Сохранилось описание атмосферы Богородичного крестного хода 1915 г. князя А.Д. Жевахова, когда в Харьков, по пути в императорскую ставку в Могилёве, привозилась Песчанская икона Пресвятой Богородицы. Думается, для представления о праздничных переживаниях в Юже, уместно здесь привести отрывок из этого описания. «Шествие началось... Народ почтительно расступался, давая дорогу. Ещё момент, и дивный образ Богоматери показался народу, стоявшему на площади. Я никогда не забуду этого момента... Я чувствовал, как волна религиозного экстаза захватила меня и уносила всё дальше и дальше от земли... Я не видел ни чудотворного образа, ни людей, которые несли его и шли за ним; я видел только Божию Матерь, Ея Пречистый лик, Ея безмерную любовь, изливаемую на грешных, немощных людей... И то, что испытал я, то испытывали, вместе со мною, все эти десятки тысяч народа, и я понимал, почему эти люди плакали, почему оглашали воздух громкими стенаниями и рыданиями, почему эта огромная толпа, всегда живая и жизнерадостная, всегда гордая и самоуверенная, вдруг смолкла и приникла... Потому что в этой толпе не было ни одного человека, который бы не содрогнулся при встрече со святынею, озарившей его внутреннюю, греховную скверну и смирившей его; потому что все вдруг почувствовали тот страх Божий, который обесценил в их глазах всё

земное и напомнил о Страшном Суде Господнем... И слёзы раскаяния смывали эту скверну и делали человека смелее и дерзновеннее, и он, с надеждою, простирая свои грешные руки к Богоматери и тянулся к Ней, и покорно шёл за толпою, сосредоточенный и смиренный... Там была та бесконечная любовь русского народа к Матери Божией, та несомненная вера в Ея небесную помощь, какая ждёт чуда и творит чудо; там было такое раскаяние и самобичевание, какие изгоняют всякую стыдливость, и робость, и смущение, какие с корнем вырывают всякий грех, всё то, что мучило и терзало человека, о чём напоминала совесть...»²⁶.

Сохранение веры в годы церковной разрухи

Революция расколола русское общество, сделала явным то идеиное расхождение, которое появилось в нём ещё с XVIII века. Сказалось оно и на южских жителях, одни из которых разрушали храмы, а другие отдавали жизни за сохранение святынь предков. По разные стороны идеологического рубежа встали отцы и дети. Например, Александр Пырёнков был в первые годы после революции алтарником Свято-Смоленского храма, а его сын Иван, когда-то в юности тоже прислуживавший в алтаре, стал в конце 30-х, по словам старожилов, одним из организаторов закрытия и разрушения церкви. Иван Петрович Трусов вспоминает о своём отце, прихожанине Покровской церкви

Развалины Свято-Смоленской церкви в 2000 году.

ви в с. Груздево: «Мой отец Пётр Яковлевич был религиозным мужиком, он редкое воскресенье не был в церкви, а если по какой-либо причине не приходилось ему быть в церкви, то он во время обедни читал псалтирь, тихонько напевал псалмы, стихи, молился, и во всё время, как идёт обедня, не ел, не ела и вся семья». А через несколько строк продолжает: «Отец жил бедно, хотя и не был пьяницей. Бог помогал ему за все Ему от отца дани – плохо. Впоследствии из нас вышли атеисты, нам что-то не привилось такое усердие к Богу как отца»²⁷. Эти страницы южской истории ещё нуждаются в своих исследователях.

О том, что свой прекрасный храм, посвящённый Божией Матери, горячо любили и не забывали прихожане, немало свидетельств. Вот, например, строчки из письма Нины Васильевны Быковой (урожд. Хохловой), внучки Павла Никольского, дьячка Свято-Смоленского храма с 1887 по 1915 г.: «...Я мысленно побывала в родной церкви – всю ночь вспоминала о ней. Такая она светлая, красивая внутри. Двери, откуда выходил священник вести молитвы (т.е. Царские врата. – с.А.Л.), были с очень красивым узором и широкие, хорошо освещены. Потолка в церкви как будто не было... Очень много красивых, светлых икон, и над ними сверху висели ангелы, очевидно, покрытые серебром. Я ими восхищалась и не видела такого в других церквях. В церкви всегда было светло от солнца из боковых окошечек...»²⁸. Любовь Владимировна Трусова (Калёнова), 1928 года рождения, вспоминает: «Храм был такой красивый, в нём такие иконы! А какое пение! Такая красота была. А звон-то какой, как далеко было слышно!»²⁹. Она сохранила через все советские годы медный крест, который, будучи молодой девушкой, подобрала, несмотря на угрозы, в притворе разрушенной Смоленской церкви в начале 50-х годов и вернула возрождённому храму на праздник

Свято-Смоленская церковь в начале
XX века.

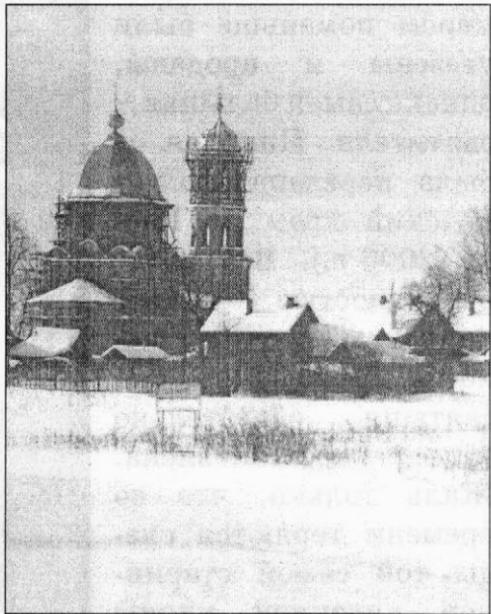
семьи отмечали Рождество, Пасху, другие любимые праздники, прививая детям свою любовь к Богу и Церкви.

О том, что благочестие в южском народе сохранялось и через десятки лет после закрытия храмов, свидетельствуют многие факты. Например, при открытии православного прихода в 1993 году в здании магазина в Старой Юже, многие пожилые люди понесли в устроенную там домовую церковь ценнейшие старинные иконы, передавая в дар священнику со словами, что это иконы из разрушенной Смоленской церкви, которые они сохранили. К сожалению, эти даяния не были должным образом оприходованы, и их судьбой занимаются в уголовном розыске. Характерен и такой факт, что районная власть предполагала открыть аттракционы в «парке» у нового автовокзала (вдоль ул. Арсеньевка), на самом деле, на бывшем, совсем недавно закрытом (в 40-е годы XX века) кладбище, и только всеобщие протесты помешали кощунникам осквернить родовые могилы сотен южских семей. Пафос осквернения вылился в решение властей провести через кладбище канализационный коллектор к зданию

210-летия в 2005-м году. Думается, среди старажилов можно ещё собрать не один десяток историй о том, как люди сохраняли верность Богу и православной вере в страшные годы атеистических преследований. В.А. Рузгис, З.М. Мусатова, Н.В. Быкова – все вспоминают, как за закрытыми шторами их семьями отмечали Рождество, Пасху, другие любимые праздники, прививая детям свою любовь к Богу и Церкви.

нового автовокзала. По свидетельству Ю.И. Кошелева, через дедовские могилы которого прошла траншея, он с болью отбирал у мальчишек черепа, которых было выкинуто на поверхность столько, что они ими «играли в футбол».

Нужно отметить готовность общины постоять за свой храм. В архивном отделе администрации мы находим немало коллективных писем и списков с подписями свято-смоленских прихожан (равно как и прочих храмов на южской земле) 1923—1925 гг., с просьбами к исполнку передать имущество храма на баланс общины и выплачивать связанные с этим налоги на имущество, только бы сохранить богослужение в любимом храме. Зная отношение атеистической власти к верующим, люди не боялись ставить свои подписи и адреса под этими документами. Свято-Смоленский храм был закрыт в 1939 году, по рассказам, была мысль взорвать его, потом отложили. По словам Е.В. Сметанина, занимавшего в конце 80-х годов должность председателя Южского районного общества охраны памятников истории и искусства, в эшелонах администрации были устные обсуждения судьбы церковного здания, но порешили, что его не стоит причислять к памятникам, да и ломать тоже не стоит, пусть, мол, так и остаётся в руинах, со временем самоликвидируется.

Восстановление Свято-Смоленской церкви, 2007 год.

Остается сказать и о народном упоминании. Любовь Александровна Резчикова (урожд. Бекетова), 1927 г. рождения, жительница Старой Южи примерно с 1959 года, до самого времени возрождения Смоленской церкви (до лета 2001 года) хранила у себя в доме большую, высотой больше метра, икону Владимирской Божией Матери из разорённого храма, которую ей, тогда молодой женщине, отдали пожилые прихожанки (имена точно не помнит) на сохранение до тех пор, пока церковь снова не будет открыта. И в «магазин» (так здесь кратко именовали домовую церковь,строенную в 1993 г. в бывшем магазине Старой Южи) она её не отдала. Последний факт не одиночный: в народе сохранялась стойкая уверенность в скором окончании атеистического безумия. Точно с таким же наказом передала перед своей кончиной (ок. 1946 г.) многие сохранённые храмовые иконы благочестивая прихожанка Смоленской церкви Феодосия Васильевна Земцова (иконы размером поменьше были увезены и проданы, однако самая большая — святителя Николая — была передана в Смоленский храм на Пасху 2006 г.). Всё это очевидностью являет народную веру в вечность храма, в то, что святыни обязательно будут восстановлены. Жаль только, что во времени теряются следы той самой старинной явленной иконы Одигитрии-Смоленской

Образ Св. Николая, возвращённый храму в 2006 году.

(медной), о которой упоминал в своей части летописи прот. Андрей Миртов. Данных о ней мы не находим ни в описи 1911 года, ни в составленной большевиками описи 1922 года. В «Историко-статистическом описании церквей и приходов Владимирской епархии» священника В. Добронравова³⁰ есть о ней только краткое упоминание: «Смоленская икона Божией Матери почитается в приходе явленною», но где и как она хранилась в храме – умалчивается. Судьба этой святыни после закрытия и разрушения Свято-Смоленского храма совершенно неизвестна. Относительно других, в том числе Богородичных, икон Смоленской церкви существует целый ряд устойчивых преданий, что многие из них были взяты либо в краеведческий музей, основанный И.В. Гусевым при детском доме на Борке (устроенном на территории Николо-Борковской пустыни), во время руководства там А.И. Бормотова (там была собрана ценнейшая экспозиция, не сохранившаяся после кончины Гусева Южским отделом культуры); либо в краеведческий музей фабрики, экспонаты которого со временем были переданы в Южское ПТУ. Одним словом, судьба столь чтимых и ценных святынь требует тщательного выяснения у очевидцев и проверки фактов.

О почитании Неопалимой Купины на Синае и в России

Как выражается церковный народ, «по воле Божией» в духовную историю Южи вошло в конце XX века незаурядное событие – явление иконы “Неопалимая купина”. Явление икон – не столь уж редкое в масштабах всей Руси, но очень значимое событие для христианской жизни любого края и тем более отдельного селения. Народное благочестие

всегда тщательно сохраняло для потомков мельчайшие подробности встречи земного и горного мира. Подобает и нам тщательно рассмотреть происшедшее событие.

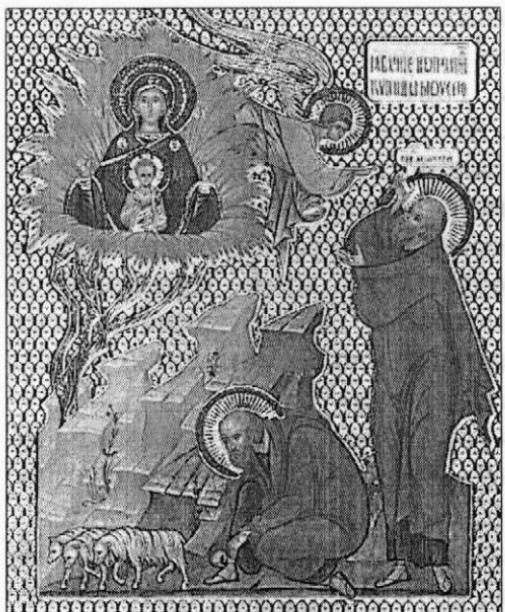
Прежде всего познакомимся со значением образа Неопалимой и его происхождением. Почитание Неопалимой принесено на Русскую землю с востока, со Святой земли, Синайскими иноками ещё в 1390-м году³¹. Икона “Неопалимая купина” представляет из себя образ Одигитрии в огне, заключённый в два контрастных ромба (синий и красный, или зелёный и тёмно-вишнёвый). Они символизируют соединение в Деве Марии несоединимого – Девства и Материнства, Божества и человечества. Более ранний тип этого изображения – горящий терновый куст, над которым изображается Пресвятая Дева с Богомладенцем на руках.

Происхождение этой православной иконы очень древнее, относится к первым векам христианства и связано с духовной историей Синая и Синайского монастыря святой великомученицы Екатерины. В 3-й главе книги Ветхого Завета «Исход» повествуется о

Икона Пресвятой Богородицы
Неопалимая Купина.

Богоявлении святому пророку Моисею, когда, занимаясь выпасом овец на горе Хорив (бibleйское именование Синая), он увидел чудесное знамение: терновый куст, горевший огнём, но не сгоравший в нём. В этот момент глас Божий возвзвал к Моисею из куста: «Не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая... Я увидел

Богоявление св. пророку Моисею в
Неопалимой Купине.

ваших послал меня к вам". А они скажут мне: "как Ему имя?" Что сказать мне им?» Бог сказал Моисею: «Я есмь Сущий (Иегова)». И сказал: «так скажи сынаам Израилевым: Сущий послал меня к вам».

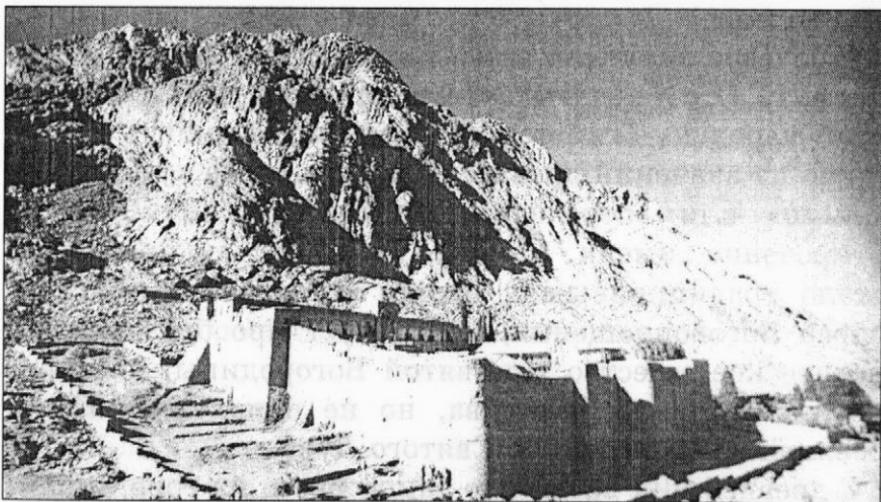
Ключевое значение этого Богоявления трудно переоценить. Это и посланничество пророка, чтобы извести свой народ из Египетского плена и совершил Пасху (одно из значений древнееврейского слова «пейсах» – «мимо» или «переход»), это также и ПЕРВОЕ (!) откровение имени Самого Бога, и, наконец, что стало традиционным в нашем богословии, это прообраз Бого воплощения, когда куст прообразовал человеческое естество Пресвятой Богородицы, охваченное посещением Божества, но не попалённое Им и освящённое благодатью Святого Духа.

С древнейших времён то самое место на горе Синай, где, по преданию, Бог возвзвал к пророку Моисею,

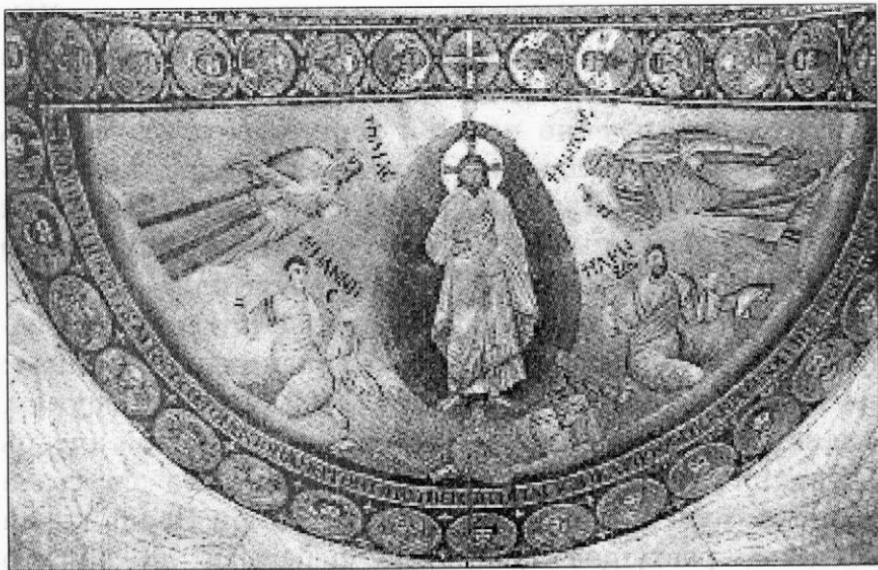
страдание народа Мого в Египте ... и иду избавить его от руки египтян и вывести его из земли сей в землю хорошую и пространную... Итак пойди: Я пошлю тебя к фараону; и выведи из Египта народ Мой, сынов Израилевых... Когда ты выведешь народ из Египта, вы совершил служение Богу на этой горе». И сказал Моисей Богу: «вот, я приду к сынаам Израилевым и скажу им: "Бог отцов

является местом паломничества и поклонения. Ещё преследования со стороны римских язычников привели христиан с III века на гору Хориву (южная часть горного массива Синай). Вот свидетельство паломницы IV века из Испании – Этерии, чьи записи дошли до нашего времени: «В начале долины было много келий отшельников, и ещё церковь с кустом. Куст растёт до сих пор и даёт отростки. Это куст, о котором я уже рассказывала, из которого Бог в пламени огня обратился к Моисею. Там, где перед церковью растёт куст, разбит очень приятный сад»³².

Природа тех мест очень сурова, практически не приспособлена для жизни человека. Но монахи продолжали прибывать на Синай. Это были отшельники, жившие в одиночку в пещерах в крайней нужде. Они молились одни и сами добывали себе пропитание. Лишь в праздничные дни отшельники собирались возле Неопалимой купины, чтобы послушать своих духовных наставников и получить святое Причастие. В правление императора Константина, принявшего христианскую веру, монахи обратились с прошением к матери Константина, Елене, ища её поддержки. В

Свято-Екатерининский монастырь (VI век) на горе Синай.

Мозаика Преображения Христа-Спасителя (VI век).

330 году по повелению св. равноапостольной царицы Елены возле Неопалимой купины была построена маленькая церковь, посвящённая Благовещению, и башня – убежище на случай нападения кочевников.

Спустя два с лишним века император Юстиниан приказал построить мощные монастырские стены, окружившие предшествующие постройки св. Елены, и замечательную церковь, которую он тоже посвятил Богоматери, поскольку, согласно толкованию св. отцев, Неопалимая купина символизирует Благовещение. В церковных песнопениях, посвящённых Богородице, мы неоднократно слышим: «Яко же купина не сгараще опаляема, тако, Дево, родила еси», «Радуйся, Купино неопалимая» и т.д. В конце VI века, уже после кончины Юстиниана, в этом храме руками самих монахов была сделана удивительная по своей красоте и достоинству фреска «Преображение Господа Иисуса Христа». Так монахи запечатлели в произведении своего искусства собственный опыт видения Фаворского света, учение о котором было завершено святителем Григорием

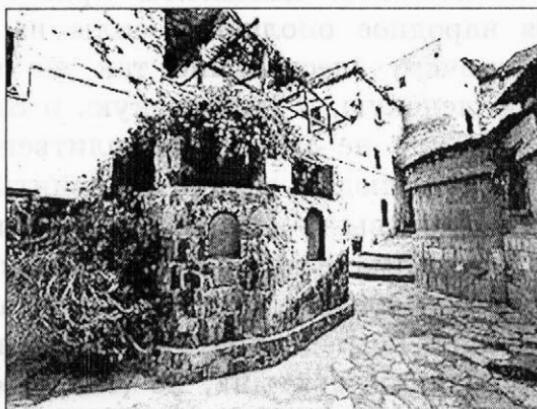
Паламой в споре исихастов с варлаамитами в конце XIV века. Оба пророка, явившиеся с Господом апостолам на горе Преображения, Илья и Моисей, были удостоены Богоявления именно на этой горе Хорив, где теперь подвизались отшельники. Учитывая причастность Самой Девы Марии к неизреченному свету благодати Божией, церкви с тех пор усвоили наименование «Церковь Преображения Христа-Спасителя».

В монастыре сохраняются древнейшие иконографические образцы иконы «Неопалимая купина»: изображение Богоматери с Иисусом Христом на руках, сидящей в центре Неопалимой купины. Святой алтарь часовни расположен не как обычно, над святыми мощами мучеников, а над корнями самой Неопалимой купины, растущей пышными побегами до нашего времени. В апсиде часовни – мозаичное изображение Креста X века. Каждую субботу в часовне служится Божественная литургия.

По сведениям насельников монастыря, куст, буйно растущий у стен часовни, был в незапамятные времена пересажен со своего первоначального места произрастания, чтобы над его корнями можно было построить святой алтарь. По свидетельству местных жителей, это единственное подобное растение на всём Синайском полуострове, причём все попытки его пересадить и развести в другом месте не имели прежде успеха, вплоть до 90-х годов XX века. Тогда, по личному свидетельству игумении Иерусалимского Горненского монастыря Русской православной церкви мат. Георгии, произошло чудо: не от корня, не от побега, а от засохшего листочка пошли побеги, и теперь в этой обители тоже пышно произрастает куст, отприск синайской Неопалимой купины³³. Растение это вечнозелёное, слегка похожее на малину, также даёт побеги от корней. Веточки и черенки листьев усеяны колючими иголочками.

Плодов не даёт. Листья его имеют своеобразную форму, тоже слегка напоминающую формы листа малины, но рисунок более мелкий. Паломники, посещающие Екатерининский монастырь на Синае, имеют сегодня возможность увезти памятный подарок — вделанные в рамочку под стекло листочки с черенками с этого освящённого присутствием Божиим куста.

С XIV века греческие и палестинские путешественники снова, после монгольского разорения, стали попадать на Русь. Около 1390 года синайскими монахами в дар великокняжескому семейству в Москву была привезена икона Неопалимой купины, написанная, по их словам, на камне с той горы, где святыму пророку Моисею было Богоявление в терновом кусте. До революции она хранилась в Благовещенском соборе Кремля³⁴. В Москве, в Хамовниках, примерно в XVII веке был построен храм, посвящённый Неопалимой купине, главной святыней которого была чудотворная икона Неопалимой, перенесённая сюда из Грановитой палаты Кремля. Драгоценная риза с неё во время событий 1812 г. была украдена и чудесным образом возвращена польским солдатом. Икона издревле почитается как защитница христианских домов от пожаров и огненной стихии. Последование Неопалимой купине, принесённое со Святой земли, поётся синайскими иноками во время грозовых бурь. В г. Славянске Харьковской губернии, когда там в 1822 г. случились многочисленные пожары, образ Неопа-

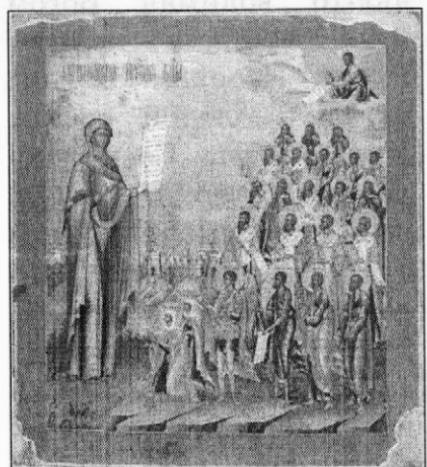
Куст Неопалимой Купины, пересаженный во двор монастыря.

лимой был написан по благословению во сне, и тотчас была обнаружена их виновница — поджигательница малоумная девица Мавра³⁵. Почитателем этого образа Божией Матери был и святой пастырь прот. Иоанн Кронштадтский, по его благословению его духовная дочь игумения Таисия (Солопова) в 1904 году основала единственный в России монастырь в честь Неопалимой Купины — Парфеневскую пустынь близ Череповца.

*Сказание о явлении в граде Юже
Пресвятой Богородицы, иконы “Неопалимая купина”
и её отпечатка на сосновом древе*

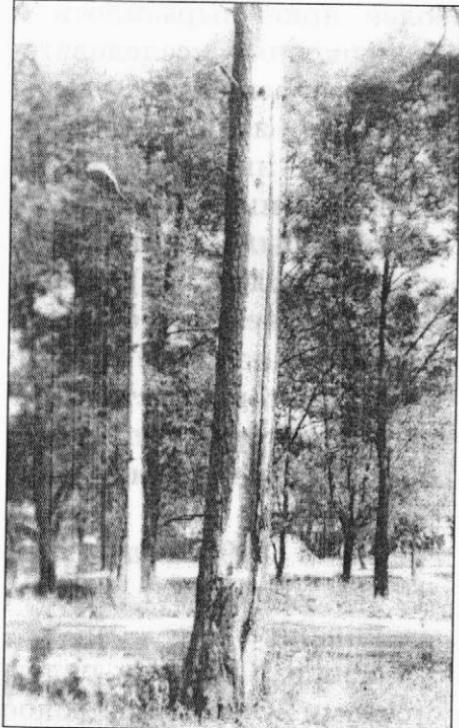
На Руси найдется немало святых мест, история которых связана с явлением Пресвятой Богородицы и её икон. Выше уже упоминались такие явленные богородичные святыни, как Боголюбская и Казанская иконы, первая из которых связана с явлением князю Андрею Боголюбскому Самой Пресвятой Богородицы, с изволением оставить перевозимую им в Сузdalь икону во Владимире, а вторая — с обретением святыни, укрепившей православие в неспокойном Казанском крае и вдохнувшей потом в народное ополчение силы на освобождение Руси. Впрочем, здесь точно так же можно упомянуть и Смоленскую, и Тихвинскую, и Владимирскую иконы. Чем, как не духовным молитвенным порывом тысяч русских людей, можно объяснить многократное спасение Москвы в, казалось бы, безвыходных ситуациях? При внимательном исследовании истории очевидно, что всенародный отклик на подаваемую через иконы Божию помощь приводил не только к общерусскому почитанию святынь, но (это и есть, наверное, тайна русской истории!) и к такому духовному движению, энтузиазму, что происходило изменение исторических

судеб Отечества (что наиболее ярко выразилось в событиях 1612 года). Даже нецерковные исследователи согласны, что на историческое решение Кузьмы Минина оказало влияние бывшее ему явление (неважно, во сне или наяву) Троицкого игумена Сергия (моленной иконой которого, кстати, была Одигитрия, то есть Смоленская)³⁶. Поэтому дальнейшие события в Юже, связанные с посещением этого места Пресвятой Богородицей и новым явлением Одигитрии-Неопалимой уже в наше время, в 1996 году, просто не допускают их замалчивания.

Икона Пресвятой Богородицы
Боголюбская.

дям требовался новый храм. В 1895 г. недалеко от фабрики на завещанные средства почившего Леонида Балина устроили богадельню с храмом, в честь св. апостола Асигкрита, духовного покровителя фабриканта А.Я. Балина. Храм потом перестроили и расширили. Устроили и новое кладбище, а на нём в 1900 г. построили ещё деревянную шатровую часовню. Фабричный поселок стал в 1923 году городом Южей, а исторический центр – селом Старая Южа со Смоленским храмом. В 1924 году городской храм был закрыт (ныне это здание школы № 6), часть его имущества национализирована, а остальное передано в храм Смоленской иконы Божией Матери, который оставался действующим до 1939 года. Когда в том же 1924 году разорили часовню на фабричном кладбище

Сосна, вобравшая в свою сердцевину медную икону Неопалимой Купины, рассечённая молнией в 1992 году.

зарастать, но немного проглядывала из-под коры. Потом про неё совсем забыли. То, что произошло дальше, можно назвать чудом.

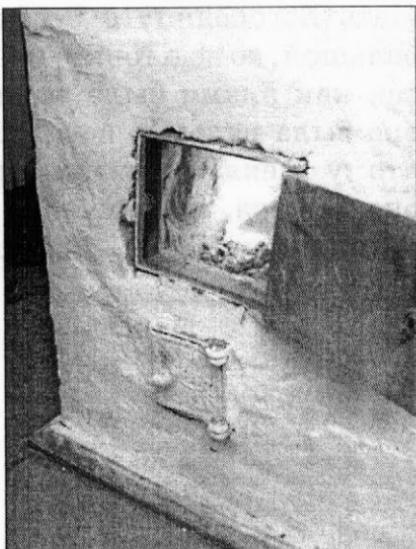
В июле 1992 года именно в это дерево попала молния, расщепила сосну сверху донизу, отчего дерево засохло. У южского художника-краеведа В.А. Клокова это событие даже было отмечено в записной книжке: «В конце июля 1992 г. была сильная гроза. Молния расщепила сосну от вершины до корня, сняв кору и оставив полосу шириной 15—20 см, и глубиной 7—8 см». Через четыре года засохшее дерево пришлось свалить с корня на дрова (на пне мы насчитали около 70 годовых колец), которые городской администрацией

(это и есть городской парк возле автовокзала, через который прокладывали коллектор), может быть, в более позднее время, чья-то водимая Богом рука прибила медную икону Неопалимой над веткой молодой сосны, для молитвы. Сосна росла прямо между тротуаром и проездной частью улицы Арсеньевка. Жительница Южи Утлякова (урожд. Костерина) Эльвира Васильевна, 1929 года рождения, свидетельствует, что после войны (т.е. в конце 40-х — начале 50-х), эту иконочку на сосне ещё можно было видеть прохожим: она стала

были предложены проживавшей неподалеку семье Кошелевых. Семья Кошелевых была обычной четой пожилых людей, трое детей к тому времени со своими семьями разъехались по крупным городам, сами же они были пенсионеры. Разве только можно отметить, что Юрий Иванович был одним из тех, чьё решительное сопротивление не позволило советской администрации Южи устроить очередное кощунство — аттракционы на могилах предков, а Евдокия Николаевна (урожд. Сесягина) была родной внучкой диакона Ивана Николаевича Сесягина (сконч. в сер. 40-х гг.) из с. Сакулино Палехского района, того села, куда была увезена деревянная церквушка, построенная южскими крестьянами на месте обретения Смоленской иконы. Ничего не подозревая, Кошелевы купили у городской коммунальной службы

распиленный на части ствол, всё распилили на чураки, раскололи и «приложили» в поленницу.

19 ноября 1996 года Юрий Иванович Кошелев затопил в своём доме печь, подбросил ещё дров и, решив помешать, с кочергой в руках открыл дверцу... Вот как описывает прошедшее сам хозяин: «...В ореоле огня я увидел Пресвятую

Печь в доме Кошелевых, где была обретена медная икона.

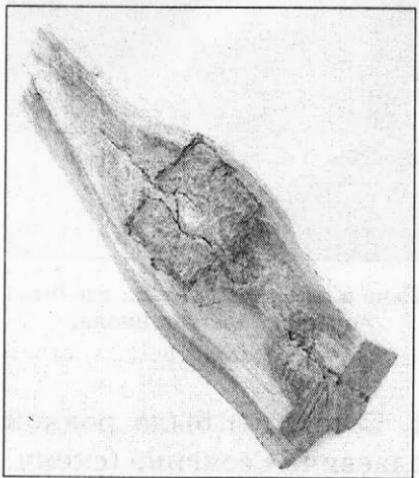

Явленная икона Неопалимой купины.

Мать Богородицу с Ребёнком на руках. Икона была большой, во всю топку, и казалось, что она шевелилась, так как пламя было живым. Я сказал об этом жене, она была рядом — пекла блины. На что она ответила, что у меня «поехала крыша». Я крикнул, чтобы она бежала, заглянула в топку сама. Убедившись в истине моих слов, Евдокия схватила совок и стала вытаскивать полено. Оно оказалось с иконой. Я подставил ведро с водой, выхватил полено из огня и опустил в воду, потом бегом побежал на улицу, чтобы не напустить дыма в дом. На улице я отсоединил икону от полена, оставил полено на улице, а икону принёс домой. Взяв тряпочку, я стал оттирать икону, и она засияла, как бы не была в огне и печи».

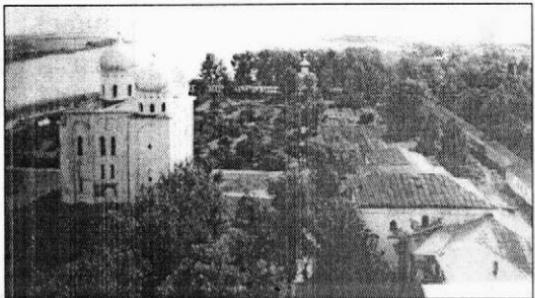
Полено с отпечатком Неопалимой Купины.

Медная икона была небольшой, 9×10 см. Она так вросла в ствол дерева, что Юрий Иванович даже не заметил её при колке дров. С иконочкой сразу сняли копию, а Евдокия Николаевна перерыла всю поленницу — и нашла второе, не сожжёное полено, примыкавшее к иконе с другой стороны. На нём был отпечаток лицевой стороны образа. Через день, в праздник архистратига Божия Михаила, находку отнесли показать в действовавший приход св. Асинкрита. Служба как раз закончилась, и батюшка уже шёл навстречу. Он сразу узнал изображение — «Неопалимая купина». Как предположил священник, икона когда-то была покрыта цветной эмалью. На взволнованный рассказ Кошелева о чудесных

обстоятельствах находки явленного образа служитель Божий не обратил внимания, куда-то торопился.

Сердце подсказывало Юрию Ивановичу, что произошло какое-то важное событие, которое нельзя замалчивать. Ведь Божия Матерь явилась! Он сразу сообщил о случившемся своим верующим дочерям, проживающим в Великом Новгороде. Одна из них, Ирина, работает в реабилитационном центре прямо возле стен древнего Свято-Юрьева монастыря. Так случилось, что о Явлении узнал правящий Новгородский архиепископ Лев, который, вникнув в переданный ему рассказ Кошелевых, признал икону Неопалимой Купины явленной и попросил южских жителей передать икону в Юрьев монастырь. Юрий Иванович вспомнил завет своей матери-христианки, что, найдя икону, её нужно отдать в храм Божий, и выполнил просьбу владыки, отдал находку. Так случилось, что именно в это время в Юрьевском монастыре готовился к освящению храм в честь Неопалимой купины. Владыка увидел в этом Промысле Божий и благословил мастеров вделать явленную икону в большую доску, написав на ней корону дерева и двух ангелов подле него, благоговейно держащих образ на руках. В таком виде явленная икона стала почитаться в монастыре, она лежала на аналое Неопалимовского храма, где насельники монастыря творили ежедневное молитвенное правило. К сожалению, в 2001 году святыня была украдена из монастыря паломниками, и её следы теряются в

Общий вид Новгородского Свято-Юрьева монастыря (XIII век).

Ленинградской области.

Нужно отметить ещё целый ряд удивительных совпадений, в котором верующие люди видят прямое «Божие водительство». Дело в том, что Южу со Свято-Юрьевым монастырём издревле соединяли молитвы ревностного архипастыря епископа Виктора (Онисимова) (сконч. в 1817 г.), который много лет был архимандритом древней Новгородской обители (1775—1782), а с 1783 по 1800 г. правил Владимирской, затем объединённой Владимиро-Сузdalльской епархией, в которую входило село Южа-Никольское³⁷. По его благословению в 1795 году в Юже был освящён вновь построенный каменный Свято-Смоленский храм. Конечно, владыка знал, что старый Никольский храм построен на месте явления медной иконы Одигитрии и, возможно, лично благословил в новом храме главный придел освятить в честь образа Смоленской. Церковно-приходская летопись свидетельствует, что однажды владыка лично посещал Южу и даже ночевал здесь, не благоволив принять гостеприимство кого-либо из причта, но разбив за селом особый шатёр³⁸. Сведённый с кафедры императором Павлом I, владыка был снова отправлен «на смиление» в любимый им Новгородский Свято-Юрь-

Неопалимая Свято-Юрьевы монастыря с предстоящими ангелами.

Северная стена Свято-Юрьева монастыря с больничным корпусом и домовым храмом Неопалимой Купины.

владыка лично посещал Южу и даже ночевал здесь, не благоволив принять гостеприимство кого-либо из причта, но разбив за селом особый шатёр³⁸. Сведённый с кафедры императором Павлом I, владыка был снова отправлен «на смиление» в любимый им Новгородский Свято-Юрь-

ев монастырь, откуда позже был переведён в Хутынский монастырь, где скончался 29 марта 1817 г. и погребён³⁹. Другая нить, связывающая южский храм со Свято-Юрьевым монастырем, — образ Неопалимой купины. По свидетельству описи имущества Свято-Смоленской церкви, в главном алтаре слева от горнего места находилась двойная икона небольшого размера — Вознесения Господня и Неопалимой купины (сведений о причинах почитания Неопалимой в Юже на то время не имелось). В Юрьевом же монастыре почитание иконы Неопалимой купины было введено архимандритом Фотием (П.Н. Спасский, 1792—1838) по таким обстоятельствам: будучи строителем этой обители с 1822 г. (своими средствами ему помогала в строительстве графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская), он начал много новых построек, но несколько раз всё сгорало от пожаров. Тогда около 1824 года по его благословению был построен южный больничный корпус с храмом в честь иконы Неопалимой купины⁴⁰, после чего пожары в обители прекратились (архимандрит Фотий даже составил акафист в честь этого образа, который, к сожалению, не был издан и находится в запасниках Синодального архива). И вот теперь, спустя почти два века, не принятая духовенством Южи явленная икона Одигитрии-Неопалимой ушла в канун возрождения своего Неопалимовского храма в Свято-Юрьев монастырь, где её когда-то так чтили (откуда она и была похищена в 2001 году).

Чтобы понять духовный смысл события, обратим внимание на некоторые детали свидетельства Кошелевых (в разное время сделаны аудио- и видеозаписи их рассказа). В огне Юрий Иванович увидел изображение Богородицы не такое, как на иконе. Да, Матерь Божия была с Ребёнком на руках, но размер сотканного из огня образа был, по его свидетельству, намного большим, чем на иконе, во всю топку, и взгляд и у Богоматери,

и у Богомладенца был живой. Это же подтверждает супруга, Евдокия Николаевна, которая, как мы видели выше, была вначале настроена критично к видению своего супруга Юрия Ивановича, пока сама не убедилась в реальности Явления. Итак, видение Кошелевых не было простым отражением лика иконы в языках пламени, но Явлением Самой Богородицы с Божественным Младенцем на руках. Видение продолжалось несколько минут, в течение которых супруги, замерев, смотрели на живой лик Пресвятой Девы, при этом в их сердца вливались удивительные чувства умиротворённости, благодарности, веры (по выражению Ю.И., он «восплыл»); потом же бросились вынимать поленья из огня. В лице супругов Кошелевых мы имеем не только обретателей данного Богородицей образа, но и очевидцев Явления на южской земле Самой Пресвятой Богородицы.

Наконец, надо обратить внимание на удивительный отпечаток, «самопроизвольно» возникший в структуре дерева: икона не просто вросла в ствол, но отпечатала на нём свой Божественный лик со всеми клеймами, которые особенно хорошо видны. Отметим ещё одно «совпадение»: когда чурку с вросшей иконой раскалывали на дрова, трещина прошла прямо вдоль образа, и икона была оторвана колуном от той части дерева, где была её зеркальная копия. Тыльная же сторона осталась приросшей, влипшей в смолу соседнего полена, которое и былоброшено 19 ноября в топку. Наконец, чего стоит сама догадка Евдокии Николаевны, что может существовать другое, смежное с сожжённым полено, которое на тот момент (прошли два месяца отопительного сезона!) оказалось в целости и сохранности. Когда полено с отпечатком привезли правящему архиерею Ивановской епархии – архиепископу Амвросию, он заметил, что отпечаток на дереве может с полным правом именоваться

«нерукотворным». Было получено его архипастырское благословение открыть в Свято-Смоленском храме придел в честь Явления Неопалимой, что и было осуществлено в день 8-й годовщины Явления – 19 ноября 2004 года. К этому дню супруги Кошелевы передали полено с нерукотворным отпечатком на хранение в храм, заранее был изготовлен киот, и теперь прихожане храма имеют возможность поклоняться Матери Божией, изволившей дать «чтимое древо» (по слову протоиерея Геннадия Беловолова, настоятеля Иоанновского Леушинского подворья, Санкт-Петербург) в её недавно возрождённый храм.

Обретение иконы «Неопалимой купины» в Юже в 1996 году – важное духовное событие. Появление иконы, относящейся к типу Одигитрии, означает, прежде всего, благоволение Божие и призыв к возрождению Свято-Смоленского храма, посвящённого этому образу, ведь храм был построен в память обретения иконы Одигитрии в окрестностях села в лесу. Икона «Неопалимая купина» по типу есть та же Одигитрия, только в символических очертаниях огня. Поэтому чудесное явление этой иконы есть повторение в наше время того же события, которое несколько столетий назад призвало людей к устроению придела, а потом и целого каменного храма в честь Смоленской иконы. Можно сказать, что это есть и прообраз возрождения веры и святыни из адского пламени безбожия. Призыв Пресвятой Бо-

Отпечаток на полене.

В возрождённом Свято-Смоленском храме.

городицы был по промыслу Божию услышан – с 2000-го года началось не только восстановление храма, но и совершение в нём Божественной литургии. То, что Явление не было вовремя оценено и что икона не была принята южским духовенством, тоже не случайность: совершая богослужение в Старой Юже, первые (после восстановления приходской жизни) южские священники игнорировали Свято-Смоленский храм, намереваясь занять хорошо сохранившееся здание 6-й школы (быв. церкви св. апостола Асигкрита). Глас Божий указал тот храм, с которого должно было начаться возрождение православной жизни в Юже, но ему снова не вняли. О событиях, связанных с Непопалимой, в Смоленском храме узнали в конце 2002 года, спустя 6 лет после Явления. Житель Московской области, выходец из Южи В.А. Копров организовал изготовление образа – ксерокопии с сохранившейся фотографии Явленной иконы и киота для него. В мае

2003 года (в Неделю св. жён-мироносиц) изготовленный образ повезли из Подмосковья в Южу, и настоятелем Свято-Смоленского храма был организован покаянный крестный ход навстречу ему. Икону встретили молебном в окрестностях села Преображенское и на руках несли все 20 километров до Свято-Смоленского храма.

Надо отметить, что Богородица приняла покаяние южского народа: когда крестный ход поравнялся с прядильно-ткацкой фабрикой, многие очевидцы видели над ним парящего белого голубя. И, что ещё интереснее, резко сократилось количество лесных пожаров в районе. По данным МЧС, если в 2002-м году было целое бедствие, леса выгорели на площади 262 га, то вплоть до лета 2006 года площадь пожарищ не превышала 4—6 га за год.

Символика Неопалимой — ограждение от огненной стихии — приводит нас к общерусскому смыслу события: если 2 марта 1917 г. в с. Коломенское была явлена Державная икона, означавшая сохранение Матерью Божией Её державы над Россией, то событие 1996 года уже символизирует пламя, охватившее наш народ, к выходу из которого призывает Одигитрия (т.е., с греческого, Путеводительница), указующая на Своего Божественного Сына. Возможно, явление Неопалимой знаменует собой наступление апокалиптических событий на Русской земле.

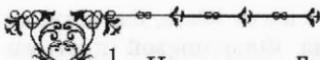
Большое видится издалека. А пока надо, сколько есть возможности, сохранить для народной памяти все детали прошедших событий. В начале ноября 2004 года проводились поиски пропавшей в Ленинградской области явленной иконы, и хотя она не была найдена, удалось выкупить икону-«сестру», отлитую, по словам эксперта, из той же партии, что и явленная. И, что ещё важнее, архиепископ Амвросий выдал для Свято-Смоленского храма в Старой Юже антиминс для

устройства престола в честь Явления Неопалимой, что и было исполнено к 8-й годовщине события. На месте, где росла сосна, в соответствии с местной традицией, установлен памятный знак — поклонный столп с надписью, составленной доктором филологических наук, профессором В.Ю. Троицким (гл. научный сотрудник ин-та Мировой литературы РАН им. Горького, Москва): «На сём месте росла сосна, поражённая молнией в 1992 году, в коей пребывала вросшая в её древо и напечатленная на нём икона "Неопалимая купина". Сия икона была явлена христианам Самой Божией Матерью в пламени печи невредимою 19 ноября 1996 года от Р.Х.». 19 ноября (6 ноября ст.ст.) по дозволению епархиальной комиссии ежегодно совершается крестный ход из Свято-Смоленского храма к дому Кошелевых и поклонной часовне. Также и в Свято-Юрьевом монастыре архиепископ Лев с духовенством обители ежегодно служит молебен в этот день обретения иконы. В день 10-летия Явления Новгородский архиастырь почтил обретателей Кошелевых особыми заздравными прошениями на молебне и своим подарком — передал для них писанную икону Пресвятой Богородицы «Неопалимая купина». Со временем над печью, в которой явилась Пресвятая

Кустик Неопалимой Купины, отросток иерусалимского куста в Горненском монастыре, растущий на Свято-Смоленском приходе.
2007 год.

Богородица, планируется воздвигнуть часовню.

¹ Цит. по: Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000. С. 124—125.

² В наше время в исторической науке по большей части распространено мнение, что церковь, поставленная Фотием и упоминаемая в летописи как «церковь Рождества Богородицы у Сенгу на бреге», находится в Шатурском районе, где до сих пор есть Сенежские озёра. Однако рукописная летопись обители начала XVIII века, пока не вошедшая в круг источников, упоминает цепь озёр по р. Ландех (в р-не Нижнего Ландеха) тоже под названием Сенежских, которое в дальнейшем за ними не сохранилось. В любом случае, вопрос о происхождении нашего Иверского монастыря пока открыт и ждёт дальнейшего исследования.

³ Цит. по: Копров В.А. Храмы Южского района Ивановской области. Ликино-Дулёво, 2000. С. 40.

⁴ Д.М. Пожарский / Русский биографический словарь. Т.Плавильщиков — Примо. СПб., 1905. С. 255.

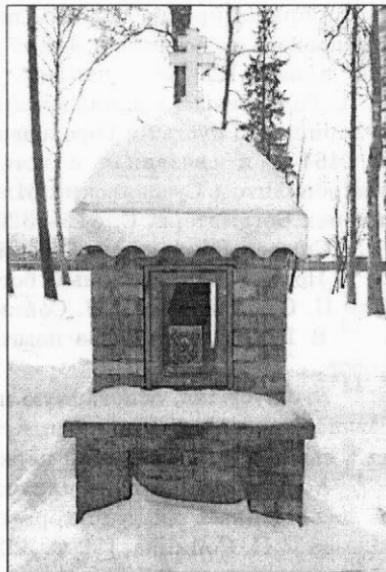
⁵ Повесть о честном и славном явлении образа Пречистой Богородицы в Казани и о чудесах, бывших от него. Переложение протоп. Н.А. Любимова / Творения Святейшего Гермогена, Патриарха Московского и всея России. М., 1912. Переиздание: Патриарх Ермоген. Жизнеописание, творения, исторические предания, чудеса и прославление. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 1997.

⁶ Описная книга Сузdalского Спасо-Евфимиева монастыря, 1660 г. Владимир, 1878. С. 12.

⁷ Есть другая версия, изложенная в кн.: «Сказания о чудотворных иконах Матери Божией», с. 430, будто именно с нею удалось освободить Москву от польско-литовских людей.

⁸ Якушкина М.М., Якушкин Г.Р. Наброски к истории храмов Южского района // ПЮА. Вып. 1. Иваново-Южа, 2006. С. 72—73.

⁹ Подобные факты чудесного избавления Москвы от превосходящих сил противника стали поводом установления новых дат празднования Владимирской: 23 июня — от хана Ахмата в 1480 г., 21 мая — от хана Мехмет-Гирея в 1521 г., а также ещё в 1408 г. — от Едигея. См.: Символы и святыни, сс. 169—172.

Крестовый столп (часовенка) на месте, где росла сосна.

¹⁰ Владимирская икона также прославилась чудотворениями и почиталась в соседних с Южей селениях – во Мстёре, в 20 км от Южи, где в нач. XX века чтились два древних её образа и описывались И.А. Голышевым в докладах археологического общества в 1866 г.; и во Флорищевой пустыни Горшковецкого уезда, в 35 км от Южи, написанная в 1464 г. и связанная с историей основания Флорищевой пустыни митрополитом Суздальским Иларионом. См.: Сказания о чудотворных иконах Богоматери. С. 315—320.

¹¹ Символы и святыни Российской державы. М., 2006. С. 189—191.

¹² Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том II. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина. Репринт. М., 1992. Столбец 2016.

¹³ В 1811 г. этот образ поместили во вновь построенный Казанский собор.

¹⁴ Эту пустынь, основанную по обету кн. Д.М. Пожарского его сыном Иваном, возобновил епископ Астраханский и Ставропольский Мефодий, сын священника Троицкой церкви с. Холуй.

¹⁵ Богоматерь. Полное иллюстрированное описание её земной жизни и посвящённых Ей чудотворных икон. Под ред. Е. Поселянина. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, [?]. С. 362—365.

¹⁶ Скрыников Р.Г. На страже Московских рубежей. М., 1986. С. 222—223.

¹⁷ Символы и святыни... С. 181—183.

¹⁸ Чудотворные иконы... С. 37.

¹⁹ «Село Никольское, а Южа тож, на суходоле, а в ней церковь Николы Чудотворца, а в церкви образы и книги, и ризы, и колокола...» (из писцовой кн. Суздальского уезда Стародуб-Ряполовского стана письма и меры Михаила Трусова и подьячего Михаила Витовтова).

²⁰ Рукопись с комментариями, с любезного разрешения Архивного отдела администрации Южского района, издана приходом Смоленской иконы Божией Матери в 2005 г. 32 с. Тираж 950 экз.

²¹ Церковно-приходская летопись. С. 15.

²² Дневник, рукопись. Отрывок напечатан: Пожарский юбилейный альманах. Вып. 1. С. 88.

²³ Полный православный богословский энциклопедический словарь... Стлб. 2255—2256.

²⁴ Иларион, митрополит Суздальский и Юрьевский (1632—1708), сын нижегородского священника Анании, строитель Флорищевой пустыни. Имел большое влияние на государя Фёдора Алексеевича (правил 1678—1682), пользовался уважением Петра I. На Суздальской кафедре с 1682 по 1708 г. Погребён в соборе в г. Суздале. (Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII—XIX веков. Декабрь. Т. П. М.: Изд. Афонского русского Пантелеимонова монастыря. 1910).

²⁵ Копров В.А. Указ. соч. С. 50.

²⁶ Князь Н.Д. Жевахов. Воспоминания. Т. I. М., 1993. С. 29—31.

²⁷ Пожарский альманах. Вып. 1. С. 89.

²⁸ Письмо из Барнаула к племяннице Т.Ю. Краевой (Хохловой) от 29.05.2006 года.

²⁹ Запись устного рассказа, рукопись.

³⁰ Владимир. 1898 г. С. 412—413.

³¹ Богоматерь. Полное иллюстрированное описание... С. 564—566.

³² Цит. по: Монастыри святой Екатерины. М.; Видное: Изд-е Свято-Екатерининской пустыни. 2000.

³³ Нам известен ещё один случай удачного размножения иерусалимского куста, побег с которого около 2000 года был привезён одной христианкой в Москву, растёт у неё в горшочке на подоконнике, и, в свою очередь, его отростки переданы уже многим семьям. На Пасху 2005 года отросток с Горненского куста, высаженный в Иерусалиме в стаканчик, был прислан из Иерусалима в Иваново и передан для Южского Свято-Смоленского храма, где освящён алтарь в честь чудесного явления Неопалимой купины в Юже. Осенью случилось, что этот побег засох, и уже надо было сообщить эту печальную весть матушке Георгии, но произошло радостное событие: спустя месяц прямо из почвы у ствола засохшего побега вышли три новых побега, которые вскоре укрепились и теперь всё больше растут и ветвятся.

³⁴ Полный православный богословский энциклопедический словарь...

Ст. 1626.

³⁵ Богоматерь. Полное... С. 566.

³⁶ Р.Г. Скрынников пишет: «...Трижды посетил его один и тот же сон. Виделось Кузьме, будто идёт он со многими ратными людьми на очищение Московского государства... Минин вспоминал, что при пробуждении его было как в лихорадке. В его голове вновь и вновь звучали слова, как бы услышанные им сквозь сон: “Если старейшие не возьмутся за дело, то его возьмут на себя юные (молодые тяглые люди), и тогда начинание их во благо обратится и в доброе совершение придёт!”» (Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 217—218.)

³⁷ Летопись. Примеч. к с. 6.

³⁸ Там же. С. 27.

³⁹ Есть ещё одно «совпадение», которое пока не может быть включено в основной текст: 1 января 1998 года будущий восстановитель Свято-Смоленского храма, тогда ещё учитель А.Е. Лихачёв посетил с группой своих воспитанников Новгородский Хутынский монастырь, где в тот день произошло чудо мироточения образа Почаевской иконы, засвидетельствованное епархиальной комиссией и владыкой Львом.

⁴⁰ Свято-Юрьев монастырь. Брошюра. Типогр. АОЗТ «Просветитель» по зак. Свято-Юрьева монастыря. М., 2001. С. 13—14.

⁴¹ Подобные сооружения повсеместно встречаются в сёлах района (например, в д. Суземье Изотинского с/совета). Традиция установки часовни-столпа на месте встречи святыни известна, например, в г. Иваново-Вознесенске, где в 1822 г. она была установлена на месте встречи Боголюбовской иконы (ныне ул. Постышева, часовенка не сохранилась) (Тихомиров А.М. Храмы Иваново-Вознесенска. Иваново: МИК, 1996. С. 104).

**Настоятель Смоленской церкви села Южа
священник Андрей Васильевич Миртов
и его родственное окружение**

Пленным источником по истории Старой Южи и её Смоленского храма является церковно-приходская летопись, начатая в 1870-х годах священником Андреем Васильевичем Миртовым вскоре после того, как он был назначен настоятелем южской церкви. Благодаря сохранившимся до наших дней записям южане могут узнать много интересных фактов из жизни своих предков¹. Кем же был летописец Миртов, откуда он родом и какова его судьба?

Андрей Васильевич Миртов происходил из духовного сословия. Его предки ещё в XVII столетии служили священниками в Никольской церкви села Плесец Владимирского уезда (с 1778 года – Ковровского уезда). Это село тогда было вотчиной Нижегородского Печерского монастыря. Известный на сегодняшний день родоначальник Миртовых Ермолай Евдокимов, не имевший ещё в то время фамилии, с 1680 по 1727 гг. являлся настоятелем плесецкой церкви. Именно благодаря его стараниям в 1698 г. прихожане Никольского храма на месте старой деревянной церкви построили новую. В 1727 г. о. Ермолай вышел за штат и вскоре принял монашеский постриг с именем Евфимий. Иеромонах Евфимий был определён на жительство в небольшую, но древнюю Михайловскую пустынь (недалеко от г. Коврова), основание которой связано с именем праведного Михаила Верижника. На место же священника в село Плесец был назначен сын о. Евфимия Михаил – прпрапрадед южского иерея А.В. Миртова.

К концу XVIII века уже весь приют Никольской

церкви села Плесец состояли потомки Ермолая Евдокимова, правнуки Михаила Ермолаева. Из трёх братьев старший, Андрей Дмитриевич, дед южского священника, уже с 14 лет служил пономарём в плесецкой церкви, поэтому он и не успел получить никакого образования. Без образования остался и младший из братьев — Афанасий Дмитриевич, впоследствии всю жизнь прослуживший в родном храме дьячком. Лишь средний брат Ефим родителями был отдан в «бурсу». Учёбу всех сыновей сельскому священнику тогда было бы просто не осилить по причине бедности. Ефим Дмитриевич закончил Владимирскую духовную семинарию, где получил и свою фамилию — Руберовский. После окончания учёбы он 20 лет прослужил священником в селе Плесец². Потомки Ефима Дмитриевича Руберовского остались след не только в истории Владимира-Сузdalской епархии. Наиболее яркими представителя рода Руберовских стали епископ Житомирский Максим (в миру Михаил Иванович Руберовский) и его брат — конструктор первых советских подводных лодок Ксенофонт Иванович Руберовский, репрессированные и расстрелянные в 1937 г.³

Потомки старшего брата Е.Д. Руберовского — Андрея Дмитриевича — получили фамилию Миртовы. Собственно Миртовым прозвали единственного сына Андрея Дмитриевича и его супруги Пелагеи Алексеевны, дочери дьячка старинного села Троицкое Ковровского уезда — вотчины князей Пожарских, Василия, когда тот обучался в духовном училище. Вскоре после поступления в училище Василий вынужден был прервать учебу. Причиной этому стала смерть отца. После кончины родителя Василий Андреевич Миртов в 1807 г. был определён пономарём в плесецкую церковь, а с 1832 г. он стал служить там же дьячком. У Василия Андреевича и Пелагеи Яковлевны

Миртовых известны 4 сына и дочь. Несмотря на бедность, все сыновья сельского пономаря Миртова сумели получить специальное духовное образование, закончив Владимирскую семинарию.

Старший сын Алексей после окончания семинарии по первому разряду в 1835 г. был направлен для дальнейшей учёбы в духовную академию в Киев, где проучился 4 года. После окончания академического курса кандидат богословия А.В. Миртов вернулся во Владимиро-Сузdalскую епархию, где стал преподавать в родной семинарии. Однако преподавательская деятельность Алексея Васильевича продолжалась недолго. В 1846 г. он по собственному желанию увольняется из семинарии и поступает на гражданскую службу в далёкую Енисейскую губернию. О его дальнейшей судьбе нам пока ничего не известно. Из родных мест уехал и брат Алексея, Иван Васильевич Миртов. После окончания в 1844 г. Владимирской духовной семинарии он был рукоположен во священники на Кавказе в станице казачьего полка. Священниками стали и два младших брата Миртовых – Андрей и Пётр. Оба они получили определённую известность среди владимирского духовенства, и на их биографиях стоит остановиться подробнее.

Андрей Васильевич Миртов родился в 1824 г. Окончив в 1846 г. семинарию во Владимире по первому разряду, он, как и многие её выпускники, стал поискивать себе в епархии место священника. Поиски продолжались недолго. В 1847 г. со смертью Василия Фёдоровича Шепелева, иерея Смоленской церкви в селе Южа Вязниковского уезда, возникла вакансия в местном храме. Наследницей священнического места в южской церкви стала 16-летняя дочь скончавшегося священника Глафира Васильевна. После женитьбы на Глафире Шепелевой Андрей Миртов 26 октября 1847 г. был рукоположен во священники к Смоленской

церкви. Служение в Старой Юже о. Андрея продолжалось почти 37 лет. За это время он занимал различные должности: был законоучителем местного сельского училища, ведомственным депутатом, членом училищного и цензурного комитетов, ведомственным духовником, земским гласным, состоял членом комиссий по сокращению благочиний и по уравниванию приходов. Исполнение о. Андреем Миртовым многочисленных должностей, служба его как священника и проповедника не остались без внимания со стороны епархиального начальства. Южский священник неоднократно удостаивался благодарностей архиерея, был отмечен бронзовым наперсным крестом в память Крымской войны, награждён набедренником, скуфьёю, камилавкою. О высоком авторитете Андрея Васильевича Миртова среди владимирского духовенства свидетельствует тот факт, что в 1884 г. он был переведён настоятелем Никольской единоверческой церкви села Дубасово Судогодского уезда, чей приход считался одним из самых сложных в отношении церковного управления. Одновременно о. Андрея определили и духовником всех единоверческих причтов Владимиро-Сузdalской епархии.

Каменный Никольский единоверческий храм в Дубасове был построен в 1869 г. на средства судогодского купца 1-й гильдии Герасима Филипповича Комиссарова. На его же средства была приобретена вся церковная утварь, которой в храме было «очень достаточно», и построены все дома для церковного причта, то есть для священника, диакона и дьячка. За свою благотворительную деятельность купец Г.Ф. Комиссаров, который вместе с семейством проживал в Дубасове и имел там стекольный завод, неоднократно получал благословения архиерея и Св. Синода. Приход дубасовского единоверческого храма был очень обширен. Прихожанами Никольской церкви

были купцы-единоверцы городов Судогда, Владимир, Покров, Муром, Меленки, Касимов, крестьяне. Мошок и 5 деревень Судогодского уезда, сёл Сеславское, Брутово, Никульское, Добрынское, Хотенское, Черкутино, Новое и 7 деревень Владимирского уезда, сёл Губцево, Заколпье, Вешки, Окатово, Георгиевское и 15 деревень Меленковского уезда, 1 деревня Горшковецкого уезда, 2 деревни Покровского уезда, мещане г. Касимова и крестьяне 2 деревень Рязанской губернии. Всего в приходе значилось 199 дворов, в которых проживало 765 душ мужского пола и 849 душ женского пола⁴.

Служение в единоверческом храме, исполнение церковных треб забирало у настоятеля много физических сил, особенно если он находился в преклонном возрасте. Именно поэтому служба А.В. Миртова в Дубасове продолжалась недолго. 26 января 1888 г. 63-летний о. Андрей по прошению был уволен за штат. В течение 6 лет священник Миртов числился заштатным, а в 1894 г. он принял решение о пострижении в монашество. К этому времени все дети овдовевшего ещё в 1880 г. о. Андрея были определены. Интересно, что подобным образом сложилась в начале XVIII века и судьба известного на сегодняшний день родоначальника этой фамилии, священника Ермолая Евдокимова. 1 мая 1894 г. Андрей Васильевич Миртов был пострижен в монашество с именем Александр. Вскоре после пострижения иеромонаха Александра возвели в сан архимандрита и назначили настоятелем Переяславского Николаевского монастыря. 4 сентября того же 1894 г. его перевели в Муром настоятелем Спасской обители, а через 3 года определили наместником Муромского Благовещенского монастыря. Эта обитель стала последним местом служения бывшего южского священника. 26 апреля 1899 г. в возрасте 75-ти лет архимандрит Александр (Миртов) скончался. Он был

погребён на территории Благовещенского монастыря у алтаря собора. К сожалению, к настоящему времени место погребения южского летописца архимандрита Александра потеряно⁵.

У Андрея Васильевича и Глафиры Васильевны Миртовых известно 6 детей: 4 сына и 2 дочери. Старший сын, Василий, после окончания Владимирской семинарии и Казанской духовной академии с 1876 по 1885 гг. преподавал латинский язык в Волынской, а затем Казанской духовных семинариях. В 1885 г. кандидата богословия В.А. Миртова назначили смотрителем Чистопольского духовного училища, где он и служил до 1901 г. Будучи смотрителем училища, в 1895 г. Василий Андреевич был рукоположен во священники. По воспоминаниям современников, протоиерей Миртов пользовался большим уважением среди преподавателей и воспитанников духовного училища. В 1901 г. южского уроженца назначили настоятелем Богоявленской церкви г. Казани. Этую должность В.А. Миртов занимал до 1903 г. Вероятно, в этом году он скончался.

Священниками стали и два младших сына о. Андрея Миртова — Алексей и Аркадий. Оба они окончили Владимирскую духовную семинарию. После окончания учёбы Алексей Андреевич служил настоятелем

Соборный храм Муромского Благовещенского монастыря, около которого был погребён архимандрит Александр (Миртов).

Никольского храма в селе Будовское Переяславского уезда. О. Алексей Миртов скончался через 6 лет после рукоположения в священнический сан 23 июня 1895 г. и был погребён при сельской церкви. Родившийся у него в 1892 г. сын Андрей начальное образование получил в Шуйском духовном училище, затем поступил во Владимирскую семинарию, из которой выбыл в 1911 г. после окончания 4-х классов. Дальнейшая судьба его неизвестна⁶. Второй брат, Аркадий Андреевич Миртов, после окончания семинарии во Владимире продолжил обучение в Императорской Академии Художеств. В начале XX столетия Аркадий Миртов служил священником в Пермской епархии⁷.

Одна из дочерей супругов Миртовых, Вера, унаследовала священническое место в Смоленском храме села Южа после перевода её родителя, о. Андрея, в Дубасово. В 1884 г. она вышла замуж за выпускника Владимирской семинарии Евгения Павловича Алеева, который и стал южским священником. О. Евгений прослужил в храме Старой Южи почти 46 лет и был уволен на покой в 1930 г. Его супруга Вера Андреевна скончалась 18 июня 1931 г. и была погребена при Смоленской церкви⁸.

Выше уже говорилось, что южский священник Андрей Васильевич Миртов имел младшего брата Петра, который также служил во Владимиро-Сузdalской епархии. Окончив в 1852 г. местную семинарию одним из лучших в выпуске, он на следующий год был рукоположен во священники к Христорождественской церкви села Заколпье Меленковского уезда. Деревянная церковь в Заколпье существовала уже в древности, когда село было центром громадной вотчины бояр Романовых. В 1845 г. там был выстроен каменный храм, в котором и проходило служение о. Петра⁹. Пётр Васильевич Миртов стал одним из самых ярких церковных деятелей епархии. Его служба была отмечена

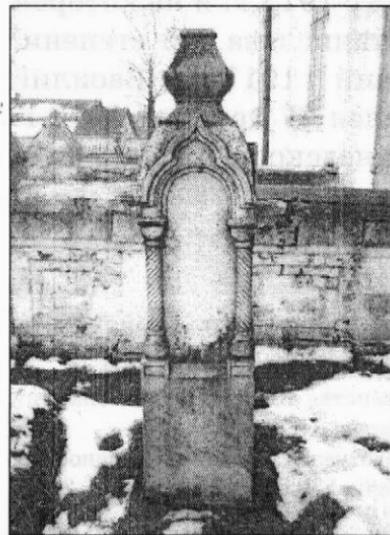
многочисленными благодарностями как архииерея, так и Святейшего Синода. О. Пётр был удостоен различных наград, до ордена святой Анны 2-й степени включительно, и пожалования потомственного дворянства.

В 1888 г. П.В. Миртова наградили саном протоиерея, а в 1895 г. за 25-летнее служение в должности благочинного – золотым наперсным крестом от Святейшего Синода¹⁰. Протоиерей о. Пётр Миртов скончался 13 января 1899 г. в возрасте 69-ти лет, за 3

Христорождественская церковь села Заколпье Меленковского уезда (ныне Гусь-Хрустального района).

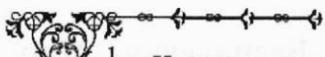
месяца до кончины старшего брата, архимандрита Александра, и был погребён в Заколпье у алтаря Христорождественской церкви. Могила настоятеля церкви П.В. Миртова сохраняется и поныне.

У Петра Васильевича Миртова известны 2 сына. Младший, Владимир, в 1888 г. окончил Владимирскую семинарию по первому разряду, но вскоре скончался, не успев поступить на службу¹¹. Старший, Василий, обучался в семинарии, но полного

Надгробие белого мрамора протоиерея П.В. Миртова у алтаря Христорождественского храма села Заколпье.

курса не кончил, избрав светскую карьеру. После окончания 4-х классов семинарии Василий Миртов поступил на медицинский факультет Московского университета, который и окончил в 1882 г. со званием лекаря. Первое время сын протоиерея, дворянин Миртов, служил младшим врачом в 38-м пехотном Тобольском и 3-м пехотном Нарвском полках, врачом 12-го гренадерского Астраханского полка. В 1885 г. он был назначен в московское окружное военно-медицинское управление врачом для командировок, а в 1896 г. – старшим врачом московского окружного артиллерийского склада. В апреле 1904 г. Василий Петрович Миртов был определён в дивизионные врачи 1-й гренадерской дивизии. Эту должность он занимал 6 лет, после чего его перевели в корпусные врачи 25-го армейского корпуса. В своей врачебной карьере уроженец села Заколпье достиг чина тайного советника. Последней должностью В.П. Миртова стала должность московского окружного военно-санитарного инспектора, которую он занимал с 1913 г. и на которой был удостоен ордена святого Станислава 1-й степени. До революционных потрясений 1917 г. Василий Петрович не дожил. Он скончался 27 декабря 1916 г. в санатории доктора Ф.А. Гриневского от паралича сердца¹².

¹ Церковно-приходская летопись. К 210-летию Свято-Смоленского храма в Юже. Иваново, 2005.

² Фролова Э.В. Из истории семей духовенства Владимирской епархии Рождественский сборник. Вып. IV. Ковров, 1997. С. 54–70.

³ Фролова Э.В. Уроженцы Гороховецкого уезда Михаил и Ксенофонт Руберовские // Да будет Время с нами вечно! Вып. 1. Гороховец, 2006. С. 30–34.

⁴ ГАВО. Ф.556. Оп.109. Д.192. Л. 96–99.

⁵ ВЕВ. 1898. № 2; РПН. Т. 1. М., 1914. С. 19.

⁶ ГАВО. Ф.454. Оп.1. Д.265. Л. 454.

⁷ Малицкий Н.В. Списки воспитанников Владимирской духовной

семинарии. 1750—1900. М., 1902. С. 163.

⁸ Церковно-приходская летопись... С. 26.

⁹ Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии / Сост. В. Добронравов. Вып. 4. Владимир, 1897. С. 100—101.

¹⁰ ВЕВ. 1896. № 17.

¹¹ ГАВО. Ф.454. Оп.1. Д.219; Малицкий Н.В. Списки воспитанников Владимирской духовной семинарии... С. 163.

¹² ВЕВ. 1917. № 1—2.

М.Б.Печкин

История Троицкой церкви в Холуе по письмам княжны Куракиной

Надо ли говорить, что архивные документы представляют большой интерес не только для специалистов, историков и краеведов, но и для людей неравнодушных, хоть немного интересующихся историей своего родного края. Особого внимания заслуживают письма, — эти весточки из далёкого прошлого могут очень многое поведать нам о днях минувших, они — настоящий клад информации. Вот таким драгоценным кладом являются для нас письма княжны Куракиной, владевшей частью Холуя в середине XVIII века. Эти письма доносят до нас имена людей, живших в Холуе, в том числе и иконописцев, события, волновавшие людей. В них прослеживаются взаимоотношения, складывавшиеся между властями слободы и их подданными. Но на этот раз мы обратим внимание на информацию, связанную со строительством в Холуе каменного Троицкого храма. Впервые о Троицкой, ещё деревянной церкви, мы узнаём из грамоты 1612 года, в которой говорится, что князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому дано «за царя Васильева Московского осадное сидение слободка Холуй, а в ней церковь Троицы деревяна клецки...».

Троицкая церковь в Холуе.

Вот это на первый взгляд загадочное слово «клещки» на самом деле вполне конкретно говорит нам о внешнем виде церкви, срубленной «клетью». Это самый простой тип русской деревянной церкви, в котором три части храма расположены на одной оси. Мы с большой долей уверенности можем утверждать, что на месте современного Троицкого храма в XVII веке стояла небольшая церковь, подобная той которую вы видите на иллюстрации. Эта церковь простояла до середины XVIII века. Дальнейшие события проследим по письмам княжны Куракиной. Первое, интересующее нас, датировано 2 августа 1746 года и направлено приказчику Алексею Зюзину и выборному Алексею Лепилову. Здесь нужно обязательно сказать несколько слов об Алексее Лепилове. Житель Холуя, Алексей Максимович Лепилов был довольно известным человеком в Петровскую эпоху. Его даже считали сподвижником Петра I. Во время строительства Кронштадта он занимался поставкой гвоздей и других строительных материалов, закупая их в Сибири и в губерниях низовья Волги. Будучи человеком предприимчивым и добросовестным, он пользовался доверием Петра I. И.А. Голышев приводит в книге о Борковской пустыни (1871 г.) такой эпизод из деятельности А.М. Лепилова, подтверждающий доверие к нему со стороны Петра I. Когда возникла необходимость сделать оценку имения князя Гагарина, то в число оценщиков был включён и А.М. Лепилов. После смерти Петра I Лепилов в числе многих других сподвижников императора попал в опалу, отошёл от дел и возвратился в Холуй, где

был при княжне Куракиной выборным, своего рода управляющим имением. В 1752 году А.М. Лепилов был убит под селом Мордовское жителями этого села за то, что при его активном участии часть их земель отошла во владения жителям Холуя. Об этом пойдёт речь дальше. Похоронен Алексей Максимович в Борковской Пустыни.

Итак, в письме княжны Куракиной сообщается следующее:

«Бьёт челом мне Церкви Живоначальная Троицы поп Алексей Гаврилов о позволении каменнную Церковь состроить на том же месте живоначальной Троице на которое строение прислал к нему дядя ево попа Алексея Астраханский Архимандрит Мефодий денег тысячу рублей. И тебе бы выборному Алексею Лепилову ехать с ним попом Алексеем в Сузdalь и просить у ево Преосвященства о благословенной Грамоте что бы благословил построить Каменную церковь во имя Живоначальная Троицы а при ней чтоб бы был предел Флора и Лавра а построить оную церковь таким образом что в Суздале церковь Казанская Богородицы. А на оныя строения церкви построить сарай кирпичный на Стекольной горе глину тут брать на кирпичи, где Иван Пурецкий делал на продажу».

Более полной информации о начале строительства и представить невозможно. Здесь есть всё: и кто деньги даёт, и как храм должен выглядеть, и даже где глину брать и кирпичи делать. И кто этим делом должен заниматься. Напомним только ещё раз о личности Епископа Астраханского Мефодия, приславшего тысячу рублей на строительство храма. Из письма мы знаем, что он – дядя попа Алексея. Родился будущий епископ Астраханский в 1700 году в Холуйской слободке в семье священника Троицкой церкви отца Петра. Семья была очень большая, и с юных лет будущий епископ находился в пустынях: Борковской,

Флорищевой и Золотниковой. Восемнадцати лет Мелентий, так его звали в миру, был пострижен в монашество и наречён Мефодием. В 1731 году Мефодий отправляется в Астрахань. В 1758 году указом императрицы Елизаветы Петровны назначен епископом Астраханским. Преосвященный Мефодий и вдали от родины среди служебных забот не забывал о своём родном Холуе. При его помощи построен и украшен не только Троицкий Храм, но и все каменные храмы Борковской пустыни.

В своём письме от 1 сентября 1747 года княжне Куракиной тогда ещё служивший архимандритом Спасова Астраханского монастыря Мефодий пишет:

«Сия милейшая Княжна Прасковья Михайловна и вам ваше благородие от Господа бога всякого благополучия... прошу о строении святой церкви каменной в отчине вашей Холуйской слободе дабы приказали крестьянам вашим помоченствовать... поп Алексей ещё молод может иного обнезнания по строению от неискусства что потратить дабы ему помошествали ради имени Божия...».

Реакция на это письмо была довольно быстрой. В письме, датированном 20 ноября 1747 года и адресованном приказчику Алексею Зюзину и выборному Алексею Лепилову, содержится ответ на просьбу Мефодия, а также мы узнаем о ходе строительных работ:

«Пишете вы ко мне что Церковь деревянную сломали и половину рва выкопали и набутили Даруй Бог благополучного совершение привести обновленной церкви пишет отец Архимандрит Мефодий из Астрахани чтоб мне б приказать дать притом строении церкви Божия из моих крестьян смотритель и вам бы из моих крестьян выбрать человека доброго и при строении оной церкви смотрительного дабы напрасно не было на это денег истрачено а кто будет выбран ко оной церкви для смотрения о том ко мне писать.

При сем же прилагается Отца Архимандрита Мефодия
ево письмо копия которую копию с письма отца
Архимандрита предъявите попу Алексею.

И сей мой указ при сем же послано с письма князя
Михаила Андреевича Белосельского копия вам впредь
для ведома Субытностью мою у Вас в Холуйской слободе
объявил мне Церковный староста Киселёв, что у него
взбору всех денег здвести Рублев. А мне же надобно
что и болею присовокупило б и вам бы выше писания
зборные деньги и за проданную церковь деревянную
это же каменное строение употребить...»

Из этого отрывка мы также узнаём, что деревянная
церковь была продана и что деньги от продажи
пошли на строительство нового храма. Узнаём и
то, что княжна Куракина посещала Холуй, хорошо
знала людей и разбиралась во всех делах. Появляется
в письме и новое для нас имя князя Михаила
Андреевича Белосельского, который к тому времени
владел Мордовским или, как оно тогда называлось,
Новобогородским. Это очень интересная личность,
оставившая заметный след в истории России. Потомок
удельных князей Белозерских, князь Михаил служил
морским офицером. В молодости он был лично
известен Петру Великому, который в 1721 году, в
честь окончания Северной войны, повелел произвести
его в чин мичмана.

В последующие годы он командовал различными
кораблями на Балтике, выполнял дипломатические
поручения. При императрице Анне Иоанновне попал в
опалу. При вошедшей на престол в 1741 г. Елизавете
Петровне его служебная карьера развивалась стре-
мительно, его заслуги получили достойную оценку.
В 1747 году он был произведён в вице-адмиралы и
фактически стал командовать всеми военно-морскими
силами империи. На этом посту адмирал Белосельский
был награждён орденами св. Андрея Первозванного и

св. Александра Невского. Интересен и тот факт, что при Михаиле Андреевиче на флоте были введены белые мундиры. Его переписка с княжной Куракиной как раз приходится на годы его бурного карьерного роста. В своём письме от 9 ноября 1747 года князь Белосельский пишет:

«Милостивая государыня моя княжна Прасковья Михайловна Вашего сиятельства почтенное письмо от 8 числа октября получил в котором изволите писать о сузdalской земле намереньем разобраться крепостями я тому весьма рад и за немалое одолжение принять имею...»

Речь в письме идёт о границах между владениями, и стороны договорились назначить приказчиков для решения всех вопросов. А подтолкнула сие разбирательство необходимость определения места для рытья глины для строительства Троицкого Храма. Мы помним, что в письме от 2 августа 1746 года княжна Куракина приказала брать глину на Стекольной горе, но в дальнейшем о «стекольной» горе, расположенной рядом с Мордовским, в письмах речь больше не идёт. Ближе и удобнее было брать глину рядом с Холуем во Введенской пустыни. Это место расположено за Борком на большом холме, который мы все называем «Горой». Примерно на середине горы есть место, именуемое до сих пор Введенкой, там и находился этот монастырь. Старожилы вообще говорят, что Холуй первоначально располагался на «Горе», и только потом жители переместились ближе к реке. А почему бы и нет, если стоянки древнего человека обнаружены археологами практически на том же месте. Представьте себе, что в эпоху мезолита и неолита на «горе» жили люди. Можно считать их первыми жителями Холуя.

Места, где брали глину и делали кирпичи, сохранились до сих пор. Ямы и груды осколков кирпича можно увидеть, поднявшись в гору рядом с песчаным карьером.

Делали кирпич прямо на месте добычи глины, а затем доставляли к месту строительства. Так вот, оказалось, что «Гора» принадлежала тогда крестьянам села Мордовское, а они не хотели уступать своих земель и позволять рыть глину холуйским крестьянам. Этот важный вопрос решился только после вмешательства прямых владетелей земли. Княжна П.М. Куракина и князь М.А. Белосельский назначили приказчиков для решения вопроса. Прасковья Михайловна в письме от 31 мая 1748 г. интересовалась ходом дела:

«А как начнётся дело у Вас земляное с князем Белосельским о том ко мне писать, что у вас будет делаться при сем...»

Князь М.А. Белосельский, по всей вероятности, дал распоряжение своим крестьянам уступить место. В письме от 29 марта 1748 года выборный Савин и староста Матвей Афанасьев и староста мирный Алексей Данилов села Новобогородское (Мордовское) докладывают своему князю следующее:

«Сузdalского уезду стародубского стану вотчине При адмиралтействе коллегии Генерала комиссара и кавалера князя Михаила Андреевича Белосельского... отдали мы по мирному приговору в дачах вышеозначенного его сиятельства господина, нашего в пустыне Введенской пашенной земли на оную десятину для рытья глины на строение каменной церкви божия на кирпичи которая церковь божия будетстроена в отчине Княжны Прасковьи Михайловны Куракиной в Холуйской слободе приходного Священника Алексея Гаврилова вырыть на два года. И нам выше подпавшимся выборному и старостам и всем крестьянам впредь до вышепоказанного термина ему попу Алексею в той пустоше десятину рыть глины не воспрещать и наглостей никаких не чинить. Последственному же и ему Попу Алексею более тех угодий на глину пашенной земли не тратить и далее выше писанного

числа двух лет не держать пленным угодьям, в дачах его сиятельства Господина нашего никаких лесов не рубить и крестьянам обид не чинить».

Это вполне исчерпывающая информация о завершении подготовительной части работ по строительству Троицкого храма, длившейся два года. С 1748 г. началось само строительство, а завершилось оно, по нашим сведениям, в 1775 году. Рядом с летним Троицким храмом в те же годы поставили и зимнюю Введенскую церковь. В письмах княжны Куракиной о ней ничего не говорится, видимо, строительство её началось чуть позже, а завершилось также в 1775 году. Оба храма представляют единый комплекс, и даже церковная опись у них одна. Существует предание, по которому Введенская пустынь, пришедшая в негодность, была заброшена, а алтарь храмовый перенесён в Холуй. Похоже, что именно так всё и произошло, причём идея эта возникла во время строительства Троицкого храма. Таким образом, церковь «Введения во храм Пресвятой Богородицы», действующей по сей день, является напоминанием нам о существующей когда-то на «Горе» Введенской пустыни.

В статье использованы оригиналы вышеприведённых писем, хранящиеся в Государственном музее Холуйского искусства.

Памяти Леонида Леонидовича Карасева (1940–2006)

Некролог

В ночь со 2 на 3 июля 2006 года скоропостижно скончался от инфаркта Леонид Леонидович Карасёв, член Приходского Совета прихода Смоленской иконы Божией Матери в с. Старая Южа, активно помогавший в деле капитального ремонта церковного здания.

Труды настоятеля и прихожан по возрождению храма, с самого их начала в ноябре 2000 года, были поддержаны его добротою и участием, вплоть до июня 2006 года, когда он, уже ослабевший, едва выйдя из больницы, заходил в храм по просьбе о. настоятеля. Будучи специалистом по строительству и опытным руководителем строительных работ на многих предприятиях в Юже, Леонид Леонидович никогда не отказывал в своём совете и участии во всех делах, связанных с восстановлением разрушенного здания Смоленской церкви.

С февраля 2001 года Леонид Леонидович вошёл в Попечительский Совет по восстановлению храма, а с октября 2002 года стал членом Приходского Совета. Его подпись стоит на самом первом документе, с которого началась строительная деятельность прихода – Рекомендациях на первом этапе восстановительных работ. При его поддержке архитектор, приглашённый из Москвы, совершил обмеры здания и составил затем проект капитально-восстановительного ремонта, благодаря чему удалось получить разрешение на производство строительных работ уже в июле 2001 года, спустя 9 месяцев после фактического начала приходской жизни. Леонид Леонидович с сочувствием наблюдал за первыми шагами стройки, когда восстанавливалась кровля главного свода и трапезной, по первой просьбе выходил настройплощадку и давал консультации. Ещё больше его участие возросло с 2002 года, когда он был приглашён на должность специалиста технадзора и участвовал в приёмке участков, при завершении очередного этапа ремонта (например, при заделке разобранного центрального

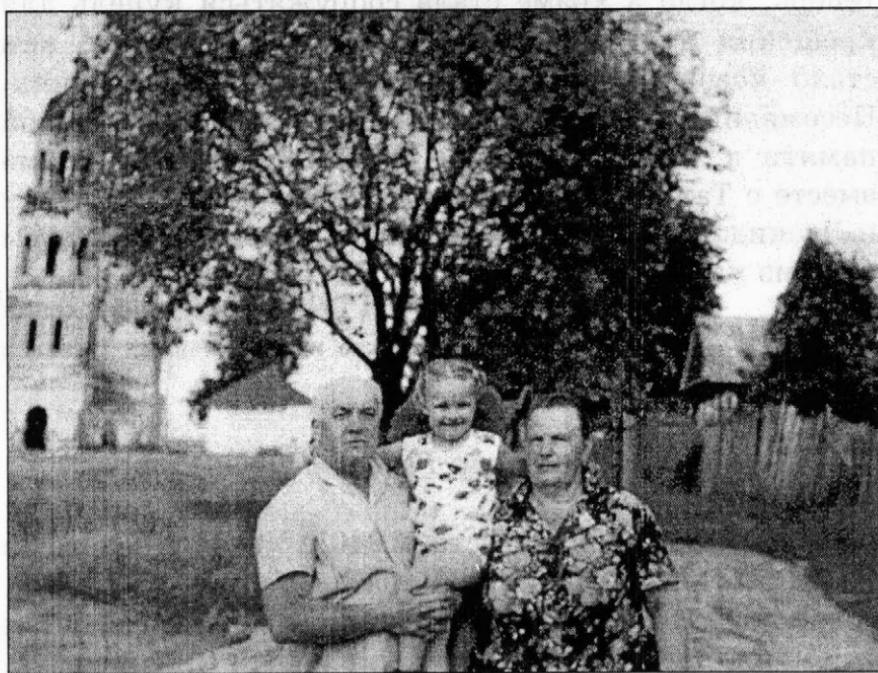
Леонид
Леонидович Каравеев

контрофорса на северной стороне основного четверика в мае 2002 года). По его совету были приняты некоторые конструктивные решения (например, лучеваястыковка стропил свода центрального алтаря в сентябре 2002 года).

Существенную помощь храму Леонид Леонидович оказал в качестве председателя кооператива по газификации домов «Старая Южа». Летом 2003 года приход получил первое пожертвование от москвичей на цели газификации здания, и Леонид Леонидович не только помог храму вступить в кооператив, но и оказал организационное содействие по разработке проекта газификации, подключив весь свой наработанный опыт. Будучи сам (в свои-то годы!) чрезмерно загруженным делом строительства газопровода в Старой Юже, он в любое время дня или вечера принимал у себя о. настоятеля по всем вопросам. Благодаря ему удалось оперативно разработать проект, и уже осенью 2004 года, перед самой опрессовкой новопостроенного газопровода, в соответствии с проектом была сооружена наружная подводка газопровода к зданию Свято-Смоленской церкви. В качестве члена Приходского Совета Леонид Леонидович всегда принимал участие в ежегодном планировании строительных работ, подсказывал очерёдность участков и целесообразность выбора объектов ремонта, исходя из небольшого размера получаемых пожертвований. В связи с тем, что восстановление храма велось без специального финансирования, хозяйственным способом, на него ложилась вся ответственность по приёмке законченных объектов и контролю за качеством работ. В июне 2004 года был случай, когда ему пришлось потерпеть оскорблений, защищая интересы храма. Рабочий, строивший стропильную систему правой пристройки колокольни (ныне котельной), ослабил центральную балку. Леонид Леонидович не принял объект, но

рабочий отказался переделать свою работу и был лишен вознаграждения, чем возмутился и подверг пожилого человека несправедливым укорам. Несмотря на то, что Леонид Леонидович не успел в полноте приобщиться к церковной традиции, в жизнь прихода он вкладывал всё своё сердце, ежегодно лично обкашивал церковную землю, нередко своими руками производил мелкий ремонт.

Несмотря на ухудшение здоровья, летом 2005 года Леонид Леонидович принимал участие в подготовке храма к 210-летию, руководил установкой стальных дверей на входе под колокольней, сам покрасил их в чёрный цвет и с любовью выбелил на них кованые кресты. За месяц до своей кончины летом 2006 года лично подновил свою работу. В октябре 2005 года Карасёвы всей семьёй принимали делегацию из Москвы, когда Синодальная комиссия вместе

Леонид Леонидович Карасёв с супругой Ниной Алексеевной и внучкой Ириной. 1997 год.

со съёмочной группой НТВ приехала в Южу освидетельствовать явление Пресвятой Богородицы и обретение иконы "Неопалимая купина". Член комиссии, профессор Павел Васильевич Флоренский, доктор геологических наук, внук знаменитого русского философа П.А. Флоренского, потом с благодарностью вспоминал гостеприимство наших прихожан в лице этой доброй русской семьи.

Прихожане любили и уважали Леонида Леонидовича за его «золотые руки», безотказные заботы о церкви. О его ночной кончине мы узнали утром в день открытия нашего летнего трудового отряда. Все дети, собравшись в долгожданный летний день, пошли в первые же часы смены молиться с батюшкой на литию по усопшему, а через день принимали участие в храмовой службе отпевания и торжественной похоронной процессии. Его отсутствие остро ощущается каждый день, а особенно теперь, когда в храме стала сооружаться купель для крещения взрослых через погружение, и не с кем стало посоветоваться в конструктивных решениях. Несомненно, раб Божий Леонид достоин вечной памяти в лице строителей Свято-Смоленского храма вместе с Татьяной Опочининой, Иваном Протасьевым и Леонидом Балиным. Хорошо бы назвать его именем одну из улиц Южи.

Настоятель Свято-Смоленского храма
в с. Старая Южа иерей Алексий Лихачёв

Воспоминания брата Роберта Леонидовича

Лёня родился 8 августа 1940 г. в г. Иваново в семье рабочих. Отец наш, Карасёв Леонид Иванович, родился в 1917 г. в г. Иваново-Вознесенске, работал помощником мастера на фабрике имени С.М. Кирова. Мать, Карасёва (Яковлева) Александра Александров-

на — ткачиха на той же фабрике, 1913 г.р., родилась в селе Бельково Тейковского района.

Детей в семье было четверо. Старший брат Станислав родился в 1937 г., Роберт — в 1942 и Глеб — в 1947 году. Крещены все были с детства, Станислав получил церковное имя Владислава, а Роберт — Владимира. Детство Леонида прошло в нелёгких условиях: в военные и послевоенные годы семья буквально выживала. Во всё время войны отец был на фронте, и мать одна поднимала троих старших сыновей. После трудовой смены на фабрике она успевала не только обшивать детей, но и брала для подработки у знакомых кое-какие заказы на пошив одежды. Благодаря этому семья выжила.

Лёня рос очень жизнерадостным ребенком. Играли в футбол, волейбол, занимался гантелями. Летом мы с ним и друзьями целыми днями пропадали на реке Талке. Там он первым научился плавать, а потом обучил меня, своего младшего брата: брал наволочку, мочил её в воде, надувал ударом по воде, стягивал в кулаке, я ложился на неё и плыл под контролем брата.

В апреле 1947 года в семье родился младший брат — Глеб. Так как мама всегда была занята подработкой, пошивом одежды для соседей, мальчишки должны были нянчиться с малышом. Мы, Лёня с Робой, везде таскали младенца с собой, но отвечал за всё Лёня. Иногда шли с братишкой в лес, сажали на лужайке, а сами рядом играли в футбол. Если шли на речку, то купаться приходилось по очереди, пока один плещется в воде, другой сидит с Глебом на берегу. Когда Глеб немного подрос, мы стали его катать на велосипеде. Детского велосипеда в доме не было, поэтому Лёня как старший садился на раму, а Глеба сажал на багажник.

В 1948 году Лёня пошел в школу. В то время мы

жили в районе Пустошь-Бора (впоследствии это стала улица имени лётчиков полка «Нормандия-Неман»). Несмотря на материальные трудности, он всегда шёл в школу опрятно одетым, обутым, следил за собой. Конечно, в этом особая заслуга нашей матушки, её умелых рук. Она сама сшила нам сумку для учебников из чёрной клеёнки. Через год в школу пошёл и я, Лёня учился в первую смену, а я – во вторую. Лёня приходил из школы, вынимал учебники, а я укладывал свои и шёл в школу. С первого класса Лёня полюбил читать книги, особенно исторические, записался в школьную библиотеку, и через год меня записал. Дом у нас был небольшой – одна комната и маленькая кухня, около 6 кв.м. Спали мы с Лёней на печке. Так он приспособил там лампочку и мог читать часами.

В 1952 году отец был призван в действующую армию, в строительные войска. В 1953 году мы переехали жить по месту службы отца – в г. Пятигорск Ставропольского края. В этом регионе нам пришлось поменять три школы, так как отец работал на строительных объектах во все новых районах. По предложению Лёни мы пешком обходили все окрестности Пятигорска. Он много читал о жизни М.Ю. Лермонтова и потом рассказывал мне очень интересные эпизоды из его жизни. По литературе и истории он знал намного больше школьной программы. В те годы Пятигорск был ещё в руинах после войны. Конечно, Лёня доставал книги о боевых действиях наших войск на Кавказе и пересказывал мне, делая логические выводы и заключения. Можно привести такой пример его любознательности: перед нашей школой в г. Ново-Пятигорске находился курган. Лёня нашёл историю возникновения этого кургана и объяснил мне, почему курган охраняется государством и чем представляет ценный материал для науки.

После окончания 7 классов Лёня вместе со

всей семьей переехал в Сибирь, в поселок Усть-Барга Канского района Красноярского края. Здесь начиналось масштабное строительство какого-то секретного объекта. Кругом — глухая тайга. В первую очередь строили жильё. Поэтому в школу нас возили на автобусе в существующий поселок. Там проживали люди многих национальностей: литовцы, латыши, эстонцы, немцы. Лёня сразу же изучил по книгам этот край и его население. Здесь он хорошо научился ходить на лыжах. Ему очень понравился сибирский климат, тайга, сопки. По его инициативе мы летом пешком ходили вдоль реки Кан, а потом спускались вниз на плоту до посёлка. Директором школы здесь был коренной сибиряк, бывший лётчик. Он преподавал историю и у Лёни, и в моём классе. Он очень заинтересовался познаниями Лёни в области истории и с уважением к нему относился. Однажды он спрашивал меня по пройденному материалу и стал задавать вопросы. На некоторые я не смог ответить. Тогда директор говорит: «Я думал, что ты превзойдёшь старшего брата». Лёня очень подружился с мальчиком-одноклассником, немцем, по фамилии Миллер. Его отец был охотник и часто брал обоих друзей с собой в тайгу, обычно в летнюю пору. Рассудительность Лёни проявилась в одном произошедшем в ту пору случае. Мы часто ходили в тайгу за ягодами и однажды набрели на логово волчицы с волчатами, когда их матери там не было. Лёня не растерялся и спокойно сказал, что надо срочно уходить — и как можно дальше, на дорогу. Во время ходьбы мы с ним шли, громко стуча бидонами, отпугивая волчицу. Ещё показательный случай о его находчивости: в поисках ягод мы с ним поднимались вверх вдоль реки Кан и, пройдя по тайге километров 8—10, набрали очень много ягод. Чтобы их не тащить, Лёня предложил сделать из брёвен плот и спуститься на нём по реке вниз. Нашли брёвна, связали лозой, и

Лёня сам встал за руль, так как Кан – быстрая река, несколько раз по пути нам встречались пороги из камней.

С детства Лёня отличался бережливостью. Меня, как младшего брата, учили бережно относиться к одежде и обуви. С вечера начистят ботинки кремом, а утром ещё пройдет бархаткой, до блеска – и они смотрелись как новенькие. Учебники и тетрадки всегда держал в отличном состоянии. И эти качества он не утратил до последнего дня жизни.

В Красноярском крае мы жили в четырёхквартирном коттедже. Отопление было печное. Вдвоем с Лёней мы рубили небольшие сосны и на всю зиму заготавливали дрова. Лёня не разрешал их сразу убирать в сарай, а сначала просушивал в клетках, и только потом мы укладывали их на зимнее хранение.

10-й класс Лёня закончил уже в г. Красноярске и там же в 1958 г. поступил в сельскохозяйственный институт на механический факультет. Учился без напряжения, имел развитое логическое мышление, хорошо чертил. Быстро схватывал все математические предметы. Институт окончил в 1963 году и около года работал под Красноярском в колхозе в должности главного механика. В 1964 году был призван в ряды Советской армии для прохождения срочной службы. Служил до 1966 года в г. Серове Свердловской области, в железнодорожных войсках. Тем временем отец вышел на пенсию, и ему как военному дали двухкомнатную квартиру на родине – в г. Иваново. После окончания службы Лёня приехал уже в г. Иваново, к месту жительства родителей.

По трудоустройству он был направлен в город Южу Ивановской области, в машинно-мелиоративную станцию (находившуюся как раз в здании Свято-Смоленского храма), в распоряжение главного инженера. Здесь он трудился около 5 лет. Леониду довелось поработать

на многих предприятиях Южи: на прядильно-ткацкой фабрике инженером-механиком (1973—1977), в управлении с/хозяйства главным инженером-строителем (1979—1981), в райсельхозтехнике заместителем управляющего по производству (1981—1985), в СМУ «Ивановогражданстрой» начальником (1985—87), а последние 14 лет трудового стажа, до самого выхода на пенсию в октябре 2001 года, прошли на Южской птицефабрике. Этот период существования предприятия характеризовался развитием строительства, как производственного, так и жилищного, чем Леонид Леонидович и занимался. Без отрыва от производства Лёня окончил строительный институт в Нижнем Новгороде. Благодаря практике и своему вдумчивому характеру Лёня очень хорошо разбирался в строительстве. За время его работы на фабрике вводились хранилища и многие другие объекты, построенные хозяйственным способом. А это требовало постоянного контроля за строительством по типовым проектам. Иногда не было нужных материалов — разного вида ферм, балок, колонн, требовалось находить грамотный выход с точки зрения надёжности.

Как человек обстоятельный, Леонид обзавёлся семьёй уже в солидном возрасте, в 1968 году. Свою будущую супругу — Сахарову Нину Алексеевну — он встретил в Юже летом 1967 года (она тогда работала на швейной фабрике), а в феврале следующего года сыграли свадьбу. Бог им дал сначала двух дочерей, а потом и двух внучек. Леонид Леонидович был замечательный семьянин, заботливый отец, прекрасный хозяин. Пока дочери учились, всегда помогал им с уроками, особую любовь прививал к математике. Своими руками построил два больших просторных дома.

С большой любовью и уважением Лёня относился к родителям. Всегда помогал им, чем мог. Часто

советовался с ними по различным вопросам, прислушивался к их мнению и по быту, и по жизни в целом. Вот только когда он решил строить дом, отец не одобрил намерения сына. Лёня настоял на своём, и его дальнейшая жизнь в г. Юже показала его правоту в тех условиях. По характеру Лёня был выдержаный и спокойный человек, но замечательно умел поддерживать общение, был компанейским, с развитым чувством юмора. Мог сплотить любой коллектив.

Леонид Леонидович продолжил в своей трудовой деятельности традиции Балиных. По собственной инициативе и по просьбе трудового народа он в 1993—1994 годах (испросив согласия директора птицефабрики Грехова) устроил в Старой Юже водопровод, качество воды в котором до сего дня такое, что её даже возят в Талицы за 30 км. Выйдя на пенсию, Леонид Леонидович не остался в стороне от общественных проблем и организовал с газовым товариществом «Старая Южа» огромную стройку газопровода на 200 с лишним домов, самолично доставал все стройматериалы и оборудование. Газопровод был пущен в 2004 году, но перегрузки и недоброжелательство некоторых местных жителей подорвали здоровье этого самоотверженного человека. Его теперь нет с нами, но его любовь до сих пор согревает и в переносном, и в прямом смысле сотни южских семей.

Раздел 5

Наши публикации

**Свидетельство
Кошелева Юрия Ивановича о явлении ему и его
супруге Евдокии Николаевне**

**Пресвятой Богородицы в пламени печи и
об обретении ими медного образа Божией Матери
Неопалимая купина**

По дороге Южа-Иваново стояла вековая сосна. И как-то случилась сильная гроза, и разряд молнии угодил в эту сосну. Через год она, т.е. сосна, засохла, и её спилили и предложили мне, т.е. Кошелеву Юрию. Дело в том, что я живу недалеко. И вот сосну мы распилил на дрова. 19 ноября 1996 года я стал топить печь. Дрова были той сосновой, в которую попала молния. Дрова прогорели в топке, и я начал подбрасывать ещё. Подбросив дров, я решил помешать их кочергой. Открыв дверку топки, я увидел в ореоле огня Пресвятую Мать Богородицу с Ребёнком на руках. <Матерь Божию> Я увидел большую, т.е. не соответствующую тому размеру <которого было изображение> иконы, большую, и казалось, что Она шевелилась, так как тепло, т.е. пламя, было живым. Об этом я сказал жене, она была рядом, пекла блины.

Юрий Иванович и Евдокия
Николаевна Кошелевы

На что она ответила, что у меня поехала крыша. Я тогда закричал, чтобы она заглянула в топку, что она и сделала. Увидев истину <моих слов>, схватила совок, стала вытаскивать полено с иконкой. Я подставил ведро с водой, затем рукой выхватил полено и опустил в ведро. И быстро побежал с ведром на улицу, чтобы не напустить дыма в доме. На улице я вынул иконку, т.е. отсоединил от полена. Полено я оставил на улице, а иконку принёс домой. Взяв тряпочку, я стал

обтирать иконку, она заблестела, как бы не была в огне и печи. После <через день> я пошёл в церковь к батюшке, хотел узнать название иконки. Батюшку я встретил, он шёл мне навстречу. Показав ему икону, я спросил название. Он, то есть батюшка, мне сказал, что это купина Неопалимая. Я хотел ему рассказать об этом случае, как пришла мне в руки иконка, но он, видимо, куда-то спешил, слушать не стал. Затем жена написала письмо в Новгород Великий дочерям, которые живут там. Ну и оттуда, то есть из Новгорода, сразу позвонила дочь – Ирина. Спросила, отдали ли я иконку в Новгород? Я согласился, так как слышал от своей мамы, что, найдя икону, её нужно отдать в храм. Так я и поступил, приехала дочь, я ей отдал иконку и на праздник Введения Четвёртого декабря она, то есть иконка, была в Новгороде Великом в своём храме <под названием> «Купина Неопалимая». Так Южа стала сестрой Новгорода Великого. Сейчас церковь действует, и иконку видят и молятся перед ней христиане.

Адрес дома Кошелевых, в котором произошло Явление и обретение:
г. Южа, ул. Калинина, д. 72, кв. 1.

История села Нижний Ландех и Святоезерского монастыря

Известие жителям села Нижнего Ландеха о прежнем бытии и нынешнем цветущем его состоянии, о строении в нем двух каменных церквей, о утвари церковной, о колокольне каменной, в которых годах оная строена и какого весу на ней колокола, также и о нашествии на село Нижней Ландех злочестивых ляхов и пожаловании означенного села князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому, а потом и князю Михаилу Алегуковичу Черкасскому и о родословии их, а потом о преществии продажею во владение его сиятельству генерал-поручику, действительному камергеру графу Владимиру Григорьевичу Орлову, также в котором году оное произшествие было. Здесь же повествуется о бывших в означенном селе Ландехе четырех пожарах. О древности Святоезерской и Флорищевой пустыни, собранное из разных печатных и рукописных историй, от устных преданий и самовидцев – о чем будет ниже писано...

Еще повествовали наши старожилы, что ниже села Нижняго Ландеха по правую сторону реки Ландеха от села в верстах двух есть урочище Кровавой стан называемое, и что в том месте была с поляками кровавая битва, ибо мимо того места была в то время малая проселашная дорога, а после на том месте, и далее к урочищу Сироткину, оттоле к Сухому Лому, к Жукову Бору да к селу экономическому Дмитревскому пролегала дорога старинная уская, коя следы и ныне находятся, то есть уские мосты по болотам. Дивиться надобно, какие разъезды у них были, потому что были болота широкие, а дорога уская, окруженная густым лесом, в коем гнездилось после сонмище людей голых, не токмо ничего собственного не имеющих, но и в нужнейшем одеянии претерпевающих недостаток. Они у проезжающих отрезывали карманы, а с противящимся и билися, и так взошла в обыкновение

пословица про ту старинную дорогу: кто де оное место благополучно проедет, тот отпоет молебен. Да ниже села Мыту и ниже села Спасакого, которое лежит по правую сторону реки Луха на урочище по названию Дьякон, была через реку Лух малая проезжая дорога, на ней такие же разбои происходили.

Почему же народ принужденный был ездить оною ускою и лесною дорогою, а не ехал большею чрез село Мыт? Село Мыт прозвано таким именем, потому что государственная чрез него как ныне и в то время лежала дорога, и чрез реку Лух тогда, как и ныне, был на судах перевоз. Там откупщики собирали по просторечию здешних поселян мытовщину, то есть государственные внутренние подати или пошлины со всяких чрез оной перевоз товаров, а не так как ныне на пограничных собираются таможнях. Да не токмо с проезжающими от Мыту, и в нашем Ландехе и во всей России на всех базарах и ярмонках за всякую всячину брали пошлину. С базару на базар те откупщики пошлины посылали от себя ларешных, то есть по нынешнему наречию поверенных, а поверенные от себя целовальников, кои ходя по базару собирали пошлину, у купцов красные товары осматривали, где они куплены и пачена ли за них пошлина, и есть ли на тот товар ерлык.

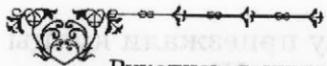
А как ерлыка нет, то они поступали по закону... или смотря по карману. С чернию же нашею братьею так ласково обходились, что ежели кто вывезет на базар корову, овцу, баран, курицу и даже и самые яйца, то со всего того брали седьмую долю, да что я говорю о коровах и баранах, в тогдашнее время и с лаптей была пошлина, которые можно сказать, что в высокой цене были, а именно копейка, с полушкой копейка, а естьли дорого и грош. Давали же пошлину с лаптей денгу, а как не дашь, да будешь так продавать, то скажут, что ты богаче нас будешь. Равным образом со всякого хлеба, со скотины, с тесу, с бревен, с лыку, с мочал пошлины собирали. Такие зборщики носили с собою молоток, на котором были литеры, и есть ли кто заплатит пошлину, то оным молотком на санях или на

телеге зделают знак, что де с того продавца пошлина взята. Конские же пошлины собираемы были на всяких базарах и брата была пошлина по 5 копеек с рубля. У сего сбору и я был в малолетстве своем писцом... По причине сих трудных обстоятельств и потаенными ездили дорогами. Прекращен етот збор таможенный блаженной памяти государыней императрицею Елизаветою Петровною в 1755-м году... и так положен весь збор государственного дохода на пограничные таможни, внутри же России зделалось спокойно. По селу Дмитревскому после дорога отменена, а проложена по левую сторону реки Ландеха, впадающей в реку Лух прямо к деревне Китайновой...

1762 года во Фролищевой пустыне ярмонка престала быть, понеже стали быть на всех дорогах по трактам идущим в ту пустыню: от Гороховца, от Мугреева, от Якушева и от Промешков великие разбои и грабежи и в том году убит на пути по тракту к Якушеву слободы Городца, что на Волге, человек не последний именем Филипп, фамилии не помню, ехавший со своими товарищи покупать холст. На том пути большая была у градских торговцев с разбойниками в защищении себя битва: как-то стрелянием из ружей, рогатинами, пиками и дубинами. В нынешнее же златое время с царствования в бозе почившая Великия Государыни Екатерины Вторыя все переменилось в тишину и в спокойство. В прежние годы при бывших начальствах не токмо в далные страны, но и около своего селения съездить: как-то в Мыт на ярмонку на Вознесение, в Верхний Ландех на Ильинскую ярмонку все ездили артелями, большим товариществом и вооруженною рукою, а из Украины, около Холуйской слободы, от села Южи и от Мугреева окружного объезду болотного проезжали с заряженными же ружьями, копиями, саблями и дубинами, каждой дорожной шел вооружен. А без сего до дому спокойно проехать не можно было...

На оную Фролищевскую ярмонку приезжали купцы московские, отторговав Макарьевскую Желтоводскую ярмонку, сверх того нижегородские с пестредми,

мурашкинские за покупкою мерлушек, Гороховские, вязниковские. А особливо из слободы Городца, как выше показано за покупкою холста. А из сел Васильевского с пестредью, из Якушева, Мыту, Верхнего Ландеха с продажею холстов. Наши Ландевские торговцы с рыбенским и корсунским поясем, опоясками, снурками, а женчины тож с холстами. Из Парского с роговыми гребнями, из Дунилова с сапогами, Пестяковские с чулками и варигами, окружные же деревенские жители с разными деревенскими изделиями. И для того были от монастыря повсегодно деланы из тесу лавки и балаганы, також и харчевни были по обе стороны дороги, ведущей к Гороховцу разстоянием от монастыря с гоны. А в тез балаганах были печи складены, в коих варили для проезжих шти, горох, грибы, каш и печены были равно как для гостей блины и мягкие калачи. Напитков русских грубых (опречь виноградных и медовых нехмельных, а утешительных, то есть подвеселительных для искусственных и воздержных людей) не было, ни же самого кабака, ибо от монастыря кабак становить не позволялось вблизи онаго. Однак русский промышленник без любимого им в дороге от скуки вина всячески доставать себе оное умел через средство проворных ребят. Пьяных же из черного народа не видно было, а потому и никаких замешательств в торгу не было. И от той ярмонки в монастыре была немалая прибыль. А как оная ярмарка по причине обид от разбойников упразднилась вовек, то открылись в других местах большие съезды торговые, и холщевая покупка стала быть в разных местах, а именно июня 24 числа у Макария и в Пуреху у Пречистой, июля 20 в Верхнем Ландехе, а 25 июля же в самом Пурехе, августа 5 дня в Катунской волости в селе Ситском. А прежде этих ярмонок почти совсем не было. А толко более была августа 15 числа в селе Пестякове, где и ныне еженедельно бывает же».

Рукопись документа «История села Нижний Ландех и Свято-озерского монастыря» хранится: ОПИ ГИМ. Ф. 450. Ед. хр. 290а.

**Описание Владимирской губернии,
сочинённое по обозрению оной в 1817-м году**

«**Г**лавная дорога во Владимирской губернии есть так называемая большая Симбирская дорога, идущая из Москвы чрез Покров, Владимир, Судогду и Муром и Арзамас. От города Владимира существуют довольно приятныя и хорошия средния дороги во все уездные города и соседственные губернии. Между уездными же городами находятся небольшой части малые дороги, однако доставляющие повсюду нужное и довольно хорошее сообщение. Главные реки во Владимирской губернии есть 1-я река Ока и 2-я река Клязьма. Река Ока по течению своему через Меленковский и Муромский уезды принимает в себя несколько малозначащих рек и речек, — но главная часть вод, обращающихся по всей Владимирской губернии струится ручейками и речками, кои сливаясь в разных местах составляют стихийныя реки, текущия в главную реку Клязьму, которая принимает оныя с обеих сторон, но значительнейшая из них в левой берег течения своего: как-то в Покровском уезде реки Киржач и Пекшу, во Владимирском реки Колокшу и Нерль, в Ковровском реку Уводь, в Вязниковском реку Тезу и на границе Вязниковского и Гороховецкого уездов реку Лух. В правой же берег принимает только две таковых реки: в Судогодском уезде реку Судогду и в Гороховецком реку Суворшу. Упомянутые реки во многих отношениях весьма полезны для внутренних оборотов и для хозяйственных надобностей».

«На конец сего описания приложены маршруты по всем состоящим в губернии дорогам, как большим так и средним и малым, в коих означены все подробности местоположения от одного этапного места до другаго. Сверх того к сему же принадлежат 13 тетрадей, содержащих описание каждого уезда порознь, с присовокуплением к оным Алфавитных ведомостей,

всем состоящим в уездах селениям, деревням, слободам, посадам, погостам и проч».

Река Клязьма. Река Клязьма принимающая начало свое в Московской губернии, извиваясь в обширной долине посреди сенокосных лугов, протекает вдоль Владимирской губернии, направляясь от запада к востоку чрез уезды: Покровской, Владимирской, Ковровской, Вязниковской и Гороховецкой, на границе которого близ погоста Бересцы и изливается в реку Оку.

Река Клязьма для судоходства более удобна, нежели она на то употребляема, ибо по близости оной находится фабрик, которых произведения могли бы вывозиться по ней. Для привоза же хлеба нужно судоходство по оной только до реки Нерли, т.е. до тех мест, в коих недостаток собственного своего хлеба для жителей. Весною при большой воде спускаются однако к Московской губернии несколько лодок, нагруженных фаянсовою посудою.

При городе Гороховце на сей реке есть пристань для шести судов, из коих четыре нагружаются стеклянною посудою и отправляются до города Астрахани, две же приходят из города Моршанска с хлебом, выгружаемым в городе Гороховце.

Река Клязьма разливается в одно время и наравне с рекою Окою по всей своей долине, в летнее же время долина сия заключает отменные сенокосные луга и пастбищные места, пересекаемые множеством озер и заливов.

Переправы чрез реку Клязьму во Владимирской губернии есть следующие: в Покровском уезде по малой дороге из Владимира в Рязань близ деревни Илькодина большой паром, во Владимирском уезде при городе Владимире мост на плотах длиною сто восемьдесят шагов, при городе Коврове мост на плотах без якорей и канат, весьма худо жердьми, хворостинами и лыками укрепленный, длина сего моста также есть сто восемьдесят шагов.

На средней дороге от Шуи в г. Вязники находится

близ деревни Энники перевоз на пороме, при городе Вязниках также мост на плотах длиною 200 шагов, при городе Гороховце такой же мост, на плотах, настланных тесом и скрепленных якорями и канатами длиною 270 шагов. Во время разлития реки находятся здесь два парома, помещающих один до 50-ти и другой до 100 человек.

Весною, а именно в апреле месяце, когда река Клязьма разливается по всему своему поему, снимаются все мосты и учреждаются перевозы на поромах: при г. Владимире и при г. Коврове по два порома, помещающих каждый по 200 человек пехоты, но как путь сих перевозов бывает при г. Владимире до 3-х верст, а при Коврове до 6-ти верст, то во время весны оныя перевозы для войск слишком медлительны. В летнее время здесь не существует наводнений, как бывает в краях близ больших гор лежащих, в осенне время, которое весьма коротко, скорое наступление зимы останавливает здесь разливание воды во всех реках. Рыбная ловля в реке Клязьме не значительна.

Города и селения. В разсуждении строений надобно заметить, что во всех здешних городах партикулярные дома (кроме дворянских) суть постоянные дворы, в которых тех домах двор покрыт хорошим навесом, так как во время дурной погоды можно поставить до целой пехотной роты, или целого взвода кавалерии на время в один постоянный двор. В селах и деревнях дома...построены обычно по обеим сторонам дороги.

Маршрут № 34.

По средней дороге от г. Владимира к г. Коврову до с. Введенского и от онаго по малой дороге через с. Большие Стеголицы, Лучкино и слободу Холуйскую до с. Пистяков.

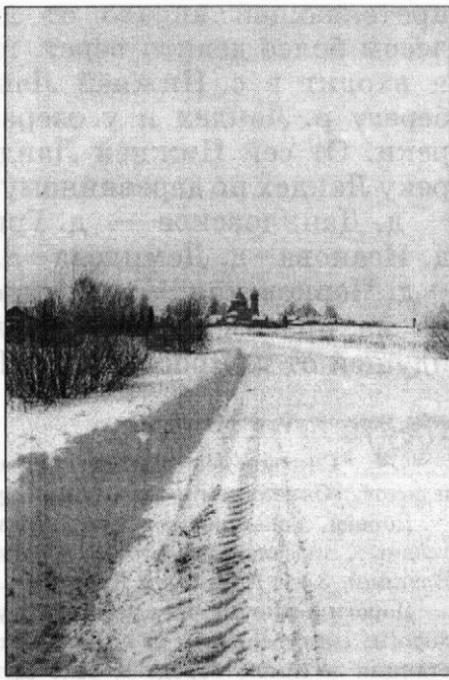
Г. Владимир – д. Виселки – д. Треховицы – с. Большие Стеголицы – с. Шапкино – «и пройдя чрез с. Шапкино лежащее на ровном месте близ лесу

проходит ровным же местом между небольшими рощами до с. Лучкина, лежащего по обеим сторонам малого истока. В стороне от сего села находятся деревни Резанка (влево $\frac{3}{4}$ вер.) и Редкина (влево 1 вер.), лежащие первая на левом, вторая на правом берегу истока, у которого стоит помянутое село. От села Лучкина дорога в ровном и открытом местоположении, оставляя в стороне д. Бурнакову (влево 1 и $\frac{1}{2}$ верст) и Чуракову (влево $\frac{1}{2}$ верст), лежащие на средней дороге ис Шуи в г. Вязники в которой сия дорога соединяясь идет до д. Изотиной, лежащей на ровном месте близ лесу. Выйдя из д. Изотиной дорога сия сходит влево с дороги идущей из г. Шуи в г. Вязники¹ и ведёт по краю лесу на находящуюся вправе, проходит через д. Михееву лежащею у сего лесу и от сей деревни пройдя лесом близко двух верст, выходит на пространную поляну, на коей стоят деревни Косевка и Спигарева, пройдя через которые и через поляну на коей оне находятся, проходит небольшой перелесок и ведет во д. Деревягину, лежащею на ровном и довольно открытом месте, в сторонах от коей находятся с. Мардовское (вправо 1 верста) и д. Грышева (влево $\frac{1}{2}$ верст), лежащие на открытом поле. Пройдя некоторое разстояние полем дорога проходит через небольшой кустарник, опускается с отлогой высоты, образующей берег р. Тезы и идет лугом до самой Холуйской слободы, лежащей по обеим сторонам помянутой реки, где на сей реке находится деревянной мост на плотах, который во время наводнения снимается и учреждается тут переправа на пороме. Выйдя из Холуйской слободы дорога проходит немного пониз же р. Тезы поднявшись потом на отлогую высоту идет на верху близ скату оной, оставляя влево неподалеку лес и деревни Русинову, Сойну и Костяеву (влево $\frac{1}{4}$ верст), лежащие на верху помянутой высоты, ведет через д. Реброво и Тарактеева лежащих у подошвы той же высоты на правой стороне небольшой речки. От сей последней деревни дорога ведет вверх по правому берегу помянутой речки, проходит малой проселок, оставляя в стороне деревни Смелову (влево $\frac{3}{4}$ вёрст) и Нефедову (влево 1 $\frac{1}{2}$ вёрст), лежащие на

довольно пространной поляне дорога проходит речку по которой по правому берегу села поднявшись на отлогую высоту входит в с. Южу, лежащее на сей высоте близ леваго берега показанной речки и по большой поляне. Выйдя из сего последняго села дорога сходит с отлогой высоты, на коей стоит село, потом ведет в лес, которым пройдя четыре версты, выходит на ровное и открытое место, по которому проходя оставляет по сторонам деревни Шахматову

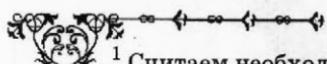
(вправо $\frac{1}{2}$ верст), Костяеву (вправо 1 верст), Родионову (влево 1 верст)

и Могучеву (влево $1\frac{1}{2}$ верст), лежащие на открытом местоположении, идет до д. Клестовой, лежащей в ровном поле. От д. Клестовой дорога пройдя в подобном прежнему местоположению проходит через д. Плятову, лежащей на ровном месте близ небольшой рощи, д. Черемисину, расположенную на ровном поле и проходя далее по открытому местоположению на ровном поле входит в село Малое Мугреево, лежащее на правом берегу р. Луг. В недальном разстоянии по селам от того села находится село Большое Мугреево (влево 2 версты) и деревни Потанина (вправо $\frac{1}{2}$ верст) и Боброво (вправо 1 верста), лежащие в открытых местах и на отлогом скате праваго берега реки Луг. Выйдя из с. Малого Мугреева дорога проходит через р. Луг по деревянному на сваях мосту и пройдя оный мост счас входит в лес, в котором ведет по нискому грунту земли в двух с половиной верст от реки Ландех,

Балахонский тракт
(дорога Южа—Талицы).

протекающей вправо от дороги. Дорога ведет сим лесом более девяти верст, проходит две версты полем и входит в с. Нижней Ландех, лежащей на правом берегу р. Ландех и у озера, находящегося тут у сей реки. От сей Нижней Ландехи дорога проходит чрез реку Ландех по деревянному мосту» и далее: д. Трусина — д. Даниловское — д. Грибки — д. Марамонова — д. Исакова — д. Демидова — д. Шлыкова — д. Митинская — д. Черновская — д. Голидова — с. Пестяки лежащее на на правом берегу р. Пурех и на средней дороге идущей от г. Ярославля в Нижней Новгород.

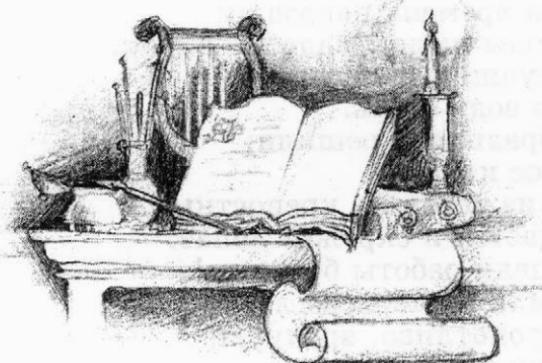
¹ Считаем необходимым привести здесь описание г. Шуи с уездом и дорог: «Описание города Шуи и округи его.

Дороги, лежащие чрез город. Чрез город лежат губернские почтовые, уездные, проезжие и торговые дороги следующие: 1-я в Кострому, 2-я в Вязники, 3-я в Лух, 4-я в Ярославль.

Дороги лежащие чрез уезд. Чрез уезд сей лежат следующие большие дороги: 1-я губернская из г. Владимира в г. Кострому, на оной почтовая станция в самом городе и селе Дунилове. 2-я уездная из г. Шуи в г. Вязники, на оной почтовая станция в деревне Якушевой. 3-я из г. Шуи в г. Лух без почтовых станций, другие также лежат в г. Лух, выходят на небольшую Костромскую дорогу и поворачивают в г. Нерехту.

На первой из оных прогоняется скот и привозится хлеб, 4-я лежащая из Шуи на торговое село Иваново в г. Ярославль, по кой много отправляется изделия селений сей округи». ОПИ ГИМ. Ф. 184. Ед. хр. 24. Л. 73—74.

Рукопись документа «Описание Владимирской губернии, сочинённое по обозрению оной в 1817-м году» хранится: ОПИ ГИМ. Ф. 184. Ед. хр. 24.

Раздел б

Поэтическое приношение Родному краю

Юрий Никонов

Из истории моей Родины (отрывок из автобиографической поэмы)

Ю

жский район – наши земли родные,
Это – Ивановской области юг.
Наша семья здесь корнями своими...
Русичи издавна жили вокруг.

Древние сёла стоят, деревеньки –
Груздево, Селищи, Холуй, Хотимль...
А вот в Мордовском в семнадцатом веке
Никон* начало всем нам положил.

Только в техническом веке двадцатом
Значимость начали сёла терять,
Город возник, стал он центром богатым,
Стали промышленность в нём развивать.

До революции не было Южи,
Только деревни стояли вокруг
Близко – Омёлово, Старая Южа.
Церковь когда-то работала тут.

Белая, каменная, с колокольней –
Действовал здесь православный приход.
А возле изб на лужайке просторной
Пасся крестьянский хозяйственный скот.

* Никон - предок автора.

Воду для нужд своих жители брали
Из ручейка, что поблизости тёк.
Но за века времена показали:
Больше воды людям надобно впрок,
Чтобы земля ещё лучше родила.
Но из ручья далеко воду брать.
Как-то мирияне, собравшись, решили:
Озеро будем большое копать.

Сходятся из деревень крепостные,
Стук раздаётся и скрежет лопат.
И — закипели работы большие!
Комья земли из карьера летят...

Так день за днём кропотливо, вручную,
Выкопали вдоль ручья котлован,
Сделали насыпь, плотину большую,
И накопился воды океан.

Эта работа была колоссальна,
И результат не замедлил прийти:
Уровень речки намного поднялся,
Воды её до усадеб дошли.

Хватит! Пора задержать наводнение.
В центре плотины прорыли проход.
Снова ручей продолжает течение,
От водопада начало берет.

Озеро — Вазаль назвали, а речку —
Вязовкой. Так появились они.
Правил деревней Протасьев-помещик,
Фабрику он основал в те же дни:

Мануфактуру бумагопрядильную
С многими тысячами веретён
И, только пять лет побыв управителем,
Продал другому помещику он.

То был купец и торговец богатый,
Ставший потом фабрикантом, Балин.
Он по-хозяйски чтил собственность свято,
В ней чистоту и порядок хранил.

Первоначально стояла отдельно
Фабрика, от деревень далеко,
На берегу. Но потом постепенно
Город разросся вокруг широко.

Город рабочий: с цехами и складом,
Город текстильный, промышленный центр.
Сёла, деревни, лежащие рядом,

Центральная улица Южской фабричной слободы.
Около 1900 года.

Вдруг в городской оказались черте.
Наша семья здесь жила и трудилась
Долгий в то время рабочий был день
Поговорить у станка доводилось,
Чаю попить, не спеша, между дел.

Заработка на все нужды хватало
Цены держались не так высоко
Каждому были доступны товары,
Каждый себя прокормить мог легко.

Все здесь любили родную природу.
Озеро с пристанью лодочной... В нём
Через зеркально-прозрачную воду
Бглубь на два метра дно видно кругом.

И на песке различим каждый камень!
Озеро в лес уходило концом.
Боровики находили южане
Чуть ли не в поле, за самым селом.

Хворост, валежник в лесу собирали —
Каждую веточку, палку, сучок.
Взрослых деревьев тогда не срубали:
Лес свой народ пуще глаза берёг.

Наши праотцы им любовались,
При Балине он был чистый, как парк.
Только никак люди не догадались,
Что им недолго осталось жить так.

Страшной грозой и всемирной стихией
 Грязнул кровавый семнадцатый год.
 На богачей, на восстанья лихие
 Ленин повёл за собою народ.

Где жилось тяжко, там люди роптали,
 Были в обиде на злую судьбу.
 Под их горячую руку попали
 Те, кто зажиточней в этом миру.

И заодно Балина раскулачили —

Эксплуататором, видно, сочли.

«Светлое будущее» строить начали,
 Всюду колхозы свои развели.

Ну а в одном регулярно работала
 В юности бабушка Лина моя.
 Но — эти все перемены огромные
 Не осчастливили людям житья.

В годы Второй мировой, при Советах,
 Мёрз, голодал повсеместно наш люд.

Так же, как в Первой... войне было это,
 Как при царе! Что улучшилось тут?

В Юже партийность была характерна,
 Улицы звали везде на свой лад:
 Красноармейская и Коминтерна...
 Их в честь кого только не окрестят:

Улицы Ленина, Фрунзе, Дзержинского,
 И Пионерская, и Первомай,
 И Черняховского есть, и Урицкого
 И Комсомольская — всех поминай!

Раньше за всей городской территорией
 Каждый смотрел, как за лично своей,
 Но изменилось всё в ходе истории —
 Собственности вдруг лишили людей,

Всю её передали государству:

«Собственности частной быть не должно».

Это, мол, признак ушедшего барства.

Только к чему это всё привело?

Не разобрать, что своё, что чужое.
 В общем колхозе работать зачем,
 Если своё есть не худшее поле?

А урожай дайте мне, как и всем!

Доски из общих мостов и заборов

Драли на разные нужды себе,

Рельсы на общих железных дорогах

Взял кто-то, а ремонтируйте — все!

С тех пор, как лес объявили общественным
(Хоть никогда чьим-то он не бывал)
Новшество то обернулось лишь бедствием:
Начался массовый лесоповал.

В общем лесу каждый брал свою долю:
Там куча веток, тут — спиленный ствол...
Свалки везде. Захламлялось приволье.
Зверь из окрестностей Южи ушёл.

Да и грибов стало меньше встречаться:
Всюду железки, тряпьё, целлофан...
Лишь далеко, километров за двадцать,
Белый найдётся на радость глазам.

До воцарения нового строя
Около Южи кирпичный завод
Действовал, но ...оказался в застое.
И растащил его местный народ.

Зато текстильная, с новой-то техникой
От сократившихся смен и часов
Так завелась, что работничкам цеховым
Стало уж не до общений-чаёв:

Хоть с оборудованьем бы управиться!
И — беготня от станка до станка...
А приплетёшься домой — вспоминаются
В прошлое канувшие времена.

В целом, одно, прогресс был немалый:
Темпы строительства быстро росли,
Новые зданья вокруг вырастали,
Брали всё больше соседней земли.

Ширилась Южа всё больше, и больше
Школ, магазинов, аптек и больниц
Тут открывалось, работала почта.
Электросеть и горгаз завелись.

Службы пожарных, ГАИ и милиции,
Библиотеки, спортбаза, кино.
Клубы — ну всё, чем могла бы гордиться
Цивилизация, что ей дано.

Так появился и сформировался
И приобрёл свой сегодняшний вид
Город, где нас уже много рождалось —
Там, где мы жили, живём, будем жить.

30 декабря 2000г – 22 января 2001 г. (15 лет)

**СКАЗАНИЕ
О РАТНОМ ПОДВИГЕ КНЯЗЯ
ДИМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО**

Из того ли да города из Новгорода
Выезжал удалой добрый староста,
Как из Нижнего выезжал Косьма,
По прозванию Минин сын.
Как явился ему в сне-видении
Старец Сергий, игумен Троицкий,
Повелел ему рать собрать,
Рать великую, на Москву идти.
Ляхи там взяли силушку,
Нет в Москве царя батюшки,
На Москве нет честных бояр,
Добры воины все полонены,
Патриарха же батюшку морят голодом!

Собирал тут Косьма весь честной народ,
Добрых воинов и стрельцов,
Хлебосольных купцов да оружейников.
Молвил тут Косьма-староста
Таковы слова:

«Ой как нужен нам предводитель-князь,
Воин храбрый, испытанный.
Да кого нам найти?»
«Князя Дмитрия!»
«Дмитрий-князь далеко сидит,
Не сложил едва буйну голову,
Лях лихой брался с ним,
Пролил на землю его кровушку.
Долго раночки-то затягиваются,
Ну а нам медлить некогда!»
Тут седлали коней добры-молодцы
Да пошли скорей во дороженьку
За дремучий лес, да на Лух-реку,
Во село в земле Сузdalской,
Прозывается же село то Мугреево.

Повстречали мужи князя верного,

Дмитрия, сына Михайлова, Пожарского.
Обращали к нему таковы слова:
«Ой ты князь наш, Димитрий Михайлович!
Дай согласие да пойди в Москву,
Патриарх сам отец просит нас идти
Ибо враг уже дожидается,
Да грозится всех нас взять в полон,
Истребить наш народ, землю Русскую!»
Понял князь — велика беда,
Отступать нельзя, да и медлить как,
И грозит неминуемо гибель всей Руси.

Помолился князь, поклонился князь
Образам святым, что во Божнице,
Взял с собой во дороженьку
Образ честной Богородицы Казанская.

Собирал тут на радостях Косьма ополчение,
И хотели поспеть в Ярославль-град.
Подъезжает князь да ко славному,
Да ко городу Ярославлеву.
А собрался уж силушки тут
Да черным-черно.
Да выходили-то мужи тут Ярославские,
Отворяли-то ворота в Ярославль-град.
Говорит им Косьма Минин сын,
Говорит таковы слова:
«Ой же Вы, мужи Ярославские!
Мы идем в Ярославль-град
Собирать Вас всех во дороженьку,
До Московии, града стольного,
Града царского, да не вольного.
Нет у нас царя-батюшки,
А бояре-то все полонены.
Собралось там воронье-черно.
Уж пешком-то туда и не хаживают,
И на добром коне не проезжают.
Птица Божия не пролётывает,
Серый зверь да не прорыскивает!
Как под нашим-то градом царским
Вражья сила собралася великая,
Хочет нас покорить себе Жигимонт-король,
Русь великую — царству Польскому.

Приглашение князя Пожарского повелевать войсками
ополчения 1611 года. Художник П. Иванов.
“Живописный Карамзин, или Русская История в
картинах”. С.-Петербург. 1836 г.

Хочет взять в полон наш Христов народ,
Церкви Божии все на дым пустить,
Вам, мужи, поснимать буйны головы!
Гой, мужи Ярославские, добры молодцы,
Вы седлайте-ка своих добрых коней,
Поезжайте в столынный град-Москву.
Вы постойте-ка за веру, за Отечество,
Вы постойте-ка за церковь Православную,
Вы постойте-ка за славный столынный град
За родную землю разорённую!»
Войско ратное собирается,
Образами, Стягами украшалось.

Сели тут на борзых коней
И поехали да во славный град,
Град Московию.

Как на ту пору, да на времечко
Издалеча-далека, с чиста полюшка,
Из-под западной-то сторонушки
Да не дождь дождит, да не гром гремит,
То не гром гремит — шум велик идёт:
Тучей чёрною идёт войско польское,
И казаки тут, шведы-воины,
И литва — все идут на Московию.
И была тут сеча великая,
Полегло на ней много душ.

Как схватились во схваточку боротися,
Борются первый день с утра до вечера,
День другой борются с вечера до утра,
А на третий день сорвалась у врага
Рука правая да разжалася,
Нога левая подвернулася.

Как упал ворог злой на сырь землю-матушку,
Мать — сыра земля да сотрясалася!
И наслал Господь на врага голод лют,
Страх велик — малодущие.
А под стягами да хоругвями
Стал весь люд православный крепитися,
Пред Казанскою иконою молитися,
Как стеной стали воины, люди русские
Да пошли выметать со своей земли
Нечисть всякую да поганую.

Воссияло тут солнце красное,
Над родной стороной небо ясное.
И воспрянул народ честной,
Поклонился в ноги он смелым воинам.
Добрый ратникам-свободителям.
Выкликал народ князя Дмитрия
На Руси ему быть царём-батюшкой.
Поклонился тогда людям Дмитрий-князь,
Молвил им таковы слова:
«Ой да люди вы, люди добрые,
Сослужил я Отечеству службу верную,
Да не править пришел, а служить хочу,

Послужить хочу царству Русскому,
Чтоб стояла и впредь на лице земли
Русь державная да свободная!»

И до сей поры помним мы его,
Князя Дмитрия Михайловича Пожарского,
Как он землю спас от лихих людей,
Землю Русскую от захватчиков.

Память та до сих пор живёт,
Жить же ей, пока жив народ,
Род честной христианский.

А на княжей земле, где он раны лечил,
Во далёком селе во Мугреево
По народной любви да и памяти
У дороги лёг камень памятный,
Надпись там о делах говорит,
Славных подвигах князь-Пожарского.

И печать его княжия
К тому каменю приложена.

Да и ты пойди той дорогою,
Прикоснись рукой к камню древнему,
Поклонись кресту церковному,
Да пред Божиим лицом с благодарностью
Помяни имя Дмитрия-Свободителя.

Памятный камень Д.М. Пожарскому в родовом селе князей Пожарских Мугреево-Никольское.

Краткие сведения об авторах публикаций

1. Аверин Вадим Александрович – начальник Ивановского отряда Верхневолжской археологической экспедиции института археологии РАН, преподаватель кафедры истории культуры ИГХТУ.
2. Аверина Анна Викторовна – специалист отдела охраны объектов культурного наследия комитета Ивановской области по культуре.
3. Балдин Кирилл Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ИвГУ, председатель Ивановского краеведческого общества.
4. Захарова Ольга Ивановна, начальник отдела публикации и использования документов ОГУ «Государственный архив Ивановской области».
5. Иванов Юрий Александрович, доктор исторических наук, профессор Шуйского педуниверситета, руководитель Шуйского краеведческого общества.
6. Иванова Алёна Юрьевна, студентка, кафедра Отечественной истории ИвГУ.
7. Иванова Вера, уч-ся 10 класса Мугреевской средней школы (п. Мугреевский), участница Исторического кружка, 15 лет.
8. Климашов Илья Юрьевич, Ивановский областной Центр развития дополнительного образования детей, руководитель кружка археологии.
9. Священник Алексий Лихачёв, настоятель Свято-Смоленского храма в Юже, кандидат богословия, член общественного совета Южского р-на по краеведению.
10. Никонов Юрий, молодой южский поэт; автобиографическая поэма с историческими заметками о Юже написана им в 2000 г. в возрасте 15 лет.
11. Печкин Михаил Борисович, директор Холуйского художественного училища.
12. Фролова Элла Владимировна, директор Ковровского районного краеведческого музея, аспирант кафедры Отечественной истории ИвГУ.
13. Якушкин Геннадий Радикович, сотрудник Российского государственного архива древних актов.
14. Якушкина Марина Михайловна, сотрудник Государственного Исторического музея.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Раздел 1. Источниковедение и историография Южского края	
Иванов Ю.А. Князь Пожарский: вчера, сегодня, завтра. (Историографический этюд)	5
Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. К вопросу об описании дорог Южского района Ивановской области (Балахонская дорога)	11
Раздел 2. Древности Южского района	
Климашов И.Ю. Археологические памятники окрестностей урочища «Толстуха» на реке Лух. История изучения и перспективы использования	20
Аверин В.А., Аверина А.В. Кремнёвая фигурка водоплавающей птицы со стоянки Ореховое-1	30
Раздел 3. Южская земля за последние три века	
Иванова А.Ю. Судоходство по реке Тезе и Холуйская пристань	34
Захарова О.И. Семья и дело Асигкрита Балина	42
Балдин К.Е. Из истории Мутгреевского торфопредприятия	52
Раздел 4. Духовная жизнь южской земли	
Священник Алексий Лихачёв. История почитания Пресвятой Богородицы на южской земле	
Вводные понятия	67
Храмы и престолы, посвящённые Пресвятой Богородице и её иконам	70
Почитание Смоленской иконы Божией Матери	79
Явление Одигитрии-Смоленской в Юже	81
Крестные ходы и украшение икон	85
Сохранение веры в годы церковной разрухи	88
О почитании Неопалимой Купины на Синае и в России	93
Сказание о явлении в граде Юже Пресвятой Богородицы, иконы «Неопалимая купина» и её отпечатка на сосновом древе.	100
Фролова Э.В. Настоятель Смоленской церкви села Южа священник Андрей Васильевич Миртов и его родственное окружение	116
Печкин М.Б. История Троицкой церкви в Холуе по письмам княжны Куракиной	125
Памяти Леонида Леонидовича Карасёва (1940–2006).	
Некролог	132
Воспоминания брата Роберта Леонидовича	136

Раздел 5. Наши публикации

<i>Кошелев Ю.И.</i> Свидетельство Кошелева Юрия Ивановича о явлении ему и его супруге Евдокии Николаевне Пресвятой Богородицы в пламени печи и об обретении ими медного образа Божией Матери “Неопалимая купина”	143
<i>Голиков О.П.</i> История села Нижний Ландех Святоезерского монастыря	145
<i>Фонвизин И.А.</i> Описание Владимирской губернии, сочинённое по обозрению оной в 1817-м году	149

Раздел 6. Поэтическое приношение Родному краю

<i>Никонов Юрий.</i> Из истории моей Родины (отрывок из автобиографической поэмы)	155
<i>Иванова Вера.</i> Сказание о ратном подвиге князя Димитрия Пожарского	160
Краткие сведения об авторах публикаций	165

ПОЖАРСКИЙ ЮБИЛЕЙНЫЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск 2

“К 10-летию явления в граде Юже иконы Пресвятой Богородицы Неопалимая купина”

Главный редактор Т.В. Ефимова

Редактор О.В.Епишева

Художники Е.А.Мареева, Н.А.Сафаров

Компьютерная вёрстка Т.В. Ефимова, О.В.Епишева, Е. А. Мареева

Подписано в печать 20.05.2007 г.

Формат 60x90 1/16. Гарнитура «School»

Печать офсетная. Тираж 600 экз.

Заказ 3247.

Издательский дом «Референт», 153000, Иваново, пр. Ленина, 20а
Тел./факс: (4932) 41-31-42, e-mail: office@ivreferent.ru

Отпечатано в ОАО «Ивановская областная типография».

153008, г. Иваново, ул. Типографская, 6.

E-mail: 091-018@adminet.ivanovo.ru

Избранные
приложения